

СВѢТЪ и ТѢНИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
1904-5 гг.

http://az.lib.ru/b/botkin_e_s/text_1908_svet_i_teni_oldorfo.shtml

Изъ писемъ къ женѣ д-ра Евгения Сергеевича Боткина.

I. -- Въ пути.

18-ое февраля 1904 г.

Мы ѣдемъ весело и удобно. Всѣ ѣдутъ за однимъ дѣломъ; всѣ военные совершенно спокойно настроены; нѣтъ никакого разговора о возможныхъ опасностяхъ, всѣ даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мѣрѣ приближенія въ Сибири, становится все теплѣе. На станціяхъ я выхожу иногда въ одной тужуркѣ, въ башлыкѣ и папахѣ. Сейчасъ здѣсь, въ Челябинскѣ, 9° мороза, воздухъ чудный, дорога прекрасная, солнце свѣтитъ, и лошадка летѣла стрѣлой. Интересно было посмотрѣть этотъ маленькій городокъ, въ которомъ однако все можно найти.

Преобладающее ощущеніе -- будто со старой жизнью у меня все порвано, и я началъ новую; будто все, что было, осталось въ прошломъ, или было только сномъ, -- что нѣтъ у меня ни семьи, ни "Общины", ни старыхъ друзей, и что предстоитъ что-та новое, невѣдомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрѣзанностью отъ васъ, отсутствіемъ всякихъ о васъ извѣстій -- и несомнѣнно только временное; но не одинъ я испытываю его, а также и капитанъ К., оставившій жену и пять человѣкъ дѣтей, причемъ младшему годъ съ небольшимъ. Первые дни онъ очень грустилъ, особенно по утрамъ, а добрѣйшій капитанъ Л., холостякъ, помѣщающійся въ одномъ съ нимъ купѣ, участливо спрашивалъ его:

-- Чѣмъ бы мнѣ развлечь васъ, голубчикъ?

Генераль Р. обѣдаетъ за нашимъ "красно-крестнымъ" столомъ и ко всѣмъ намъ относится удивительно мило. Ложась раньше всѣхъ, онъ первый и встаетъ, и, зная, что предоставленные себѣ, мы рискуемъ проспать даже обѣдъ, будить насъ, предупреждая о большихъ станціяхъ.

-- Докторъ, извольте приказать себѣ встать! -- разбудилъ онъ сегодня меня:-- черезъ полчаса Каинскъ, и мы стоимъ тамъ 35 минутъ.

Днемъ онъ сегодня надъ картой Маньчжуріи обсуждалъ различныя возможности нападенія японцевъ, и это было интересно. Къ намъ присоединился еще одинъ офицеръ, очень хорошо знающій китайцевъ и ихъ языкъ; сегодня я учился у него этому языку и съ интересомъ слушалъ его рассказы. "Ига, линга, санга, сыга, уга, люга, чига, пага, дзюга, шига" значить: 1, 2, 3... 10. Встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, китаецъ спрашиваетъ его: "Какъ твое дорогое имя?", потомъ, вмѣсто привѣта, спрашиваетъ: "Кушаль ты или не кушаль?" Отвѣчаешь: "Кушаль", т.-е.: "ги фанъ ля". Потомъ задаетъ вопросъ: "Сколько прекрасныхъ солнць и лунъ заключаетъ въ себѣ твоя семья?", на что полагается отвѣчать: "Грязныхъ поросятъ у меня столько-то" (число дѣтей) и т. д. Чѣмъ возвышеннѣе и любезнѣе его вопросъ, тѣмъ униженнѣе долженъ быть отвѣтъ.

Въ Каинскѣ встрѣтили мы скорый поѣздъ, въ которомъ уѣзжали женщины и дѣти. На площадкѣ одного вагона мы увидали милаго мальчугана шести лѣтъ, съ которымъ разговорились.

-- Какъ тебя зовутъ?

-- Адя.

-- Значить, Аркадій?

-- Да нѣтъ, Адя!

-- Да коротко что-то.

-- Ну, Андрей Сергѣевичъ.

-- А фамилія?

-- Гонзинъ.

-- Откуда ѣдешь?

-- Изъ Портъ-Артура.

-- Бомбардировку видѣлъ?

-- Видѣлъ.

-- Не страшно было?

-- Нѣ-ѣтъ.

-- Даже забавно было?

-- Да, забавно.

-- Что же, ты проснулся отъ шума?

-- Да нѣтъ, вѣдь они и утромъ продолжали.

-- В близко упала бомба?

-- Нѣтъ, онѣ падали въ старомъ городѣ, который на берегу, а мы жили въ новомъ, который подале.

Славный мальчикъ Адя. Когда поѣздъ тронулся, онъ мнѣ ласково киваль съ платформы, и я еще разъ пожалъ его лапку. Видимо, и на взрослыхъ бомбардировка не произвела особаго впечатлѣнія.

Наше время все больше и больше рознится отъ вашего: вчера уже мы опередили васъ почти на три часа.

21-ое февраля 1904 г.

Сегодня ночью приѣзжаемъ въ Иркутскъ, гдѣ я и опущу, вѣроятно, это письмо. Простоимъ тамъ, кажется, часовъ пять съ половиною, и въ этомъ чудномъ поѣздѣ къ 9 ч. утра будемъ подвезены къ Байкалу. Это огромное удобство, которое вамъ выхлопоталь милѣйшій Вас. Вас. Уфъ, начальникъ поѣзда, всю дорогу васъ всячески оберегавшій и опекавшій.

Третій день равнина смѣнилась умѣренными возвышенностями съ очень недурнымъ сосновымъ и, отчасти, березовымъ лѣсомъ, но мѣстные жители ничего этого не снимаютъ, увлекаясь своими зданіями. Въ настоящее время мы ѣдемъ по району богатыхъ угольныхъ залежей, здѣсь же -- родина нефрита и графита. Знаменитый Alibert имѣлъ здѣсь большое дѣло и роскошный дворець, но однажды уѣхаль -- и болѣе, говорятъ, не возвращался. Что съ нимъ случилось -- здѣсь никто не знаетъ.

24-ое февраля 1904 г.

Только вчера телеграфироваль тебѣ о переѣздѣ черезъ Байкаль, такъ какъ въ Танхоѣ, куда привезли васъ, телеграфа нѣтъ, и мы ушли оттуда уже поздно, въ первомъ часу ночи. Самый переѣздъ былъ удивительно пріятенъ. Мы ѣхали въ большихъ кошевахъ по-двое, гдѣ обыкновенно ѣдутъ втроемъ, и было удобно до чрезвычайности. Я надѣлъ на рубашку шерстяную фуфайку, затѣмъ жилетъ, тужурку, лѣтнее пальто, башлыкъ на шею, папаху, доху, рукавицы, а на ноги -- бурочные сапоги и валенки. Во всемъ этомъ я едва дышаль -- такъ было жарко. Погода мягкая, кругомъ по горизонту величественныя горы, окружающія громадную площадь снѣга, прорѣзанную тутъ и тамъ вагонами; они идутъ по рельсамъ, но помощью саней, которыя везутъ двѣ лошади. Нужно признаться, что везутъ онѣ очень тихо, и никто, какъ будто, за ними не наблюдаетъ. Нашего кучера, бурята, пятнадцатилѣтняго Ивана, подгонять не приходилось и, несмотря на чихлость своихъ трехъ лошадокъ, онѣ совсѣмъ незамѣтно промчаль насъ до станціи "Середина", стоящей на 25-ой верстѣ по срединѣ озера. Дорогой я сладко дремалъ, и когда открываль глаза, мнѣ казалось, что я вяжу чудную сѣверную сказку. Станція середина -- большой деревянный баракъ, снутри обитый войлокомъ и отлично отопленный. По стѣнамъ стоятъ длинные столы и скамейки. Закуска предлагается даромъ.

Здѣсь мы встрѣтили рядъ обитателей Владивостока, покинувшихъ его еще до бомбардировки. Между прочимъ, ѣхали двѣ сестры, съ одной изъ которыхъ было семь человекъ дѣтей; старшій гимназистъ, а младшему -- три недѣли, и мать сама его кормить. Мало того, они везутъ еще съ собой четырехмѣсячнаго щеночка, который еще меньше, чѣмъ самый младшій членъ семьи. ѣдутъ они очень благополучно. Такія семьи разсаживаются въ кошевахъ иначе, чѣмъ мы, не на сидѣнье, а прямо на дно ея, такъ что за ея высокой спинкой онѣ должны быть очень хорошо защищены отъ вѣтра.

Оставшіяся двадцать-двѣ версты пролетѣли еще незамѣтно; мы обгоняли войска, не иззябшія, а шедшія, бодро и весело. Ближе къ берегу, въ пристани Танхой, мы стали встрѣчать обозы Краснаго Креста, сперва Евгеніевской Общины, а потомъ и нашей, Георгіевской.

Слѣдующіе два дня, какъ я уже писалъ, прошли значительно вялѣе, но о голодѣ, все-таки, и рѣчи быть не могло, такъ какъ каждый день были станціи съ недурными буфетами для завтраковъ и обѣдовъ. Поѣздъ стоялъ всегда достаточно, чтобы всѣ могли насытиться, и цѣны совсѣмъ обычныя, но каждую порцію приходилось добывать съ боя, съ постояннымъ рискомъ или облить кого-нибудь щами, или самому быть облитымъ. "Услужающіе" проявляли чудеса своего искусства: только-что ты уберегся отъ фазана, который пронесли надъ твоей головой, ты чувствуешь, что кто-то толкаетъ тебя въ ноги, и замѣчаешь, что между ними мальчишка проносить тарелку супа.

Сегодня утромъ пріѣхали мы въ Маньчжурію.

II.-- Въ Харбинѣ.

1 марта 1904 г.

Итакъ, съ неимовѣрной быстротой мы долетѣли вчера до Харбина. Осталось самое свѣтлое воспоминаніе обо всемъ путешествіи и обо всѣхъ спутникахъ.

Въ Харбинъ мы пріѣхали -- какъ къ себѣ домой. На вокзалѣ васъ встрѣтили знакомые врачи и студенты. Александровскаго и меня повезъ къ себѣ докторъ Ф. А. Ясенскій, старый пріятель Александровскаго. Мы сразу попали въ уютную, теплую, благоустроенную квартирку стараго холостяка и очень милаго и гостепріимнаго человѣка. Поболтавъ до трехъ часовъ утра за кипящимъ самоваромъ, я улегся въ кабинетъ, который уступилъ мнѣ любезный хозяинъ.

Утромъ всей компаніей Краснаго Креста ѣздили смотрѣть дома, намѣченные для вашего управленія и "сестеръ", и затѣмъ всѣ поѣхали съ визитами въ здѣшнимъ властямъ; я же, не имѣя еще мундира, отщепился, когда ѣхали мимо хорошаго парикмахера-француза. У него отличное atelier съ громаднымъ трюмо на пять кресель, выписаннымъ изъ Парижа, въ самомъ современномъ стилѣ. И это гдѣ же?-- въ Харбинѣ! Пока я стригся, пришли два призванные изъ запаса, косматые и грязные, и пока одного стригли, другой его подзадоривалъ и говорилъ:

-- Остригите его машинкой! обрѣйте ему усы!

-- Валяй, брѣй мнѣ усы!

-- Не надо, -- говоритъ французъ.

-- Прошу тебя, брѣй, -- трудно что-ли?

И вышелъ онъ актеръ-актеромъ.

6-го марта 1904 г.

Сегодня предсѣдательница мѣстнаго комитета Краснаго Креста, К. А. Хорватъ, устраивала Красному Кресту дневной спектакль въ китайскомъ театрѣ Николая Ивановича Ти-фун-тая. Съ китайскимъ театромъ я познакомился вчера вечеромъ, побывавъ вмѣстѣ съ друзьями даже въ двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ. Это -- большіе деревянные сараи съ партеромъ и ложами въ верхнемъ корридорѣ. Нижній составляетъ что-то вродѣ мѣсть за колоннами. Мы получили лучшія мѣста въ одной изъ ложъ противъ сцены, и это стоило намъ по 60 коп.

Партеръ уставленъ маленькими четырехугольными столиками, за которыми сидятъ грязные и неблаговонные китайцы. На столикахъ, также какъ и на деревянныхъ перилахъ ложъ, стоятъ чашки, покрытыя блюдечками, съ насыпаннымъ уже чаемъ. Чай этотъ заливается кипяткомъ, долго не настаивается, остается мутнымъ и сильно пахнетъ пылью. Во все время представленія посѣтителей обносятъ сладостями (за деньги) и между прочимъ обсахаренными китайскими (райскими) яблочками на тоненькихъ палочкахъ. Мы пробовали только ихъ и остались ими очень довольны. Китайцы все время ѣдятъ и пьютъ; по временамъ въ партерѣ поднимается паръ -- это принесли темно-сѣрыя, повидимому, до крайности грязныя, смоченныя въ кипяткѣ салфетки, которыя и раздаются публикѣ. Китаецъ обтираетъ себѣ салфеткой руки, потомъ губы, потомъ лицо и иногда перекидываетъ салфетку другому. Затѣмъ салфетки отбираются, снова свачиваются и черезъ нѣкоторое время опять приносятся.

На сценѣ происходитъ совершенно непонятная кутерьма; люди входятъ и выходятъ всѣ въ красивыхъ китайскихъ костюмахъ и отчаянно выкрикиваютъ и вывизгиваютъ свои роли; актерамъ и актрисамъ, которымъ особенно много приходится кричать и визжать, подносятъ тоже время отъ времени чай. Лицедѣямъ приходится дѣйствительно сильно надрывать голосъ, такъ какъ они должны все время покрывать неустанно дѣйствующую музыку. Оркестръ въ этихъ театрахъ -- несложный: одинъ играетъ на инструментѣ, подобномъ скрипкѣ, но съ одной струной; другой бьетъ, когда нужно, въ барабанъ, третій -- въ тарелку и кастаньеты, четвертый -- въ гонгъ, а пятый весь вечеръ неутомимо колотитъ двумя деревянными палочками по какой-то деревянной наковальнѣ. Вся эта какофонія не имѣетъ большею частью никакого мотива и, смотря по дѣйствию, то становится чуть-чуть потише, то бьетъ во всю. Изрѣдка раздается рожокъ или родъ флейты. Артисты кричатъ и визжать въ унисонъ съ оркестромъ, такъ что долго выдержать эту

музыку совершенно невозможно. Китайцы же смотрят съ большимъ вниманіемъ цѣлыми часами подрядъ и иногда выражаютъ свое одобреніе громкимъ рыкомъ: "хау, хау", что значить -- хорошо. Недурно выходятъ различныя декоративныя сцены и группы, да комики играютъ съ выразительностью, причемъ у нихъ носъ и окружность глазъ непремѣнно вымазаны бѣлымъ. Актрисы страшно нарумянены, даже ладони намазаны краснымъ, а мужчины почти всѣ съ привязными бородами, покрывающими и ротъ. Но часто женщины играютъ мужскія роли, а юноши -- женскія. Декорацій не было никакихъ, и все изображалось жестами: когда должна была выйти чудная китаянка, комикъ сдѣлалъ движеніе, будто поднимаетъ ворота и потомъ опустилъ ихъ за нею; когда хотѣли изобразить, что поѣхали верхомъ, взяли какія-то палочки и помахивали ими; когда поплыли по водѣ, взяли весло и гребли по воздуху. Совсѣмъ -- игры нашей дѣтвора. Иногда эта передача дѣйствія переходитъ въ большой реализмъ.

Сегодня мы всѣ сидѣли въ партерѣ за длинными столами: театръ былъ устланъ коврами. Тѣмъ не менѣе, и несмотря на пальто, ноги у насъ замерзли, я прозябъ и, будучи не въ состояніи выносить музыкальнаго шума, готовъ былъ уйти, -- когда прислуживавшіе намъ китайскіе полицейскіе стали разставлять бокалы, рюмки, затѣмъ раскладывать вилки, наконецъ, ножи. У меня былъ аппетитъ, и я остался. На большихъ деревянныхъ подносахъ принесли закуску, уже разложенную на блюдечки. На каждомъ изъ нихъ лежало четыре сорта закуски, а всего ихъ было семь, причемъ все было нарѣзано маленькими кусочками: кромѣ омара (съ кислымъ и сильнымъ запахомъ), ветчины, курицы, какой-то копченой рыбы, -- здѣсь была прессованная икра (очень вкусная), семилѣтнія куриныя яйца, консервированныя въ извести, съ темнозеленымъ слоистымъ желткомъ и темнокоричневымъ студенистымъ бѣлкомъ (тоже вкусныя), маринованный бамбукъ (недурно) и отвратительная морская капуста, какіе-то студенистыя червячки. Когда было замѣчено, что закуски кончаютъ, принесли еще по блюдечку. Послѣ этого въ чашкахъ подали супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ; это оказался прекрасный куриный бульонъ, съ густой, какъ войлокъ, студенистой вермишелью, -- это-то и были вываренныя ласточкины гнѣзда, -- по мнѣ невкусныя, но Ш. и ихъ съѣлъ до тла и еще другую порцію взялъ у "сестры"; я тоже съ удовольствіемъ выпилъ бульонъ изъ чашки сосѣда, котораго чуть не стошнило при одной мысли, что это -- ласточкины гнѣзда.

Послѣ этого, ваши "сестры" поднялись, и всѣ стали расходиться. Все это угощеніе было приготовлено здѣшнимъ китайскимъ генераломъ Джоманъ, который принималъ гостей вмѣстѣ со своей женой. Были и другія важныя китаянки, всѣ очень старательно причесанныя, съ цвѣтами и разными украшеніями въ волосахъ. Каждую изъ нихъ вводила въ залъ ея служанка, при пріѣздѣ ихъ обѣ двери открывались настежь, и генераль звалъ свою жену, которая шла гостьямъ на встрѣчу.

Привѣтствуютъ китайцы другъ друга безъ большихъ церемоній, а складываютъ руки лодочкой и немного потряхиваютъ ими по воздуху; чѣмъ больше уваженія заслуживаетъ та, которую привѣтствуютъ, тѣмъ ниже опускаются руки; дѣвушки и дѣти при этомъ еще присѣдаютъ и, чѣмъ онѣ моложе, тѣмъ ниже. Нѣкоторыя гости пришли съ совсѣмъ маленькими и очень миленькими, притомъ красиво одѣтыми китайчатами, съ которыми обращались съ большой нѣжностью. Уходя, я замѣтилъ, какъ одну изъ этихъ дѣтокъ кормили ласточкиными гнѣздами, "вправляя" ей въ ротъ, по мѣткому выраженію одной изъ "сестеръ", эту вермишель серебряной палочкой. Наканунѣ я видѣлъ, какъ одной изъ актрисъ, сидѣвшей въ боковой ложѣ, принесли грудного китайченка; она нѣжно завернула его въ свой халатъ, цѣловала и передала затѣмъ сидѣвшей съ ней рядомъ женщинѣ, которая тутъ же и покормила его грудью. Въ общемъ китайцы имѣютъ добродушный видъ, нѣкоторые даже недурны собой; къ намъ относятся съ благодушіемъ, но кто знаетъ, что у нихъ въ дѣйствительности въ душѣ?!

13-ое марта 1904 г.

Харбинъ сталъ препорядочнымъ городомъ. Онъ раскинутъ на большомъ пространствѣ и дѣлится на три части. Такъ-называемый Новый Харбинъ выросъ, разумѣется, около желѣзно-дорожнаго

пути, такъ какъ для него только и существуетъ. Не будь войны и войскъ, для которыхъ онъ служить большой стоянкой, онъ бы производилъ впечатлѣніе совершенно лишняго. Новый городъ состоитъ изъ ряда низенькихъ домиковъ, выстроенныхъ изъ краснаго кирпича, похожихъ другъ на друга, какъ родные братья. Про нихъ остроумно сказалъ капитанъ Л., оглядывая ихъ ряды: "Вотъ, сколько домовъ, а если собрать всѣхъ обитателей ихъ, то можно всѣхъ помѣстить въ одномъ пяти-этажномъ домѣ, и тогда это былъ бы не городъ, а только домъ". Дома эти такъ между собою схожи, что трудно найти свой. А. никакъ до сихъ поръ не можетъ узнать домъ, въ которомъ гостить у Я. Третьяго дня, онъ вечеромъ заѣхалъ въ общежитіе Краснаго Креста, чтобы его оттуда проводили; взялся одинъ изъ врачей и запутался окончательно. Много и мнѣ пришлось поплутать, пока не оглядѣлся. Дома всѣ казенные и потому подъ нумерами, но номера ставятся не по порядку расположенія, а по порядку постройки, -- поэтому No 91 оказывается между NoNo 475 и 830. Извозчики улицъ совершенно не знаютъ, такъ какъ всѣ пріѣхали вмѣстѣ со своими развалистыми дрожками и упряжью съ пристяжкой изъ Одессы: всѣ мѣстные извозчики призваны, какъ запасные. За Новымъ Харбиномъ въ 4--5 верстахъ находится старый Харбинъ, съ китайскими фанзами, окруженными заборами изъ прессованнаго навоза съ глиной. Въ старомъ Харбинѣ помѣщается и управленіе пограничной стражи, и, между прочимъ, была устроена отличная школа-пріютъ, въ которой были размѣщены наши "сестры", такъ какъ школа, за выѣздомъ многихъ семей, превратила свои дѣйствія. Помѣщены были тамъ сестры отлично, и вообще школка оборудована премило, и дѣтишки, которыхъ мы тамъ застали (три мальчугана) были очень симпатичныя.

Третья часть города -- за желѣзнодорожнымъ путемъ -- называется пристанью. Это -- торговая часть города съ улицами, полными китайскихъ лавокъ и большихъ русскихъ магазиновъ, гдѣ можно достать все, что нужно.

Въ Новомъ Харбинѣ Краснымъ Крестомъ нанята большой трехъ-этажный домъ, построенный китайцемъ Вынь-ха-вынемъ, по простому прозваннымъ у насъ Вей-ха-веемъ. Здѣсь помѣщается управленіе главноуполномоченнаго, будемъ жить всѣ мы и "сестры". Фельдшерскую школу въ Харбинѣ отдали намъ подъ складъ, а большія казармы барачной системы -- подъ госпиталь. Въ каждомъ такомъ баракѣ могутъ помѣщаться по двѣсти человѣкъ, и такихъ у насъ будетъ шесть или семь. Теперь идетъ тамъ ремонтъ, приспособленіе -- съ быстротой просто лихорадочной.

С. В. Александровскій -- по истинѣ молодчина: энергичный, находчивый, распорядительный, сообразительный и съ большимъ тактомъ. Онъ несомнѣнно умный человѣкъ и дѣлающій свое дѣло, ради дѣла, ничего изъ него не извлекая. Онъ -- большой мастеръ узнавать людей, быстро раскусываетъ ихъ и очень объективно ихъ расцѣниваетъ. Благодаря этому, онъ умѣетъ обставить себя людьми и умѣетъ ими пользоваться. Онъ можетъ быть вспыльчивъ, но, повидимому, снисходителенъ къ тому, что внѣ силъ даннаго субъекта, и не прощаетъ только нерадивости и недобросовѣстности.

Скажи отъ меня Мимулѣ, что дикихъ людей я не видалъ, но что, все-таки, китайскіе "ходи", какъ зовутъ здѣсь всѣхъ простыхъ китайцевъ (по ихнему же), особенно нищіе, въ невообразимыхъ отрепьяхъ, достаточно дикобразны, и нуженъ неисчерпаемый запасъ любви и нѣжности русской души, чтобы не только говорить: "бѣдный ходя!" какъ вчера ласково называлъ одинъ изъ истопниковъ китайца, грузившаго ночью нашъ поѣздъ, -- но даже "ходюшка".

Евгений Сергеевич Боткин среди сотрудников медицинского отделения Красного Креста в Харбине во время Русско-японской войны 1904-1905 годов

III. -- Въ Ляоянь.

22 марта 1904 г.

...Я очень спѣшилъ съ открытіемъ 1-го Георгіевскаго госпиталя и не спѣшить не могъ, такъ какъ Александровскій бомбардировалъ меня ежедневными телеграммами на эту тему, а военно-медицинскій инспекторъ умолялъ скорѣе немного освободить переполненный военный госпиталь.

Усадьба инженера Шидловскаго, Паю-Вернь, которую мы здѣсь занимаемъ, пресимпатичный и преуютный уголокъ, который лѣтомъ будетъ, вѣроятно, обворожительно милъ и красивъ, да и теперь даже красивъ. Въ немъ два двора; внутренній отдѣленъ живописными воротами; на дворахъ стоитъ нѣсколько столбовъ съ собаками, которыя должны изображать львовъ -- одну изъ любимыхъ формъ воплощенія Будды. Во внутреннемъ дворѣ, въ глубинѣ -- флигель для офицеровъ съ внутренними болѣзнями; за нимъ -- отдѣльный для нихъ садикъ; налѣво покоеобразное зданіе (вчера открытое) хирургическое отдѣленіе; направо -- домикъ сестеръ (съ большимъ балкономъ) и аптека. Въ первомъ дворѣ направо -- терапевтическій флигель (тоже еще отдѣливается), а налѣво -- вашъ домикъ, окруженный садикомъ. Еще ближе къ воротамъ (внѣшнимъ) съ правой стороны -- кухня, складъ провизіи и домикъ для китайцевъ, у насъ служащихъ, съ лѣвой -- домикъ въ три окошечка, гдѣ амбулаторія, а между нимъ и нашимъ домикомъ -- флигель для студентовъ и гостей. За рядомъ зданій правой стороны -- бараки, въ которыхъ помѣщаются склады, санитары и наша общая большая столовая; наконецъ, ледники, закрома, конюшня, стойла и т. д. Вся усадьба обнесена высокимъ заборомъ, отъ котораго вглубь еще идутъ въ немаломъ количествѣ перегородки. Это обширное хозяйство сторожить карауль, такъ что можешь быть за насъ совершенно спокойна.

Здѣсь настоящая весна, воздухъ чудный. Вѣдь Ляоянь -- на широтѣ Неаполя.

18 апрѣля 1904 года.

...Встаемъ мы рано: около восьми часовъ утра по всей усадьбѣ раздается гонгъ, при звукѣ котораго В. В. А., когда въ духѣ, начинаетъ пѣть "Слався", что выходитъ очень забавно.

Онъ быстро вскакиваетъ съ постели и начинаетъ умываться. Въ время въ сосѣдней комнатѣ раздается веселое пѣніе Ш., насвистываніе и разговоры В. В. А. Я выкуриваю папиросу, чтобы проснуться, и тоже встаю. Теплый весенній воздухъ оживляетъ меня, и я съ неизмѣннымъ удовольствіемъ наблюдаю типичныя утреннія сцены. Чай дается только до 9 1/2 часовъ утра. Сейчасъ же начинаются безконечныя переговоры съ С. В. Александровскимъ, писаніе телеграммъ, распредѣленіе отрядовъ и проч., ежедневно прерываемыя разными лицами съ самыми разнообразными вопросами. Днемъ послѣ обѣда (въ 1 1/2 ч.) продолжается то же, но къ помѣхамъ присоединяются частыя посѣтители, иногда несомнѣнно интересныя; въ 8 1/2 ч. -- ужинъ, телеграммы и сонъ. Въ промежуткахъ забѣгаешь въ больницу, что удастся далеко не каждый день, бѣгаешь по постройкамъ, подгоняешь работу. По вечерамъ нерѣдко бесѣдуемъ съ Д., который все жалуется на то, что его госпитальные запасы лекарствъ, консервовъ и проч. расхищаютъ. (Приходится снабжать и войска, и наши же отряды).

IV.-- Первые раненыя.

27 апрѣля 1904 года.

Я нахожусь, наконецъ, дѣйствительно на войнѣ, а не на задворкахъ ея: въ трехъ верстахъ отъ лагеря, которымъ раскинулся летучій нашъ отрядъ, находятся самыя ваши передовыя позиціи (Фенчулянскій переваль). Я сижу на нераскупоренныхъ мѣшкахъ нашего вьючнаго отряда; съ ящичковъ слабо свѣтитъ мнѣ фонарь съ краснымъ крестомъ; слѣва дѣловито и спѣшно жуютъ голодныя лошади, шурша ногами въ солому и время отъ времени отъ удовольствія пофыркивая. Справа постепенно вянетъ и замираетъ предсонная бесѣда въ палаткахъ. Тьму, окружающую меня, прорѣзываетъ догорающій костеръ и два движущихся фонаря дежурныхъ санитаровъ, освѣщающіе ихъ колѣни, ноги, хвосты и морды лошадей. Опустилась тихая, мягкая, теплая ночь, будто оттого, что небо прикрыло землю куполомъ изъ темносиней стали. Небо кажется здѣсь ближе въ землѣ, чѣмъ у насъ, и звѣзды блѣднѣе и мельче. Мы расположились у подножія высокой горы, на берегу совсѣмъ мелкой, но быстрой рѣчки, дѣлающей, согласно китайскому обычаю, безчисленное количество изгибовъ. На другой сторонѣ рѣчки развернулся дивизионный лазаретъ, составляющій одно изъ ближайшихъ къ полю сраженія медицинскихъ учреждений (ближе только полковыя лазареты). Будемъ работать съ нимъ рука объ руку. И онъ, и мы вышлемъ въ бой еще по небольшому отряду, а здѣсь, гдѣ сейчасъ стоимъ, будемъ перевязывать доставляемыхъ раненыхъ. На ближайшихъ къ вамъ возвышенностяхъ (въ одной верстѣ) днемъ какъ муравьи чернѣютъ солдатики, укрѣпляющіе позицію. Эти возвышенія окружены высокими горами, покрытыми разнообразныхъ оттѣнковъ зеленью, среди которой, причудливыми букетами, брошены бѣлыя и розовыя цвѣтушія деревья. Вообще, здѣсь удивительно красиво. Дорога отъ Ляояна въ Лянь-шань-гуань, особенно послѣдній крутой и извилистый переваль -- необыкновенно живописны.

Я выѣхалъ изъ Ляояна въ 11 часовъ вечера того дня, когда получилось извѣстіе о нашихъ тяжелыхъ потеряхъ подъ Тюренченомъ. Такъ какъ ни зги не было видно, то я воспользовался любезно предоставленной мнѣ парной (съ пристяжкой) военной повозкой, приспособленной для раненыхъ, такъ называемой двуколкой, и улегся въ ней вмѣстѣ съ докторомъ К., который никогда верхомъ не ѣздилъ. Насъ сопровождали мой казакъ Семень и солдатъ, знавшій дорогу, которому я предоставилъ свою верховую лошадь. Конечно, я скоро задремалъ, несмотря на отчаянную тряску, и не давалъ себѣ спать крѣпко, только чтобы слѣдить за нашими верховыми, боясь нападенія на нихъ хунхузовъ. Тряска вышибала изъ-подъ головы подушку, а ногамъ было свѣжо, такъ какъ ночи здѣсь холодныя, а та была къ тому же съ дождемъ и вѣтромъ, и я положилъ казенную подушку на ноги, а подъ голову -- свернутую бурку я, проѣхавъ нѣсколько верстъ, уже не имѣлъ

ее, -- она выскочила изъ-подъ меня на радость прохожему. Въ дальнѣйшемъ пути такимъ же образомъ докторъ Б. лишился своего сакъ-вояжа и былъ въ отчаяніи.

-- Was haben Sie denn drin verloren?-- спрашиваю.

-- Ach! mein Kamm, meine Bürste, meine Seife, Ailes theuerste!

Я утѣшился, хотя казакъ, посланный за потерей, ничего не принесъ.

Въ три часа ночи мы пришли въ Сяолинцзы (полу-этапъ), гдѣ, найдя какую-то грязную подушку въ офицерскомъ отдѣленіи, я прямо на канахъ (это отапливаемыя каменные нары) уснулъ сладкимъ сномъ, уткнувъ подушку въ уголь. Не прошло и трехъ часовъ, какъ я вскочилъ, разбудилъ свою команду, осмотрѣлъ помѣщеніе для нашего лазарета и отправился дальше верхомъ.

Но било одно наслажденіе: чудный воздухъ, чудные пейзажи, моя милая бѣлая лошадка везетъ меня покойно по отчаянно каменистой дорогѣ, переноса черезъ безчисленные изгибы одной и той же горной рѣчки. Ъхалъ я и все вспоминалъ рассказанную тобой легенду о царѣ, повелѣвшемъ всѣмъ своимъ подданнымъ каждый вечеръ смотрѣть на звѣздное небо. Именно, миръ и любовь внушаютъ эти чудныя мѣста, а тутъ люди другъ друга вынуждены крошить...

Отъ Ляояна до Сяолинцзы -- 22 версты, отъ Сяолинцзы до перваго этапа Лян-дя-санъ -- 18 версть. Тамъ мы отдохнули, пообедали, полюбовались устройствомъ нашего этапнаго лазаретика, и я опять сѣлъ на коня, а бѣдный К. беспомощно заболтался въ двуколкѣ. Этотъ переходъ въ 25 версть былъ длинный и тяжелый, черезъ высокую гору, и я тоже ложился въ двуколку поспать, но какъ только разъ попробовалъ поднять голову, чтобы полюбоваться видомъ, получилъ отъ толчка ударъ въ голову деревянной рамой, въ которой прикрѣпляется парусиновая палатка. На гору я поднимался опять верхомъ и такъ же спустился съ нея. На второмъ этапѣ, въ Хоянѣ, мы переночевали на канахъ съ небольшой соломенной подстилкой, лежа такъ близко другъ въ другу, что почти касались носами и стукались локтями. Нашъ этапный врачъ Беньяшъ далъ мнѣ свою подушку и одѣяло, а военный врачъ, тутъ же ночевавшій -- свою бурку. Распорядившись устройствомъ лазарета, я снова сѣлъ на лошадь и черезъ удивительно красивый переваль переѣхалъ въ Лян-шанъ-гуанъ (18 версть).

Наканунѣ здѣсь уже прошла первая партія раненыхъ подъ Тюренченомъ (163 человекъ), перевязанныхъ въ Евгениевскомъ госпиталѣ Краснаго Креста. Я осмотрѣлъ этотъ госпиталь, только еще начавшій устраиваться, осмотрѣлъ и военный госпиталь, и мы сообща приготовились принять на слѣдующій день 490 раненыхъ. Они пришли, эти несчастные, но ни стонъ, ни жалобъ, ни ужасовъ не принесли съ собой. Это пришли, въ значительной мѣрѣ пѣшкомъ, даже раненые въ ноги (чтобы только не ѣхать въ двуколкѣ по этимъ ужаснымъ дорогамъ), терпѣливые русскіе люди, готовые сейчасъ опять идти въ бой, чтобы отомстить за себя и товарищей.

-- Вотъ, -- говорятъ эти молодцы, -- въ деревнѣ только прутикомъ тронуть, и то слезу вышибутъ, а здѣсь и молоткомъ ея не добыть.

-- Въ деревнѣ, -- говорю, -- прутикъ не болью, а обидой слезу вызываетъ, а здѣсь -- одна честь.

-- Да, да, -- поддакиваютъ молодцы, -- за Царя, за отечество.

Другой солдатикъ идетъ по двору, накинувъ бѣлый халатъ на голову, и распѣваетъ:

-- "На супротивныя даруя"...

-- Что поешь?

-- Цѣлость Миколоя Александровича охраняемъ!-- торжествующе осклабился молодой парнишка.

Трогательные ребята! По счастью, японская пуля пока удивительно мила: мышцы пробиваетъ, кости рѣдко разрушаетъ, пронизываетъ человекъ насквозь -- и то не причиняетъ смерти.

V.-- Послѣ Тюренчена.

3 мая 1904 г. Ляоянъ.

Въ день освященія 1-го Георгіевскаго госпиталя въ Ляоянѣ его посѣтилъ командующій арміей генераль-адъютантъ Куропаткинъ, одобрилъ его устройство, осмотрѣлъ помѣщеніе "сестеръ", и,

зайдя въ аптеку, спросилъ, во сколько времени госпиталь можетъ свернуться, въ случаѣ отступленія.

-- Въ три дня, -- отвѣтилъ аптекарь.

-- Ну, это много; столько мы вамъ, можетъ быть, и не дадимъ.

То было 21-го марта, сегодня 3-е мая, и мы уже отправляемъ все, безъ чего можемъ обойтись, въ Харбинь. То, что недѣль пять, шесть тому навалъ казалось невозможнымъ, -- теперь почти стучится въ дверь. Тяжело это ужасно. Больно разстраивать то, что создавалось съ такими трудами и любовью.

Цѣлая цѣпь нашихъ краснокрестныхъ этапныхъ лазаретовъ между Ляояномъ и передовыми частями: Сяолинцзы, Ляндясянь, Хоянь, Лян-шань-гуань, должны быть ликвидированы. Поддерживаютъ только мысль о солдатѣ, которому отступление должно быть еще неизмѣримо тягостнѣе, и вѣра въ Куропаткина, который, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ. Какую выдержку нужно имѣть, чтобы при настоящихъ условіяхъ неуклонно вести дѣло вопреки окружающему нервному настроенію, только подчиняясь точнымъ соображеніямъ и благоразумію! Простое, симпатичное отношеніе Куропаткина къ людямъ еще увеличиваетъ его обаяніе. Меня онъ однажды привелъ въ такой восторгъ, что я въ тотъ же день хотѣлъ написать тебѣ цѣлое письмо, посвященное ему, -- но, конечно, не успѣлъ.

Въ тотъ же день уѣзжалъ Н. П. Линевицъ, этотъ почтенный и симпатичнѣйшій генераль, дважды георгіевскій кавалеръ, командовавшій Маньчжурской арміей до приѣзда Куропаткина и назначенный послѣднимъ въ Уссурійскій край (въ Хабаровскъ).

Мы съ С. В. Александровскимъ присоединились къ группѣ военныхъ, собравшихся его проводить. Къ этому времени очистили платформу, чтобы пропустить передъ отъѣзжающихъ, церемоніальнымъ маршемъ, почетный караулъ. Вдругъ Куропаткинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу этому караулу и бодро, молодецкато прошелся во главѣ его передъ Линевицемъ. Это было такъ мило и хорошо сдѣлано, что привело меня въ восторгъ.

Но какъ давно это было и сколько воды и крови съ тѣхъ поръ утекло! Какъ будто и не во время войны было, а мирнымъ лѣтомъ въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ.

Не то теперь.

Теперь война чувствуется около насъ, какъ чувствуется смерть въ домѣ безнадежно-больного. Каждая мысль твоя связана съ войною, каждое дѣйствіе твое должно съ нею сообразоваться. Я былъ только-что въ лагерьъ на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ ждали врага со дня на день, гдѣ недѣлю передъ тѣмъ отступали наши и провезли тысячу раненыхъ, но тамъ война, гдѣ все для нея приспособлено, меньше ощущается, чѣмъ здѣсь, на фонѣ обычной комфортабельной жизни: ты хочешь отдать бѣлье въ стирку, -- говорятъ, прачка (китаецъ) не беретъ, значить ожидаютъ скорого приближенія японцевъ; то ты слышишь, что такой-то госпиталь свернулся, то такая-то канцелярія выѣзжаетъ, и т. д.

А какъ хорошо теперь стало въ Георгіевскомъ госпиталѣ: всѣ зданія отремонтированы, офицерскій флигель вышелъ отличный, впереди разведенъ милый садикъ, въ большомъ саду поставлены шатры, съ другой стороны -- крытые желѣзомъ асбестовые переносные бараки, выросшіе какъ грибы; всѣмъ раненымъ, прибывавшимъ сразу по 150 человекъ, хватало и мѣста, и бѣлья, всѣхъ ихъ, бѣдненькихъ, сестры обмывали, врачи перевязывали, и солдатики, накормленные и отогрѣтые, ѣхали дальше уже въ благоустроенномъ санитарномъ поѣздѣ.

Ляоянь, 16-ое мая 1904 года, воскресенье.

Я удручаюсь все болѣе и болѣе ходомъ нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываемъ и столько теряемъ, но едва ли не больше потому, что цѣлая масса нашихъ бѣдъ есть только результатъ отсутствія у людей духовности, чувства долга, что мелкіе личные расчеты ставятся выше понятія объ отчизнѣ, выше Бога. Мы не имѣемъ въ достаточномъ количествѣ новѣйшаго образца пушекъ. Куропаткину не подвозится достаточное число войскъ. Подъ Тюренченомъ мы потеряли батареи и сраженіе, которое по геройству 11-го и 12-го полковъ и большинства батарей, костями легшихъ за свое святое дѣло, должно бы остаться въ исторіи, какъ

геройскій подвигъ и, можетъ быть, блестящая побѣда. Взята у насъ подъ Артуромъ позиція, которая считалась неприступной. Вчера узнали ни объ этой потерѣ нашей, и я весь день былъ самъ не свой, да и сегодня я еще не отошелъ отъ этого впечатлѣнія, и потому, вѣроятно, и пишу въ такомъ мрачномъ тонѣ, -- ты ужь прости меня. Не знаю, какъ бы я пережилъ всѣ эти событія въ Петербургѣ, ковыряясь въ обыденныхъ мирныхъ дѣлахъ. Только и спасаетъ хоть нѣкоторая непосредственная прикосновенность къ этому великому испытанію, ниспосланному бѣдной Россіи.

Всю тяжесть потерь вашихъ въ смыслѣ гибели людей я испытываю теперь, когда у насъ постепенно умираютъ наиболѣе тяжело раненые, задержанные нами поэтому здѣсь. На дняхъ, при моемъ ночномъ обходѣ Георгіевскаго госпиталя, я нашель одного солдатика, Сампсонова, раненаго въ грудь и оперированнаго, -- вслѣдствіе образовавшагося у него нарыва надъ печенью и гнойнаго плеврита, -- въ бреду и въ тяжеломъ состояніи. Онъ обнималъ санитаря, трогательно за нимъ ухаживавшаго, и стоналъ. Когда я пощупалъ его пульсъ и погладилъ его руку, онъ потащилъ объ мои руки въ своимъ губамъ и цѣловалъ ихъ, воображая, что это его мать. Когда я подошелъ къ нему съ другой стороны и заговорилъ съ нимъ, онъ сталъ звать меня тятей и опять поцѣловалъ маю руку. Я не могъ лишиться его этой потребности въ ласкѣ къ родителямъ и тоже поцѣловалъ этого безропотнаго и по этой безропотности высокаго душой страдальца за родину... И никто-то, никто изъ нихъ не жалуется, никто не спрашиваетъ: "За что, за что я страдаю?" -- какъ ропщутъ люди нашего круга, когда Богъ посылаетъ имъ испытанія.

Ляоянь, 19-е мая 1904 года.

Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ вернулся я изъ поѣздки по нашимъ сѣвернымъ госпиталямъ, завтра уѣзжаю на югъ.

Здѣсь у васъ, въ Южномъ Управленіи главноуполномоченнаго, не только благополучно, но даже премило: между тремя приспособленными фанзами разбитъ прелестный садикъ, въ которомъ пышно цвѣтутъ розы, азалии, функіи и гранаты; обѣщаютъ даже плоды. Вчера только отчаянно изводила китайская скрипка, визжавшая и свистѣвшая цѣлый день на сосѣднемъ дворѣ надъ покойникомъ. Такъ полагается у китайцевъ, которые дежурятъ около своихъ умершихъ, чтобы къ нему не забѣжала кошка или собака. Если же забѣжитъ, то, по ихъ повѣрью, покойникъ встанетъ и пойдетъ къ живымъ людямъ, которые отъ этого начинаютъ помирать.

-- И часто это случается?-- спрашиваетъ нашъ санитаръ переводчика.

-- Постоянно, постоянно, -- убѣжденно отвѣчаетъ тотъ. А между тѣмъ, мертвыхъ дѣтей своихъ они бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Д. самъ видѣлъ, какъ недалеко отъ госпиталя собака тащила трупикъ ребенка лѣтъ четырехъ уже съ выгрызенной грудкой.

Когда я былъ недавно въ Мукденѣ, я осматривалъ, между прочимъ, знаменитыя могилы императоровъ. Каждая китайская могила есть просто песчаный бугоръ, совершенно подобный обыкновеннымъ кучкамъ, въ которыя сваливается у насъ песокъ. Кто можетъ, ставитъ передъ могилой каменный столбъ, не круглый, а плоскій. У болѣе богатыхъ онъ выше, украшенъ рѣзьбой и надписями и стоитъ на спинѣ высѣченной изъ камня черепахи. Императорская могила изображаетъ все то же, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Огромный песчаный бугоръ окруженъ высокой каменной стѣной, за которую рѣдко кого пускаютъ, но все, что за нею, ясно видно съ сосѣдняго гребешка. На могилѣ растетъ корявое полуизсохшее дерево, а на немъ -- орлиное гнѣздо. Такъ и рѣютъ обитатели его надъ всѣмъ этимъ уединеннымъ мѣстечкомъ. Входъ за стѣну, которою окруженъ собственно могильный холмъ, представляетъ собою прелестныя по красотѣ ворота съ чудными орнаментами изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

Еще лучше, прямо дивно хороши первыя ворота, которыя ведутъ въ садъ, окружающій стѣну. Въ этомъ саду, между первыми и вторыми воротами -- традиціонный, но исполинскихъ размѣровъ каменный столбъ на черепахѣ и по бокамъ главной аллеи -- высѣченныя изъ камня животныя: верблюды, слоны, львы (собакоподобные) и т. п. Сбоку отгорожена полуразвалившаяся кумирня.

VI.-- Передъ боемъ подъ Вафангоу.

Вандзялинь, 25-ое мая 1904 года.

Послѣдніе дня можно назвать для насъ погоней за ранеными. Прошелъ слухъ, что будутъ большія операціи на югѣ, и мы спѣшно полетѣли туда. Но тамъ оказалось тихо, и дальше послѣдней желѣзнодорожной станціи намъ двинуться не пришлось. Едва намѣтили мы новую организацію нашихъ этапныхъ лазаретовъ, какъ пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо и столкновеніи съ нашими войсками. Въ виду того, что въ Кайджоо у насъ нѣтъ ни лазарета, ни летучаго отряда, мы спѣшно собрались изъ Вафангоу и, прихвативъ еще студента V курса съ перевязочнымъ матеріаломъ и инструментами, погрузивъ нашихъ лошадей, воспользовались паровозомъ, который шелъ туда за водой, выхлопотали разрѣшеніе прицѣпить къ нему нѣсколько вагоновъ и спѣшно выѣхали назадъ на сѣверъ. Здѣсь стоитъ нашъ санитарный поѣздъ, въ которомъ я и пишу, но намъ не разрѣшено было имъ воспользоваться, чтобы доѣхать до Кайджоо, и мы должны были здѣсь переночевать. Утромъ сегодня слышимъ канонаду, моментально велимъ сѣдлатъ коней, чтобы ѣхать туда, -- намъ объявляютъ, что черезъ часъ идетъ поѣздъ и обгонитъ насъ. Коней разсѣдлываютъ, канонада стихла, и мы опять сидимъ и ждемъ. Такъ было и вчера: японцы немного пострѣляли, даже, говорятъ, частью высадились и безъ боя вернулись на суда. Ожиданіе, какъ ты знаешь -- самое томительное времяпровожденіе, но мы выдерживаемъ его очень бодро и терпѣливо, благодаря хорошей компаніи, живому характеру Сергѣя Васильевича и очень милому спутнику, старому доктору А. А. Г., продѣлавшему еще турецкую кампанію. Это -- цѣльный и очень симпатичный типъ шестидесятыхъ годовъ, именно одинъ изъ положительныхъ типовъ этого періода, гражданинъ своего отечества, болѣющий за него душой, когда что неладно, и жаждущій его успѣховъ, мечтающій о нихъ. Небольшого роста, полный, коренастый, съ лысой головой и большой сѣдой бородой, съ двумя рядами рѣдкихъ, но крѣпкихъ зубовъ, онъ своимъ басомъ и очками напоминаетъ мнѣ А. Н. Пыпина и тѣмъ уже пріятель.

-- Очертѣло мнѣ здѣсь, -- мрачно говоритъ онъ въ минуты грустнаго раздумья, а черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ разсмѣшитъ какой-нибудь молодой забавной шуткой. Такъ, вчера, когда всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы разогрѣли консервы, онъ тоже объявилъ себя голоднымъ и сталъ изображать нетерпѣливую лошадь, ударяя одной ногой объ песокъ. Мы всѣ дружно захохотали. Когда вчера пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо, онъ первый, почти шестидесятилѣтній старецъ, сталъ подбивать Сергѣя Васильевича ѣхать туда.

-- Это случай нашимъ войскамъ одержать побѣду, -- радовался онъ.

27-ое мая 1904 года.

Мы пятый день безъ всякаго дѣла, все катаемся взадъ и впередъ, причемъ на каждой станціи насъ изводятъ маневрами и возятъ то нѣсколько шаговъ впередъ, то нѣсколько шаговъ назадъ, и угощаютъ такими толчками, что В., который съ нами ѣдетъ, танцуетъ, поднимая руки изящнымъ жестомъ кверху. Онъ страшно смѣшилъ насъ разными анекдотами и остротами, но подъ конецъ и онъ исчерпался, и мы устали смѣяться. Сейчасъ за этимъ письмомъ, сидя на ящикахъ съ консервами и тюфякѣ, примостившись спиной къ стѣнѣ вагона, я заснулъ, но во снѣ продолжалъ водить перомъ по бумагѣ. Въ этомъ видѣ меня снялъ князь Львовъ, главноуполномоченный объединенной земской организаціи, присылающей сюда рядъ этапныхъ лазаретовъ и питательныхъ пунктовъ.

Много дѣлается теперь для нашихъ солдатъ, но они еще не развернулись во всю родную мощь. Послушавъ рассказовъ Г. о русско-турецкой кампаніи, я какъ-то успокоился за исходъ и настоящей, снова укрѣпивъ вѣру въ наше воинство. Мы просто еще не разошлись, а разойдемся -- такъ покажемъ себя снова и добьемся своего. Трудно это будетъ, мы много потеряемъ, но возстановимъ вашу репутацію славныхъ и несокрушимыхъ. Что пока настоящая война въ сравненіи съ русско-турецкой, съ переходомъ черезъ Балканы, когда пушки тащили люди однимъ колесомъ по уступу скалы, другимъ воздухомъ надъ пропастью, когда единицы нашихъ сражались противъ сотенъ и тысячъ врага, когда люди мѣсяцами не имѣли крова и зябли въ снѣгахъ,

согрѣваясь лишь у костровъ?! Докторъ Г. рассказывалъ про своего товарища, который прѣхалъ разъ въ шинели на голомъ тѣлѣ и въ солдатскихъ рваныхъ опоркахъ, несмотря на сильный морозъ. Оказалось, что онъ встрѣтилъ раненаго, что перевязать его было нечѣмъ, и онъ разорвалъ свое бѣлье на бинты и повязку, а въ остальное одѣлъ его. И такъ онъ это дѣлалъ весело, просто и хорошо. Далекое еще намъ, далеко до нихъ...

VII.-- Въ бою подъ Вафангоу.

Дашичао, 15-ое іюня 1904 года.

...Дѣло было, какъ ты знаешь, подъ Вафангоу. 31-го мая я присѣлъ на свою кровать въ палаткѣ рядомъ съ Кононовичемъ и что-то съ нимъ обсуждалъ, когда его санитаръ Рахаевъ обратилъ наше вниманіе на то, что въ сосѣдномъ полку трубятъ тревогу. Мы прислушались -- вѣрно. Тотчасъ были осѣдланы кони, и мы поѣхали въ штабъ. Тамъ узнали, что тревоги нѣтъ, но что велѣно выступить на позицію, а войскамъ, бывшимъ впереди, въ Вафандянѣ, отступить на нее же, и что на слѣдующій день въ 12 часовъ ожидается бой.

Въ этотъ день, поспавъ одѣтый часа полтора, я перевелъ раненыхъ, пришедшихъ ночью съ юга, изъ товарнаго поѣзда въ санитарный, и когда, устроивъ ихъ, около четырехъ часовъ утра, возвращался черезъ станцію, я увидалъ, что командиръ перваго корпуса, баронъ Штакельбергъ, уже всталъ, его штабъ на ногахъ, у подѣзда -- его конвой. Я разбудилъ Кононовича, тотчасъ осѣдлали опять коней, и мы стали поджидать Штакельберга. Однако, время шло, и мы поѣхали одни на позицію, которыя обѣхали уже наканунѣ. Мы остановились у А. А. Гернгросса, очень милаго и хорошаго генерала, начальника 1-ой дивизіи, потомъ, дождавшись Штакельберга, проѣхали съ нимъ на 2-ую баттарею. Шли приготовленія къ сраженію, и мы поѣхали назадъ, выкупаться и пообѣдать. Послѣднее намъ не удалось, такъ какъ стали раздаваться орудійные выстрѣлы. Они становились все чаще, и мы невольно считали промежутки между ними, какъ между родовыми схватками. Консервы не лѣзли намъ въ ротъ, и мы снова поскакали къ Гернгроссу. Онъ сидѣлъ со своимъ штабомъ въ покойномъ ожиданіи, но солдатики уже нервничали, всѣ повскакали и нетерпѣливо ждали приказанія двгаться. Наконецъ, насталъ моментъ, они стали одѣваться и пошли. Вскорѣ поѣхали и мы со штабомъ Гернгросса, желая выяснитъ, какъ лучше расположить наши летучіе отряды. Съ часъ летали мы во всѣмъ позиціямъ и остановились опять на 2-ой баттареѣ, гдѣ и сошли съ коней.

Всѣ весело болтали; къ намъ подѣзжали различные офицеры; одинъ изъ нихъ, артиллеристъ Сидоренко, очень симпатичной наружности, съ той самой баттареи, на которой мы стояли, оживленно рассказывалъ, какъ ихъ обстрѣливали при отступленіи изъ Вафандяна, -- когда въ 1 ч. 30 мин. дня поставленная противъ насъ японская баттарея сдѣлала первый выстрѣлъ. Первая шрапнель разорвалась очень далеко впереди васъ, вторая -- поближе, третья уже показала, что стрѣляютъ во насъ. Гернгроссъ распорядился увести лошадей и намъ не стоять толпой. Снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Гернгроссъ сталъ спускаться съ горы; за нимъ пошли всѣ, а я немного задержался на горѣ. Снаряды свистѣли уже надо мной и со злобой ударяли въ близъ лежащую гору, разрываясь совсѣмъ близко отъ всей удалявшейся по лоцинкѣ группы людей. Впослѣдствіи я узналъ, что тутъ моя лошадь получила ударъ надъ глазомъ камнемъ, отбитымъ шрапнелью.

Я собирался тоже спускаться, когда ко мнѣ подошелъ солдатикъ и сказалъ, что онъ раненъ. Я перевязалъ его и хотѣлъ приказать вести его на носилкахъ (онъ былъ раненъ въ ногу шрапнельной пулей), но онъ рѣшительно отказался, заявляя, что носилки могутъ понадобиться болѣе тяжело раненымъ. Однако, онъ смущался, какъ онъ оставитъ баттарею: онъ -- единственный фельдшеръ ея, и безъ него некому будетъ перевязывать раненыхъ. Это былъ перстъ Божій, который и рѣшилъ мой день.

-- Иди спокойно, -- сказалъ я ему, -- я останусь за тебя.

Я взялъ его санитарную сумку и пошелъ дальше на гору, гдѣ, на склонѣ ея, и сѣлъ около носилокъ. Санитаровъ не было -- они находились въ лоцинкѣ подъ горой. Наша баттарея уже

давно стрѣляла, и отъ каждого выстрѣла земля, на которой я сидѣлъ, покрытая мирными бѣлыми цвѣточками вродѣ Edelweiss'a, сотрясалась, а та, на которую падали японскіе снаряды, буквально, стонала. Въ первый разъ, когда я услыхалъ ея стонъ, я подумалъ, что стонетъ человѣкъ; я прислушался, и во второмъ стонѣ я уже заподозрилъ стонъ земли, на третьемъ -- я въ немъ убѣдился.

Это не поэтическій, а истинный былъ стонъ земли.

Снаряды продолжали свистѣть надо мной, разрываясь на клочки, а иные, кромѣ того, выбрасывая множество пуль, большею частью далеко за нами. Другіе падали на сосѣдную горку, гдѣ стояла 4-ая, почему-то особенно ненавистная японцамъ, батарея. Они осыпали ее съ остервенѣніемъ, и часто я съ ужасомъ думалъ, что, когда дымъ разсѣется, я увижу разбитыя орудія и всѣхъ людей ея убитыми. И этотъ страхъ за другихъ, ужасъ передъ разрушительнымъ дѣйствіемъ этой подлой шрапнели составлялъ дѣйствительную тяжесть моего сидѣнья. За себя я не боялся: никогда еще я не ощущалъ въ такой мѣрѣ силу своей вѣры. Я былъ совершенно убѣжденъ, что какъ ни великъ рискъ, которому я подвергался, я не буду убитъ, если Богъ того не пожелаетъ; а если пожелаетъ, -- на то Его святая воля... Я не дразнилъ судьбы, не стоялъ около орудій, чтобы не мѣшать стрѣлявшимъ и чтобы не дѣлать ненужнаго, но я сознавалъ, что нуженъ, и это сознание дѣлало мнѣ мое положеніе пріятнымъ. Когда сверху раздавался зовъ: "носилки!", я бѣжалъ наверхъ съ фельдшерской сумкой и двумя санитарями, несшими носилки; я бѣжалъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли такого кровотечения, которое требуетъ моментальной остановки, но перевязку мы дѣлали пониже, у себя на склонѣ. Почти всѣ ранены были въ ноги и всѣ, перевязанные, вернулись къ своимъ орудіямъ, утверждая, что, лежа, они могутъ продолжать стрѣльбу, и что "передъ такимъ поганцемъ" они не отступятъ. Люди всѣ лежатъ въ своихъ окопахъ около орудій, что ихъ очень выручаетъ, а офицеры сидятъ, и только мой Сидоренко чаще всѣхъ, всей своей стройной фигурой, подымался надъ батареей.

Я благоговѣлъ передъ этими доблестными защитниками своей родины и радовался, что подвергаюсь одной съ ними опасности. "Почему -- думалъ я -- я долженъ быть въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ они? Вѣдь и у нихъ у всѣхъ есть семьи, для которыхъ смерть ихъ родного будетъ тяжкимъ горемъ, а для иныхъ -- и разореніемъ". Санитары, разбѣжавшіеся-было по нижнимъ склонамъ горы, видя меня на ихъ мѣстѣ, всѣ подобрались ко мнѣ и расположились около носилокъ, но когда осколкомъ шрапнели и камнями у меня опрокинуло ведро съ водой, прорвало носилки и забросило ихъ на одного изъ санитаровъ, они окончательно спустились внизъ, и только изъ-подъ горы посматривали, цѣль ли я, послѣ особенно сильныхъ и близкихъ ударовъ. Между ними былъ и санитаръ Кононовича, Рахаевъ, упросившій отпустить его со мной, такъ какъ онъ хотѣлъ "совершить подвигъ", и казакъ Семень Гакинаевъ, сопровождавшій меня въ поѣздкѣ въ Лян-шань-гуань и съ тѣхъ поръ считающійся моимъ казакомъ. Онъ не оставлялъ меня ни на шагъ ни 1-го, ни 2-го іюня. Гакинаевъ потомъ много рассказывалъ про мою "храбрость", особенно поразившую его потому, что, по его мнѣнію, всѣ врачи должны быть почему-то трусами.

-- Сидить, -- говорилъ онъ про меня, -- курить и смѣется.

Смѣяться, положимъ, было нечему, но я улыбался имъ, когда они "петрушками" снизу посматривали на меня.

Одинъ изъ баттарейныхъ санитаровъ, красивый парень Кимеровъ, смотрѣлъ на меня, смотрѣлъ, наконецъ выползъ и сѣлъ подлѣ меня. Жаль ли ему стало видѣть меня одинокимъ, совѣстно ли, что они покинули меня, или мое мѣсто ему казалось заколдованнымъ, -- ужъ не знаю. Онъ оказался, какъ и вся батарея впрочемъ, первый разъ въ бою, и мы повели бесѣду на тему о волѣ Божіей.

Вскорѣ, съ лѣвой стороны, ко мнѣ подсѣлъ другой молодой солдатикъ, совѣмъ мальчикъ съ виду, Блохинъ, который спасался то на одномъ склонѣ горы, то на другомъ, и всюду, видимо, чувствовалъ себя одинаково скверно. Казалось, онъ хотѣлъ прижаться ко мнѣ, какъ теленокъ къ маткѣ, и причиталъ послѣ каждой шимозы или шрапнели.

Бой разгорѣлся жаркій: впереди (на лѣвомъ нашемъ флангѣ) слышался за горой неугомонный трескъ пулеметовъ и ружейнаго огня; японскія баттареи, съ небольшими паузами, осыпали насъ своими снарядами. Мы тоже отстрѣливались: въ воздухѣ слушались голоса:-- "девяносто-два!

девяносто-пять!-- направо отъ деревни!" и т. д. Вдругъ изъ-подъ горы выльзаетъ одинъ изъ нашихъ краснокрестныхъ санитаровъ (10-го летучаго отряда), Тимченко, раненый въ правое плечо. Мы столпились около него, и я началъ его перевязывать. Надъ нами и около насъ такъ и рвало, -- казалось, японцы избрали своей цѣлью нашъ склонъ, но во время работы огня не замѣчаешь.

-- Простите меня! -- вдругъ вскрикнулъ Кимеровъ и упалъ навзничь. Я растегнулъ его и увидѣлъ, что низъ живота его пробить, передняя косточка отбита и всѣ кишки вышли наружу. Онъ быстро сталъ помирать... Я сидѣлъ надъ нимъ, беспомощно придерживая марлей кишки, а когда онъ скончался, закрылъ ему глава, сложилъ руки и положилъ удобнѣе. Послѣ этого я спустился внизъ доканчивать перевязку Тимченкѣ; оказалось, что къ тому времени былъ раненъ легко въ ногу ужъ и бѣдный мой Блохинъ. Когда оба были перевязаны и остальные санитары унесли ихъ, я опять вернулся на свое мѣсто и остался вдвоемъ съ трупомъ. Къ счастью, былъ уже седьмой часъ, стало темнѣть и, послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ отъ японцевъ, бой окончился.

Я пошелъ къ моему милому Сидоренкѣ, котораго навѣщалъ и во время боя. Офицеры батареи стали понемногу сходиться; всѣ были радостно возбуждены, что отстояли позицію, поздравляли другъ друга съ крещеніемъ огнемъ, радовались незначительнымъ потерямъ: человекъ девять раненыхъ и четверо убитыхъ -- мой Кимеровъ и трое нижнихъ чиновъ, всѣ трое -- однимъ ударомъ; значить, изъ всей массы выпущенныхъ на насъ снарядовъ только два оказались смертоносными.

Когда уже совершенно стемнѣло, я вмѣстѣ съ Сидоренкой провожалъ четырехъ убитыхъ на батареѣ въ ихъ братской могилѣ, а раненыхъ, мною перевязанныхъ, повелъ на болѣе основательную перевязку, такъ какъ у меня не было возможности ни ихъ обмывать, ни себѣ руки мыть. -- По дорогѣ мы встрѣтили Кононовича. Онъ тоже былъ подъ сильнымъ огнемъ, какъ и всѣ наши отряды. Отпившись немного чаемъ (консервированное тушеное мясо не лѣзло въ горло), мы съ нимъ пошли устраивать на ночь все прибывавшихъ раненыхъ и даже умершихъ.

Легли мы поздно, и на второй день боя, 2-го іюня, встали рано. Нужно было хоть немного заняться ранеными, которыхъ наканунѣ мы уложили на станціи, и развернуть тамъ перевязочный пунктъ.

Тотчасъ стали привозить новыхъ раненыхъ, и я принялся сажать ихъ въ вагоны, простые товарные, такъ какъ санитарнаго поѣзда не могли подать. Я долженъ былъ класть этихъ несчастныхъ святыхъ раненыхъ въ товарные вагоны сперва на солому и цыновки, потомъ просто на цыновки, наконецъ просто на полъ и чуть ли не на уголь. А въ то же время, на разстояніи 25--30 верстъ, у насъ стоялъ чудно оборудованный поѣздъ!

Устраивая раненыхъ, я зашелъ съ ними къ сѣверному семафору версты за полторы и, провозившись съ часъ времени, во второмъ часу возвращаюсь на станцію. Тамъ все измѣнилось: суета, спѣхъ, бѣготня; раненые, зараженные общей нервной атмосферой, забывая свои раны, сами залѣзаютъ въ товарные вагоны, боясь, что ихъ оставятъ.

Что случилось?

Въ часъ дня нашимъ приказано было отступать; теперь грузился послѣдній поѣздъ, -- нашему перевязочному пункту велѣли спѣшно уложиться и уѣзжать. Спрашиваю Кононовича про наши летучіе отряды: Мантейфель и Родзянко уже здѣсь, имъ тоже дано распоряженіе уходить.

Я продолжалъ усаживать раненыхъ, отпуская ихъ уже съ одной первичной перевязкой. Однимъ изъ послѣднихъ сѣлъ офицеръ, относительно не тяжело раненый въ ногу, во весь въ слезахъ:

-- Что они съ ними дѣлаютъ, Боже мой, что дѣлаютъ!-- говорилъ онъ.

Кто первые "они" -- не знаю, но подъ вторыми онъ подразумѣвалъ своихъ бѣдныхъ солдатиковъ...

Наконецъ, погрузился и нашъ перевязочный пунктъ, сѣли всѣ сестры, студенты, врачи, и послѣдній какъ поѣздъ сталъ отходить отъ Вафангоу.

Поѣздъ ушелъ -- и во-время: за нимъ полетѣли шрапнели, но, къ счастью, не попадали. Я остался одинъ на опустѣвшей станціи, даже не отдавая отчета себѣ, что же я одинъ буду дѣлать, но сердце говорило мнѣ, что должно остаться. Я пошелъ въ домикъ совсѣмъ рядомъ со станціей, въ которомъ мы провели послѣднюю ночь. Въ этомъ домикѣ былъ у насъ небольшой складъ, изъ

котораго мы выдавали солдатикамъ и общимъ чай, сахаръ, табакъ, консервы и проч. Теперь въ немъ оставался небольшой запасъ перевязочнаго матеріала и 14 колесныхъ носилокъ. Тогда я понималъ, что я буду дѣлать. Послѣдній поѣздъ увезъ всѣхъ раненыхъ, которые были доставлены на станцію, но ясное дѣло, что было много такихъ, которые до станціи еще не добрались, которые придутъ еще и, найдя станцію пустой, будутъ въ отчаяніи. Оставаясь одинъ, я не зналъ, какъ я буду помогать этимъ опоздавшимъ (о колесныхъ носилкахъ я, кажется, тутъ не вспоминалъ), но я чувствовалъ, что они будутъ, и что я обязанъ остаться для нихъ или съ ними.

Я сталъ вывозить колесныя носилки на площадь передъ станціей, -- недавно такую оживленную, теперь пустынную, -- на-встрѣчу ручнымъ носилкамъ, на которыхъ приносили раненыхъ съ позицій. Раненыхъ перекладывали и везли вдоль полотна, а носилки шли назадъ на позиціи. Въ это время около насъ и надъ нами разрывались шрапнели, надо мной шелъ дождь пуль, но разрывы были такъ высоки, что ни одна не коснулась меня.

-- Евгенийъ Сергѣевичъ, да что вы дѣлаете, да станьте же сюда!-- отчаянно звалъ меня старичокъ подполковникъ Лукьяновичъ, завѣдывавшій складомъ и задержавшійся при немъ съ двумя санитарями. Онъ зазывалъ меня подъ защиту небольшой каменной будочки рядомъ съ нашимъ складомъ. Въ этой грязнѣйшей будочкѣ у меня тотчасъ же образовался перевязочный пунктъ, такъ какъ стали подходить раненые, а пошедшій дождь помѣшалъ намъ перейти въ помѣщеніе склада. Я перевязывалъ ихъ и опять отправлялъ на нашихъ колесныхъ носилкахъ.

Понемногу проѣзжали мимо меня санитарныя военныя двуколки и запоздавшіе врачи и, наконецъ, перестали проѣзжать. Орудійный огонь сталъ перелетать черезъ насъ, направленный на нашихъ отходящихъ стрѣлковъ, а ружейный приблизился и защелкалъ по домику и засвистѣлъ вокругъ. Мнѣ пришли сказать, что одинъ изъ санитаровъ нашихъ, пошедшій за перевязочнымъ матеріаломъ въ складъ, на порогѣ его упалъ, раненый въ животъ. Я перенесъ тогда свой пунктъ въ этотъ складъ на разстояніе шаговъ пятнадцати. Но санитаръ мой, бѣдный, не дожидаясь, чтобы я кончилъ перевязку солдатика, попросилъ, чтобы его скорѣе унесли. Солдатикъ, съ которымъ я въ это время возился, тоже волновался, что останется въ рукахъ японцевъ, но я успокоилъ его обѣщаніемъ остаться въ такомъ случаѣ съ нимъ. На счастье, онъ былъ послѣдній и для него нашлись послѣднія носилки. Мы положили его на нихъ, посадили раненыхъ, которые могли ѣхать, на нашихъ лошадей, и тоже покинули Вафангоу.

VII.-- Отступленіе отъ Вафангоу.

Харбинъ, 25-е іюня 1904 года.

Вотъ я снова въ цивилизованномъ городѣ, въ томъ самомъ славномъ Харбинѣ, который мѣсяца три назадъ казался мнѣ дырой и захолустьемъ. Такъ-то все относительно въ жизни. Но послѣ лагерной жизни, когда приходилось спать и на землѣ, питаться скоро пріѣдающимися консервами, сидѣть на жердочкахъ или ящикахъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ на разваливающихся стульяхъ, писать при свѣтѣ задуваемой вѣтромъ свѣчи, въ мокрой, колыхающейся палаткѣ, при постоянномъ ожиданіи тревоги, -- оказаться во второмъ этажѣ теплаго каменнаго дома, за письменнымъ столомъ, при керосиновой лампѣ, сидѣть на вѣнскомъ стулѣ и писать на атласномъ бюварѣ, хотя бы и чужомъ, -- это переходъ болѣе рѣзкій, чѣмъ перелетѣть изъ деревни въ Парижъ, -- но такова моя судьба, что мнѣ все время приходится летать. Мнѣ оказалась надобность заѣхать въ наши госпиталы въ Тьелинѣ, Каюянѣ, Гунчжулинѣ и Харбинѣ, и я, повернувшись въ Ляоянѣ, укатилъ на сѣверъ, хотя каждый день ожидался бой на югѣ. Я поѣхалъ туда, гдѣ начальство меня признавало нужнѣе. Но едва я добрался до Харбина, какъ въ Дашичао вспыхнула эпидемія дизентеріи, и Давыдовъ сегодня телеграфируетъ, что я нуженъ на югѣ. Александровскій меня однако еще не вызываетъ, и я надѣюсь додѣлать здѣсь свои дѣла.

30 іюня 1904 года.

Ты удручена, что всё наши потери ни к чему, что насъ "все-таки отгъснили". Не знаю, есть ли это общепринятое выраженіе о результатѣ Вафангоускаго боя, ибо газетъ я не читаю, но не такое осталось у васъ впечатлѣніе.

-- Vous n'avez pas gagné la bataille, parce que vous ne l'avez pas voulu, -- сказала Chemineau, -- одинъ изъ французскихъ военныхъ агентовъ, и сказала то, что вамъ всёмъ здѣсь кажется.

Не то чтобы кто-нибудь измѣнилъ интересамъ родины, а по-видимому дальнѣйшее наступленіе считалось для насъ невыгоднымъ: мы могли быть окружены; или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы фактически наступали, лѣвый флангъ нашъ бралъ позицію за позиціей, японцы отступали и только направо насъ тѣснили, -- когда было приказано отступать. Никто не понималъ такого распоряженія командира корпуса, солдаты спрашивали: "Да зачѣмъ же мы отступаемъ, ваше благородіе?" -- и не слушались, -- имъ приходилось трижды повторять приказаніе. Казалось, если бы нашъ лѣвый флангъ окончательно опрокинулъ правый -- непріятеля, то могъ бы ударить въ его лѣвый и, тѣмъ выручивъ нашъ правый, -- выиграть сраженіе. Таковы мысли штатскаго, -- конечно, болѣе трудно выполнимыя на дѣлѣ, чѣмъ въ письмѣ, особенно если принять во вниманіе, что вся линія боя была растянута верстъ на одиннадцать.

Но что, ни говори, а отступление есть вещь крайне тяжелая, особенно когда приходится поворачивать спину непріятелю въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ него, и наибольшія потери ваши приходятся именно на отступление.

-- Изъ васъ бы никто живымъ не вернулся, -- говорятъ солдатики, -- если бы японцы хорошо стрѣляли.

Изъ ружей они стрѣляютъ плохо, но тоже заваливаютъ свинцомъ, изъ орудій -- мѣтко, кажется, съ помощью сигналовъ китайцевъ, которые, говорятъ, дѣлаютъ имъ знаки, то руками, то вѣтками деревьевъ. Кромѣ того, мѣстность имъ отлично извѣстна, они знаютъ разстояніе до каждой нашей позиціи и могутъ стрѣлять, хоть безъ прицѣла. На ихъ сопкахъ стоятъ столбы съ дощечками, на которыхъ нарисованы очертанія нашихъ горъ и отдѣльныя опознавательныя точки, съ точнымъ обозначеніемъ разстоянія, такъ что имъ остается только стоять и разстрѣливать наши баттареи.

Продолжаю свою безконечную повѣсть о Вафангоу.

Итакъ, мы шли изъ Вафангоу съ отступающими стрѣлками, которые двигались подъ орудійнымъ огнемъ, какъ на парадѣ. Мой послѣдній раненый, Шестопаловъ, былъ раненъ въ позвоночникъ, ноги его были совершенно парализованы, и онъ былъ тяжелъ, точно весь изъ свинца: мы съ трудомъ несли его вшестеромъ. Скоро мнѣ подвели откуда-то лошадь, и я поѣхалъ, продолжая слѣдить за тѣми ранеными, которыхъ несли, такъ какъ истомленные солдатики несли черезъ силу. Приходилось останавливаться и перевязывать или подбирать раненыхъ. Такъ, одинъ доплелся до фанзы и оттуда взывалъ о помощи: онъ былъ перевязанъ, но не могъ идти дальше, и боялся, что его забудутъ въ его фанзѣ. Его посадили на мула, но дальше мнѣ пришлось опять отдать свою лошадь одному раненому въ ногу, перетянутому выше раны полотенцемъ.

День былъ жаркій, и во рту у меня такъ пересохло, что языкъ казался кускомъ люфы, сильно царапавшимъ нѣбо. Тогда я отбросилъ предразсудокъ о сырой водѣ и попивалъ у солдатиковъ изъ ихъ флягъ по глотку, то у того, то у другого, -- чтобы не лишить и ихъ необходимой влаги. Въ одной деревнѣ какой-то китаецъ угощалъ насъ студеной водой и, чтобы мы пили ее съ довѣріемъ, говорилъ: "Знакомъ, знакомъ".

Гдѣ-то на поль-дорогѣ мой Гакинаевъ мнѣ привелъ еще лошадь, и я, сдавъ носилки съ ранеными полковому лазарету, который мы нагнали на стоянкѣ и съ которымъ я нѣкоторое время шель потомъ вмѣстѣ, причѣмъ черезъ рѣчку они перевезли меня на двуколкѣ, -- поѣхалъ одинъ впередъ, такъ какъ Гакинаевъ отдалъ свою лошадь тоже раненому.

Дальше я нагналъ Ф., офицера, состоящаго при иностранцахъ, который рассказалъ мнѣ, что когда на лѣвомъ флангѣ былъ полученъ приказъ объ отступленіи (онъ дошелъ туда приблизительно часа черезъ два послѣ того, какъ станція, пришедшаяся на правомъ флангѣ, была уже очищена), онъ поѣхалъ на станцію одинъ, чтобы узнать положеніе дѣлъ, и въ лѣску около станціи наскочилъ на японцевъ, которые по немъ стрѣляли, и онъ спасся только благодаря быстротѣ своего полукровнаго коня. По времени (тотчасъ послѣ грозы) это было какъ разъ тогда,

когда обстрѣливали нашъ, вѣрнѣе ужь мой, перевязочный пунктъ по другую сторону станціи. Вѣроятно, японцевъ было тутъ мало, а то бы намъ не уйти было отъ нихъ.

Еще дальше нагналъ я одного капитана генеральнаго штаба. Мы мило съ нимъ бесѣдовали, когда онъ вдругъ окликнулъ офицера въ буркѣ, скакавшаго въ сторонѣ отъ насъ, но намъ на встрѣчу.

-- Есаулъ Матвѣнко, по какому праву вы позволяете себѣ распоряжаться чужими лошадьми и дали моего коня?..-- слѣдовало неприятное объясненіе, и я отъѣхалъ.

Войска тянулись непрерывной нитью; впереди виднѣлся бѣлый китель командира корпуса и свѣтлое пятно его штаба. Я увидаль красный крестъ и подѣхалъ, думая, что это одинъ изъ нашихъ отрядовъ. Оказалось, что это 34-й полкъ несетъ за флагомъ Краснаго Креста своего раненаго командира Дуббелъта. (Сегодня какъ разъ, несмотря на тяжесть полученныхъ ранъ, значительно поправившись, онъ уѣзжаетъ на Кавказъ изъ Харбина, гдѣ лежалъ въ Дворянскомъ госпиталѣ).

Дорога становилась все труднѣе, мѣстами артиллерія совершенно закупоривала путь, быстро надвигалась темнота. Въ поискахъ за проѣздомъ я уже въ совершенную темноту наткнулся на казаковъ.

-- Я прилѣплюсь теперь къ вамъ, -- сказалъ я офицеру въ буркѣ, отъ котораго видѣлъ одни очертанія, -- а то совсѣмъ потеряю дорогу.

-- Отлично, мы тоже ищемъ, какъ проѣхать, -- отвѣтилъ мнѣ пріятный голосъ, сразу располагающій къ человѣку. Мы поѣхали рядомъ и разговорились.

-- Не понимаю, -- сказалъ мой спутникъ, -- почему Красный Крестъ такъ рано уѣзжаетъ съ поля битвы, а не убираетъ раненыхъ? Это -- прямая его задача.

-- Оттого, -- говорю, -- что на него все еще смотрятъ какъ на обозъ, и приказываютъ ему отступать вмѣстѣ съ нимъ, но онъ не весь отступилъ, и вотъ вы ѣдете съ нимъ рядомъ. Меня тоже просили уйти съ моего перевязочнаго пункта, но такъ какъ я имѣлъ право располагать собой, то и остался.

Я рассказалъ ему, какъ было дѣло, а онъ -- о томъ, что, испросивъ разрѣшеніе у своего начальства, поѣхалъ послѣ отступленія съ казаками на правый флангъ и вывезъ оттуда оставшихся на позиціяхъ 50 раненыхъ.

-- И вотъ, представьте, мнѣ нужна была для нихъ лишняя лошадь, и попалась лошадь капитана генеральнаго штаба (имя рекъ), я и взялъ ее, а онъ потомъ встрѣтилъ меня и сталъ разносить, грозить... Ну, да Богъ съ нимъ!

-- А какъ ваша фамилія, -- спрашиваю.

-- Есаулъ Матвѣнко.

Интересное совпаденіе и поучительный контрастъ!..

Я разстался съ его пріятнымъ голосомъ, говорившимъ какъ-то особенно ровно и покойно, въ Вандзялинѣ и поѣхалъ въ темнотѣ искать Красный Крестъ. Данныя мнѣ указанія привели меня въ военный госпиталь, но я такъ былъ утомленъ и было такъ темно и поздно, что я рѣшилъ тутъ и переночевать. Меня отпоили чаемъ, дали закусить консервами солонины (моя первая ѣда въ этотъ день, и я сталъ такъ неудержимо дремать, разговаривая съ милыми товарищами, что рѣшился откровенно сѣсть въ уголь, и на стулѣ заснулъ. Меня разбудилъ одинъ военный врачъ, который свелъ меня въ сосѣдній госпиталь (его -- былъ переполненъ), гдѣ мнѣ дали носилки и чье-то пальто, и я подъ открытымъ небомъ заснулъ мертвымъ сномъ. Часа черезъ полтора, много два, словомъ -- въ четвертомъ часу утра, чуть брезжило, меня разбудили: пора было укладывать носилки, госпиталю было приказано свернуться и отступать. Добрыя сестры, частью знакомыя, были уже на ногахъ и отогрѣли меня чаемъ и дружелюбнымъ приѣмомъ, и я, когда посвѣтлѣло, пошелъ искать свои отряды.

IX.-- Послѣ Вафангоу.

4-ое іюля 1904 г.

Снова сижу въ вагонѣ и возвращаюсь на югъ. Чтобы до-ѣхать до Ляояна, я воспользовался любезностью полковника Н. и занялъ мѣсто въ его вагонѣ II-го класса. Это представляет громадныя удобства по нынѣшнимъ временамъ, такъ какъ разстояніе въ какихъ-нибудь 60 верстъ отъ Мукдена до Ляояна, теперь требуетъ до сутокъ времени. Сейчасъ мы стоимъ на послѣдней станціи передъ Ляояномъ и стоимъ уже безконечное число часовъ, хотя намъ съ полъ-часа тому навалъ дали уже третій звонокъ. Остановки эти объясняются тѣмъ, что въ Ляоянѣ происходитъ выгрузка войскъ и интендантскихъ грузовъ, и станція не можетъ насъ принять. А здѣсь уже скопилось поѣзда три, если не четыре. Очень возможно, что на оставшіяся верстъ 30 у насъ уйдетъ еще весь день, и что насъ въ концѣ концовъ еще не довезутъ до Ляояна, а на часокъ, другой, остановятъ у закрытаго семафора. Ты понимаешь, какъ отъ этого должны страдать бѣдные солдаты, которыми полны всѣ эти поѣзда, какъ трудно рассчитать при этой системѣ, гдѣ и когда ихъ можно будетъ кормить, такъ что они цѣлыми днями остаются безъ ѣды или получаютъ свой обѣдъ въ 2--3 часа ночи. Единственное спасеніе, если въ поѣздѣ у нихъ походная кухня. Мнѣ же, когда бѣ не любезность полковника, пришлось бы тоже и голодать, и проводить ночь въ переполненномъ вагонѣ III-го класса. Теперь же я сладко спалъ на мягкомъ диванѣ и съ чистыми простынями. Полковникъ отлично говоритъ, какъ будто все знаетъ, и мнѣ было крайне интересно все, что онъ сообщалъ: о Мукденѣ и Ляоянѣ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которымъ приписываются и, какъ видно изъ его словъ, несправедливо, многія изъ нашихъ бѣдъ; о способностяхъ того и другого изъ дѣятелей; о ходѣ и концѣ нашей кампаніи. Онъ не сомнѣвается въ нашемъ успѣхѣ, считаетъ, что Японія будетъ раздавлена на много лѣтъ, что она уже проиграла войну благодаря собственнымъ ошибкамъ, не менѣе крупнымъ и многочисленнымъ, чѣмъ наши. На-дняхъ она высадила послѣднія свои двѣ дивизіи (теперь онъ считаетъ у нихъ 250 тысячъ) и больше сформировать арміи не можетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ офицеровъ. Что мы выиграли первую половину кампаніи -- доказывается и всѣми оптимистами; такъ какъ японцамъ не удалось сдѣлать того, на что они рассчитывали: ни Артура, ни Ляояна, ни Мукдена они не взяли и нигдѣ дороги не разрушили, такъ что дали намъ подвезти порядочное количество войскъ. Планъ ихъ, какъ говорятъ, былъ: взять Артуръ (это они могли сдѣлать 27-го января пятью тысячами человекъ безпрепятственно) и сильно укрѣпить его; затѣмъ взять Владивостокъ и тоже укрѣпить, а затѣмъ засѣсть въ Корей, изъ которой намъ пришлось бы выбивать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія они, разумѣется далеки отъ успѣховъ.

Подъ Вафангоу мы имѣли дѣло съ противникомъ вдвое насъ сильнѣйшимъ, что узналось лишь поздно, или измѣнилось за ночь между 1-мъ и 2-мъ іюня. Между тѣмъ, у насъ всѣ были убѣждены, что японцы превосходили насъ всего какими-нибудь тремя тысячами.

Долженъ признаться, что отсутствіе единства управленія боемъ меня тогда же поразило. Я всегда воображалъ, что командиръ корпуса или другой военачальникъ, руководящій сраженіемъ, составляетъ центръ самой интенсивной распорядительной работы; я думалъ, что къ нему и отъ него безостановочно летятъ гонцы съ донесеніями и распоряженіями, что онъ ежесекундно знаетъ, что творится на любомъ концѣ поля брани, -- на дѣлѣ же получается впечатлѣніе, что каждый за себя, а за всѣхъ -- одинъ Богъ. Думаю, что и тебѣ должно было такъ показаться изъ того, что я раньше писалъ о Вафангоу, -- слуховъ же передавать даже не рѣшаюсь.

Х. -- Смерть есаула Власова.

5 іюля 1904 г. Вафангоу.

Я пріѣхалъ въ Ляоянъ вчера въ 5 1/2 часовъ дня и прямо прошелъ въ Управленіе, гдѣ обсуждалъ дѣла съ Михайловымъ. Къ ужину собрались врачи и рассказали мнѣ печальную вѣсть, что Коля Власовъ вчера же утромъ въ 6 часовъ скончался. Бѣдняга говорилъ обо мнѣ съ момента раненія, просилъ свезти его именно туда, гдѣ я; пріѣхавъ жъ къ намъ въ 1-ый Георгіевскій госпиталь, все время меня спрашивалъ, -- а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняетъ смерть такого прекраснаго, благороднѣйшаго человека, мнѣ ужасно тяжело, что я не былъ при немъ. Какъ я былъ огорченъ, когда сегодня утромъ уже засталъ гробъ заколоченнымъ! Это -- длинный и узкій,

немного китайскаго покроя, гробъ, обтянутый китайской малиновой матеріей съ нашитымъ на крышкѣ крестомъ изъ бѣлаго атласа. На крышкѣ, на мѣстѣ, соответствующемъ головѣ, лежалъ уже замѣтно увядшій вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, вчера положенный однимъ изъ товарищей покойнаго; сестра милосердія украшала гробъ цвѣтами изъ госпитальнаго сада; здѣсь же, въ маленькомъ деревянномъ сараѣ, служащемъ намъ покойницкой, я нашель одного молодого офицера, сильно и сердечно удрученнаго, оказавшагося графомъ Б. Товарищи понемногу сходились; всѣ, даже наименѣе знавшіе Власова, успѣли оцѣнить и полюбить его; нѣтъ ни одного человѣка, -- будь то генераль, солдатъ, офицеръ, врачъ или, сестра, -- который бы иначе отзывался о немъ, какъ восторгомъ. И погибъ-то онъ оттого, что былъ слишкомъ хорошъ.

30-го іюня, они съ генераломъ Рененнампфомъ (который тоже былъ тогда раненъ, лежитъ у насъ и велѣлъ себя принести на отпѣваніе Коли) попали въ засаду: шли въ долину, а сверху, съ сопокъ, ихъ разстрѣливали японцы. Наши должны были немедленно отступить; сотня Власова прикрывала это отступление. Уже всѣ ушли, онъ все еще оставался. Солдаты убѣждали его поторопиться уйти, -- онъ сказалъ, что это невозможно, такъ какъ онъ привыкъ уходить послѣднимъ. Въ это время онъ присѣлъ на корточки, чтобы посмотрѣть еще разъ въ бинокль, -- и получилъ рану въ животъ. Сперва онъ не почувствовалъ боли и думалъ, что только контуженъ, не позволилъ даже себя нести и четыре версты прошелъ пѣшкомъ, но потомъ долженъ былъ уступить. Его донесли до рѣки, и тамъ онъ плылъ до Ляояна на шаландѣ, уже сильно страдая, въ теченіе трехъ дней.

Въ Георгіевскій госпиталь онъ уже поступилъ съ явленіями прободнаго перитонита и въ такомъ состояніи, что операція была признана невозможной. Онъ продиктовалъ телеграммы матери и друзьямъ. Во всѣхъ онъ говорилъ, что раненъ легко, мать просилъ не беспокоиться и обѣщаль подробности въ письмѣ. Телеграммы эти не были посланы, такъ какъ положеніе его быстро ухудшалось: въ 2 часа дня онъ прибылъ, а въ 2 часа ночи потерялъ сознание, вскакивалъ, не узнавалъ сестры милосердія, съ которой днемъ еще бесѣдовалъ, -- и въ 6 часовъ утра его не стало.

Въ надгробномъ словѣ священникъ о. Курловъ сказалъ, что покойный поручилъ ему передать матери его, что онъ умираетъ христіаниномъ, съ мыслью о ней, которую любилъ и чтилъ больше всѣхъ въ жизни. Онъ радовался, что успѣлъ причаститься, такъ какъ зналъ, что матери это будетъ пріятно. Онъ все-таки имѣлъ надежду, что можетъ поправиться, а по впечатлѣнію сестеръ онъ былъ даже далекъ отъ мысли о неизбежности смерти. Въ день кончины его, одинъ изъ его товарищей, который горько плакалъ, принесъ Е. Н. Ивановой сто рублей на похороны и уѣхалъ. На похоронахъ было много офицеровъ и всѣ искренно опечалены. Мы несли его гробъ на полотенцахъ и веревкахъ, такъ какъ онъ былъ безъ ручекъ, и донесли до самой могилы.

XI. -- Смерть ген. Келлера и отступление отъ Ходангоу.

Деревня Кофенцзы (Восточный отрядъ) 25 іюля 1904 г.

Живу я здѣсь цѣлую недѣлю почти на самыхъ позиціяхъ, каждый день можетъ разразиться бой, но именно здѣсь я отдохнулъ немного, и поуспокоился. Въ нашемъ Управленіи въ Ляоянѣ необычайно нервная атмосфера. Правда, всюду всѣ переутомлены и всѣ изнервничались: покойный генераль Келлеръ послѣднее время почти не спалъ по ночамъ, вставалъ и говорилъ своему адъютанту:

-- Voue savez, je ne sais pas alarmiste, mais j'entends qu'on tire.

Адъютантъ выходитъ изъ палатки, вслушивается въ темноту и убѣждается, что это двуколка громыхаетъ гдѣ-нибудь по каменистой дорогѣ (звукъ, дѣйствительно, очень похожій на ружейную стрѣльбу).

-- Какая двуколка, это стрѣляютъ!-- Не сразу успокаивается графъ.

Какъ жаль этого храбраго рыцаря! Я помню его еще въ Ляоянѣ, когда онъ пришелъ въ Георгіевскій госпиталь лечиться: небольшого роста, съ розовыми щеками, ясными голубыми глазами и бѣлокурой съ просѣдью, расчесанной на-двое, бородкой, -- онъ былъ сама любезность. Въ отрядѣ всѣ скоро полюбили его и прежде всего за его необыкновенную со всѣми обходительность. Затѣмъ онъ съ перваго же боя проявилъ необычайную, даже излишнюю

храбрость: онъ ходилъ часто въ бѣломъ кителѣ по самымъ батареямъ подъ отчаяннымъ огнемъ. Ему говорили, что такъ нельзя, такъ не надо, но онъ ничего не хотѣлъ слушать. 18-го іюля онъ продѣлывалъ то же самое. Когда онъ шелъ съ одной батареи на другую, ему предстояло пройти по сильно обстрѣливаемому мѣсту; его предупредили, онъ молча взглянулъ на говорившаго и своимъ особымъ смѣлымъ шагомъ пошелъ впередъ. Тотчасъ же разорвалась шрапнель, и онъ упалъ; никто на батареѣ и никто изъ его штаба не былъ раненъ, но онъ, бѣдняга, получилъ въ себя весь зарядъ, - - говорятъ, до 34 разъ. Когда его поднимали, онъ могъ только сказать: "оставьте меня", и тотчасъ же, повидимому, скончался. Это было въ бою подъ Ходангоу. Говорятъ, бой шелъ блестяще, мы положительно побѣждали, когда вдругъ одинъ полкъ, по приказанію своего командира, ушелъ и тѣмъ открылъ японцамъ мѣсто къ наступленію. Командира смѣнили, его собрались судить, есть слухъ даже, что онъ куда-то скрылся, но, тѣмъ не менѣе, мы все-таки должны были отступить.

Никогда не забуду этой ужасной ночи, *cette nuit funèbre* (вѣдь нѣтъ точнаго перевода этого выразительнаго слова) съ 18-го на 19-е іюля.

18-го іюля, утромъ, я выѣхалъ изъ Ляояна сюда, въ Восточный отрядъ, съ особымъ порученіемъ и особыми полномочіями отъ Александровскаго. Со мной ѣхали одинъ изъ главноуполномоченныхъ земской соединенной организаціи, Н. Н. Ковалевскій, и еще одинъ изъ ея членовъ. Мы отлично, несмотря на сильнѣйшую жару, доѣхали до полуэтапа Сяолинцзы; я осмотрѣлъ тамъ этапный лазаретъ харьковскаго земства, полюбовался чуднымъ устройствомъ Евгеніевскаго госпиталя, только-что вновь открытаго, и мы поѣхали дальше.

Это -- та самая дорога, которую я дѣлалъ ровно три мѣсяца тому назадъ, когда послѣ тюренченскаго боя ѣхалъ въ Лян-шань-гуань. Теперь живописныя скалы покрылись пятнами темной бархатистой зелени, поля -- высокимъ изумруднымъ гаолянкомъ, такимъ высокимъ, что, сидя верхомъ на конѣ и поднявъ нагайку, я все-таки оказываюсь ниже этого лѣса тонкихъ тростниковыхъ стеблей. Недаромъ китайцамъ запрещено сѣять гаолянъ ближе трехъ сотъ, если не ошибаюсь, сажень отъ желѣзнодорожнаго пути, -- иначе въ немъ прятались бы хунхузы и обстрѣливали бы поѣзда. И то онъ служить японцамъ во время ночныхъ разѣздовъ: юркнетъ на лошади въ гаолянъ -- и не найти его. Гаолянъ даетъ китайцамъ прекрасную кашу, вродѣ гречневой, даетъ солому для скота и даетъ топливо. Временами и мѣстами другого топлива не найти. Изъ гаоляна же плетутся отличныя изгороди. Теперь онъ достигъ, кажется, своей максимальной высоты и цвѣтетъ густыми, съ лиловатымъ отливомъ, кистями. У китайцевъ примѣта, что если періода дождей не было до начала цвѣтенія гаоляна, то его и не будетъ вовсе.

Мы пріѣхали на первый этапъ, въ Ляндясянь, уже вечеромъ, въ полную темноту. Около русской лавочки, гдѣ можно поѣсть и попить, стояли спѣшившіеся казаки и ихъ лошади. Въ ресторанчикѣ мы нашли одного моего знакомаго сотника, измученнаго, исхудалаго, истерзаннаго душой. Сначала онъ не хотѣлъ разбалтываться, сказалъ только, что подъ Ходангоу, куда мы ѣхали, цѣлый день идетъ сильный бой, что Келлеръ смертельно раненъ, генераль Гершельманъ отброшенъ, князь Д.-- въ очень опасномъ положеніи, терско-кубанскій полкъ зашелъ японцамъ въ тылъ и, вѣроятно, погибнетъ.-- Ты себѣ легко представишь, какое впечатлѣніе должны были произвести на меня всѣ эти извѣстія въ эту мрачную ночь, въ маленькомъ закоптѣломъ кабачкѣ, полученныя отъ офицера, только-что выскочившаго, какъ онъ выражался, "изъ грязной исторіи". Онъ разговорился и сталъ отводить душу. Не смѣю даже повторить всего, что онъ говорилъ, но впечатлѣніе отъ его словъ получалось удручающее: такому-то было приказано начать бой ночью, - - онъ началъ его только утромъ, когда было свѣтло; другого предупреждали не идти такой-то дорогой, а непременно другой, такъ какъ иначе онъ рискуетъ всей своей частью, а онъ повелъ ее именно по запрещенной дорогѣ, вслѣдствіе чего массу потерялъ, во-время не пришелъ и способствовалъ проигрышу боя, и т. д., и т. д.

Мы съѣли по яичницѣ, выпили по стакану чая и всѣ вмѣстѣ выѣхали.

-- Евгеній Сергѣевичъ, расскажите что-нибудь!-- просить мой бѣдный спутникъ, чтобы отвлечься.

-- Что я могу вамъ рассказать послѣ всего, что слышалъ: языкъ присохъ у меня въ гортани.

Мы разстались около самаго Ходангоу. Сотникъ поѣхалъ въ лагерь, а мы -- въ этапный лазаретъ харьковскаго земства.

Тамъ уже лежало свыше ста раненыхъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ досказалъ намъ новости: графъ Келлеръ убитъ, докторъ Ивенсенъ, старшій врачъ 6-го московскаго летучаго отряда, раненъ въ ногу; сейчасъ идетъ военный совѣтъ, обсуждающій вопросъ, держаться ли на позиціяхъ, или отступить.

Мрачность ночи все сгущалась.

Я прошелъ къ тѣлу Келлера (раненые были уже всѣ перевязаны); оно стояло подъ шатромъ Краснаго Креста, любовно убраннымъ княземъ Ширинскимъ разнообразной зеленью; двѣ свѣчи тускло освѣщали послѣднее земное жилище храбраго воина; два солдата стояли на часахъ у тѣла. Съ глубокимъ чувствомъ поклонился я останкамъ, едва приведеннымъ въ человѣкоподобный видъ и закутаннымъ кисеей. Кто знаетъ, не есть ли это самый счастливый удѣлъ русскаго гражданина въ настоящую тяжелую годину?!

Князь ушелъ узнать результатъ совѣщанія военачальниковъ, а я остался поджидать его. Вдругъ въ темнотѣ раздались стоны, и справа отъ меня показалась черная вереница носилокъ, съ которыхъ и долетали эти стоны на разные голоса.

Мы еще распредѣляли этихъ раненыхъ во палаткамъ этапнаго Харьковскаго лазарета, когда вернулся Ширинскій и объявилъ, что рѣшено отступить и раненыхъ приказано немедленно эвакуировать. Было 2 ¹/₂ часа утра. На чемъ и какъ эвакуировать? Стали разсортировывать несчастныхъ, и раненымъ въ руку, только-что уснувшимъ послѣ пережитыхъ душевныхъ и физическихъ напряженій, было предложено идти пѣшкомъ. Ширинскій остановилъ ѣхавшія мимо пять санитарныхъ двуколокъ, въ одной изъ которыхъ едва разтолкали измученнаго заснуваго врача, и спросили его ваять съ собой человѣкъ двѣнадцать, которые идти не могли. Я отдалъ фудутунку Краснаго Креста, въ которой пріѣхали наши вещи, раненымъ, чтобы перевезти еще троихъ. Осѣдлали лошадей и думали и ихъ отдать подъ раненыхъ, когда подошелъ еще цѣлый транспортъ пустыхъ санитарныхъ двуколокъ. Усадили всѣхъ, кого было можно, остались только такіе, которыхъ необходимо было нести на носилкахъ. Но кто ихъ понесетъ? Китайцы наотрѣзъ отказались. Спасителями явились саперы съ своимъ милѣйшимъ офицеромъ, капитаномъ Субботинимъ, которые принесли раненыхъ; они и понесли ихъ дальше и захватили еще новыхъ. Наконецъ, пришли санитары съ носилками изъ дивизіоннаго лазарета, и всѣ больные были унесены. Унесли и графа Келлера, положеннаго въ неимоверной тяжести гробъ, за ночь сволоченный солдатами.

Къ этому времени солнце уже ярко горѣло на небѣ, освѣщая все по-своему и отогрѣвая измученныя души. Шла рѣчь о томъ, какъ хорошо шель бой, какая была бы славная побѣда, если бы не такой-то полкъ; что съ княземъ Д. ничего не случилось; что терско-кубанскій полкъ благополучно вернулся, и т. д. Никакія осадныя орудія, которыхъ боялись ночью, не стрѣляли, и сестры лазарета, уложивъ вещи, тоже благополучно уѣхали. Ковалевскій остался укладывать оставшееся имущество, а я пустился въ обратный путь. Встрѣчаю молодого офицера, съ которымъ познакомился въ Ляоянѣ, гдѣ онъ навѣщаль одного изъ нашихъ уполномоченныхъ. Онъ былъ у Ренненампфа и занимался развѣдками. Каждое утро выѣзжалъ онъ съ 16-ью казаками искать японцевъ, постоянно на нихъ натыкался и замучился такъ, что въ Ляоянѣ находили его сильно измѣнившимся и изнервничавшимся.

-- Знаете, -- рассказывалъ онъ тогда, -- иной разъ выѣзжаешь такой бодрый и все ничего; встрѣтишь японцевъ, скомандуешь -- и все такъ покойно; но иной день такъ скверно себя чувствуешь, что такъ бы и удралъ отъ нихъ, ей Богу.

Теперь онъ имѣлъ довольный видъ, солнце играло и на немъ, и въ немъ.

-- А знаете, докторъ, вѣдь я перехватилъ транспортъ, ей Богу! хоть паршивый, но перехватилъ, ужъ и въ газетахъ объ этомъ было, ей Богу! Вы не читали?

Милое его улыбающееся лицо само дѣйствовало на меня, какъ солнце, и я поѣхалъ прибодренный, не замѣчая, что не спалъ ночь.

Дорогой я нагонялъ раненыхъ, которыхъ несли, и слѣдилъ за ними; на первомъ этапѣ вздремнулъ два часа, затѣмъ пріѣхалъ въ Чинертунъ, около котораго и теперь стоимъ, а къ вечеру добрался до военнаго госпиталя, куда прибыли всѣ наши раненые и гдѣ и я переночевалъ.

ХІІ.-- Въ Восточномъ отрядѣ.

Кофенцзы, 26-ое іюля 1904 года.

Пользуясь дождемъ и затишьемъ -- навѣрное передъ бурей -- я расписался в эти дни. Въ эти междубоевые періоды часто испытываешь малодушное состояніе больного, которому предстоитъ неизбѣжная операція: можетъ быть, чѣмъ раньше она состоится, тѣмъ лучше, но онъ радъ всякой оттяжкѣ, -- то операціонная комната не готова, то докторъ прихворнулъ, и т. д. Такъ и я: знаю, что бои должны быть и большіе, и много ихъ, и, можетъ быть, иногда чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но радуешься невольно, когда они оттягиваются, представляя себѣ, сколько опять горя и страданій они должны съ собой принести.

Но такое настроеніе опять-таки развивается преимущественно въ Ляоянѣ. Здѣсь, въ лагерѣ, оно гораздо болѣе боевое, и даже переутомленные офицеры тяготятся затяжкой бездѣйствія. Въ иныхъ полкахъ настроеніе даже очень бодрое, такъ-что радостно на нихъ смотрѣть.

Вообще, солдаты и офицеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ дерутся великолѣпно; не всегда удачно бываетъ, повидимому, болѣе высокое командованіе, и вѣчная бѣда, что приказъ къ отступленію приходитъ и неожиданно, и не всюду одновременно, и часто несоответственно, какъ будто, положенію дѣла, такъ что многое изъ того, что говорилъ мой знакомый сотникъ, къ сожалѣнію, кажется, справедливо.

Во всякомъ случаѣ мы еще въ недостаточной количественной силѣ, и трудности, съ которыми нашимъ войскамъ приходится бороться, громадны. Но русскій человекъ ко всему примѣняется, и многіе полки уже бѣгаютъ по сопкамъ не хуже японцевъ. Большое преимущество нашего врага въ томъ еще, что онъ черезъ китайцевъ отлично о насъ освѣдомленъ, мы же знаемъ о немъ только то, что сами раздобудемъ.

Стойкости японскихъ войскъ и стратегическихъ способностей ихъ военачальниковъ здѣсь никто не отрицаетъ. Самъ Куроки, говорятъ, даже боленъ ревматизмомъ, его носятъ на носилкахъ, но ему особой подвижности и не нужно: со всѣми позиціями онъ соединенъ телефономъ, обо всемъ происходящемъ онъ каждую минуту освѣдомленъ, можетъ немедленно отдать любое распоряженіе и такимъ образомъ объединяетъ дѣйствія всей своей арміи. Кромѣ того, у японцевъ отлично организована система сигнализаціи флагами во время боя. Пользуются они и гелиографомъ, по ночамъ рыщутъ съ какими-то огнями по горамъ. Словомъ, многому можно намъ у нихъ поучиться.

Въ Восточномъ отрядѣ, впрочемъ, очень хорошо: позиціи тоже соединены между собой телефонами, настроеніе въ штабѣ разумное и бодрое, у всѣхъ готовность биться до послѣдней капли крови и -- что особенно важно -- вѣра въ возможность побѣды. Дай имъ, Боже, успѣха!

Удивительно, какъ отличается лагерь отъ лагеря. Здѣсь лагерь имѣетъ характеръ боевой, дѣловой, серьезный, въ Кудзяцзы -- казовой и эффектный: пѣсни, музыка, воздушный шаръ. Тамъ я былъ какъ разъ въ очень подавленномъ состояніи, и эти пѣсни раздражали меня: мнѣ слышалась въ нихъ фальшь...

За эту недѣлю, что я въ Восточномъ отрядѣ, я отдохнулъ и снова значительно окрѣпъ нервами. Я высыпаюсь здѣсь, несмотря на крайне жесткое ложе (еще я сплю на буркѣ, которую мнѣ уступаетъ одинъ изъ моихъ сожителей, студентъ летучаго отряда, Перримондъ, большой молодець, работавшій въ послѣднемъ бою цѣлый день на батарее); ѣда наша крайне умѣренная и дѣла я сейчасъ не имѣю никакого. Я остался здѣсь временно, до присылки уполномоченнаго Восточнаго отряда вмѣсто князя Ширинскаго, и, какъ будто, забытъ начальствомъ. Пока я этимъ только доволенъ, но сейчасъ отрѣзанъ отъ Ляояна на неопредѣленное время: послѣ одного дня дождя рѣка мѣстами уже стала непроходима, и казакъ, чтобы свезти въ штабъ донесеніе, долженъ былъ раздѣться, положить донесеніе въ фуражку, снять сѣдло съ лошади и поплыть рядомъ съ нею. Я же доѣхалъ до рѣки и вернулся назадъ въ свою деревню.

Радуюсь своей задержкѣ еще и потому, что это дастъ мнѣ, я надѣюсь, возможность посмотрѣть на дѣлѣ работу летучихъ отрядовъ. Жизнь я ихъ уже вижу. Внѣ дѣла -- это мытарство: безъ всякихъ удобствъ, безъ настоящаго питанія, безъ книгъ и духовной пищи, жизнь въ грязи и

отчаянной скукѣ, когда начинаютъ, какъ три сестры у Чехова, стонать: "въ Москву, въ Москву!". Я этого, конечно, не испытываю, такъ какъ первые дни все ѣздилъ верхомъ: одинъ день объѣхалъ наши позиціи съ генераломъ Кашталинскимъ и полковникомъ Орановскимъ (начальникомъ штаба отряда), другой -- отыскивалъ мѣсто для перваго летучаго отряда, третій -- устраивалъ Курляндскій отрядъ, на четвертый -- выдѣлялъ изъ Курляндскаго отряда еще меньшихъ размѣровъ летучку для отряда генерала Грекова; на пятый день ѣздилъ въ Сяолинцзы, въ Евгеніевскій госпиталь, -- послѣдніе же два дня сижу и пишу, "какъ поденщикъ". Такъ я могъ бы выдержать долго, но на завтра китайцы предвѣщаютъ бой.

Когда китайцы ожидаютъ, что будетъ "война", какъ они говорятъ, они уводятъ своихъ "бабушекъ", "мадамъ" и дѣтей въ горы. Наши хозяева сдѣлали это уже нѣсколько дней тому назадъ и съ горя стали курить опій и пить свою отчаянную китайскую водку -- ханшинъ, отъ которой наши солдатики иногда умираютъ, а въ лучшемъ случаѣ и на второй, и на третій день пьянѣютъ лишь только выпьютъ стаканъ воды. Ханшинъ и опій приводятъ китайцевъ въ расслабленное довольное состояніе, и они дѣлаются смѣшливы. Къ намъ, своимъ непрошеннымъ гостямъ, они относятся вполне дружелюбно, а двое изъ нихъ особенно ко мнѣ расположены: при видѣ меня улыбаются, повторяя каждый разъ: "капитанъ шанго". Чрезвычайно ихъ интересуетъ мое утреннее мытье, изъ котораго они дѣлаютъ себѣ цѣлое зрѣлище.

Кофенцзы -- славная деревушка съ довольно обширными и чистыми фанзами и славными огородами при каждой изъ нихъ. Бобы и огурцы вьются по тщательно переплетеннымъ гаоляновымъ прутьямъ и по каменнымъ стѣнкамъ, отдѣляющимъ одинъ домъ отъ другого. Тутъ растутъ и баклажаны, и дыни своеобразнаго вида, -- маленькія, но очень недурныя на вкусъ, -- посажены гряды лука, въ иныхъ деревняхъ -- цѣлыя красивыя поля мака. Нигдѣ я не видалъ столько женщинъ, какъ въ этой деревнѣ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что здѣсь народъ, повидимому, побогаче, и кто можетъ себѣ позволить эту роскошь, тотъ имѣетъ и двухъ, и трехъ женъ. На иныхъ дворахъ женщины, какъ только появишься, закрываютъ быстро окна, на другихъ они менѣе боязливы и только скромно прячутся, если замѣчаютъ направленный на нихъ взоръ. Когдаходишь въ фанзу, китаецъ-хозяинъ любезно приглашаетъ въ лѣвую (большую) мужскую половину ея, проситъ сѣсть: "Садиза!" -- иногда вынимаетъ изо рта трубку и предлагаетъ: "Кури, кури". Но, когда хочешь войти изъ сѣней въ правую дверь, хозяинъ передъ ней останавливается, придерживая ее, и почти шопотомъ предупреждаетъ: "Мадамъ сипи, сипи". И дѣйствительно, тамъ постоянно какая-нибудь "мадамъ" спитъ, китайцы очень берегутъ своихъ женщинъ, которымъ предоставляютъ, повидимому, только домашнюю работу, на поляхъ же и въ огородахъ работаютъ почти исключительно мужчины; только однажды случилось мнѣ видѣть двухъ китаянокъ, срывающихъ головки мака.

Высоко цѣня счастье семейнаго очага, китайцы на всѣхъ своихъ издѣліяхъ изображаютъ его эмблемы, часто весьма своеобразныя. Такъ, летучая мышь у нихъ эмблема семейнаго счастья, лягушка -- эмблема любви. Квакаютъ онѣ здѣсь сотнями голосовъ на два тона, съ беззащитностью привилегированныхъ особъ, и такъ громко, такъ неумолчно, что люди чуть понервнѣе отъ этого не могутъ спать. Стоитъ выпасть днемъ дождю, чтобы къ вечеру они уже затянули свою пѣсню любви. И съ какимъ благоговѣніемъ слушаютъ подчасъ эту пѣсню китайцы! и видѣлъ одного, который стоялъ передъ лужей, не отрывая глазъ отъ невидимаго хора, -- наконецъ, даже на корточкахъ присѣлъ, чтобы слушать съ полнымъ удобствомъ. Китайцы вообще народъ очень гибкій и на корточкахъ сидятъ, видимо, съ такимъ же удобствомъ, съ какимъ мы сидимъ на креслѣ. Рыба у нихъ тоже прикосновенна къ семейному счастью, и молодымъ на свадьбу принято дарить чашку съ двумя рыбами. Наконецъ, аистъ имѣетъ, надо думать, то же значеніе, что и въ Европѣ, почему въ необыкновенной шпилькѣ, изображающей розу съ удивительными листками, ты найдешь и рыбу, и лягушку, и аиста, и лотосъ -- цвѣтокъ вѣрности.

Китайцы несомнѣнно очень чадолюбивы. Они нѣжны съ дѣтьми, и я никогда не видалъ, чтобы они ихъ наказывали или били. Зато не видалъ я и дракъ между дѣтьми. Вообще, дѣтишки китайскія -- славныя, только отчаянно грязныя. Манеры, игры и плачь ихъ совершенно общедѣтскія, рожицы часто очень миловидныя; всѣ они черноглазыя. Лѣтомъ маленькія дѣтки если не совсѣмъ голы (въ большую жару и взрослые китайцы работаютъ совершенно нагишомъ),

то имѣють въ высокой степени упрощенный костюмъ, состоящій изъ одного передника, висящаго на шеѣ и прикрывающаго только грудь и животъ. Такіе передники носятъ, повидимому, рѣшительно всѣ китайцы подъ своимъ обычнымъ платьемъ, иные даже на серебряной цѣпочкѣ. Большею частью эти передники вышиты, иногда очень красивымъ узоромъ, синимъ по бѣлому. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы даже карманы. Взрослые китайцы, когда жарко, ходятъ большею частью только въ однихъ панталонахъ, а выше -- или ничего, или такой передникъ. Панталоны у нихъ широкія, но около щиколотокъ туго обтянуты; сверху они надѣвають еще рабочія панталоны, устройство которыхъ я долго не могъ понять вслѣдствіе ихъ страннаго вида: они завязываются такъ же низко, какъ и другая пара, но выше закрываютъ только переднюю часть голени, колѣни и нѣсколько выше ихъ кончаются, привязываясь тесемками къ поясу. Это, такъ сказать, мужской передникъ, который китайцы послѣ работы снимаютъ; но пока они въ немъ, особенно сзади, это имѣетъ препотѣшный видъ. Ужасно уродлива у нихъ эта бритая передняя половина головы; не понимаю, зачѣмъ это они дѣлаютъ. Скорѣе миришься съ ихъ косою, которую они часто кладутъ вѣнцомъ на голову, напоминая тогда, при извѣстныхъ типахъ, древнихъ римлянъ въ вѣнкахъ.

...Я лично не видалъ еще ни одного насилія русскихъ надъ китайцами, -- вижу напротивъ, что за все, за всякую потраву, за всякую вещь, китайцы получаютъ большія, согласно ихъ требованіямъ, деньги; что они часто подходятъ къ "капитану" съ жалобой на того или другого солдата, будто онъ ему денегъ не заплатилъ или срываетъ незрѣлую кукурузу. Эти жалобы доказываютъ, по-моему, ихъ увѣренность, что подобные поступки солдатъ наказуются, и нерѣдко такія обвиненія бываютъ просто шантажными. Такъ, мнѣ рассказывали, какъ одинъ китаецъ, которому не удалось съ обоихъ денщиковъ офицера получить по полтиннику за одну и ту же курицу, сталъ бить себя лицомъ объ дверь и выть. Обѣжавшій офицеръ, увидавъ китайца въ крови, хотѣлъ сильно наказать денщиковъ, да дѣло объяснилось.

Высказывается, однако, и противоположное мнѣніе. Конечно, отдѣльные случаи безобразій не могутъ не перепадать, но мнѣ невольно вспоминается рассказъ про одного этапнаго коменданта, который, вопреки своимъ обязанностямъ, не давалъ казакамъ сѣна безъ денегъ. Денегъ у казака нѣтъ, а лошадь свою онъ кормить долженъ, ибо что такое казакъ безъ лошади? Ну, и перерубили казаки китайцу руку и отняли у него солому. Кто же наталкивалъ ихъ на разбой, спрашивается?

...Когда я въ Кудзязцы навѣщаль наши отряды, я поѣхалъ отыскивать Курляндскій. Въѣзжаемъ въ ближайшую деревню и натываемся на казаковъ съ оголенными шашками, офицеръ -- съ револьверомъ въ рукѣ.

-- Что случилось?-- спрашиваемъ.

-- Сейчасъ изъ гаоляна хунхузы казака ранили и скрылись въ этой деревнѣ.

Деревню сейчасъ оцѣпили казаки, встрѣчныхъ китайцевъ всѣхъ задержали, и, черезъ нѣкоторое время (мы уже проѣхали тогда дальше) поймали двадцать хунхузовъ и между ними двухъ японцевъ.

Былъ еще случай, когда я чуть не попалъ подъ пули хунхузовъ.

Есть у насъ на одной изъ станцій ближе къ Харбину, въ Шуанмяоцзы, госпиталь казанскаго дворянства. Я приѣхалъ туда въ 11 часовъ вечера, благополучно прошелъ мимо часовыхъ, которые изъ темноты вдругъ громко окликаютъ: "кто идетъ?" (скорѣе отвѣчаешь: "свои!" чтобы не стрѣляли) и пришелъ въ домикъ, занимаемый врачами и сестрами. Старшій врачъ госпиталя Н. сталъ рассказывать мнѣ, какъ на дняхъ было нападеніе хунхузовъ на ихъ станцію, какъ нѣсколько пуль попало даже въ крышу госпиталя, и какъ вчера хунхузы опять обстрѣливали неподалеку воинскій поѣздъ; что ихъ -- три эскадрона подъ начальствомъ японскихъ офицеровъ, и что на фуражкахъ убитыхъ хунхузовъ найдена японская надпись "Великая Японія".

Въ это время вдругъ слышимъ свистъ и шолкъ, свистъ и шолкъ.

-- Ну, вотъ, вотъ опять!-- заволновался бѣдный докторъ, потушилъ скорѣе лампу, согласно приказанію пограничной стражи.

-- А то стрѣляютъ на огонь, -- и сталъ успокаивать меня изъ темноты.

-- Вы не бойтесь, сейчасъ перестанутъ.

Его помощникъ, второй врачъ госпиталя, Крамеръ, всталъ съ постели, куда уже улегся на ночь, и пошелъ въ госпиталь на случай прихода раненыхъ. Хорошія условія работы!

Стрѣльба, дѣйствительно, сейчасъ превратилась: пограничная стража пошла усмирять разбойниковъ.

Видѣлъ я хунхузовъ и вблизи: двое лечились въ Георгіевскомъ госпиталѣ отъ побоевъ, полученныхъ при дознаніи (китайцы при допросѣ подвергають пыткамъ), хотя имъ предстояла смертная казнь. Видъ у нихъ былъ обычныхъ китайцевъ, но они были крупнѣе и мрачнѣе, прямо злѣе, но вѣдь и въ другихъ же условіяхъ!

Однажды видѣлъ я красиваго, большого, пріятнаго хунхуза, ихъ полковника, вошедшаго, со своими солдатами, въ извѣстный отрядъ полковника Мадритова. Онъ дрался за насъ, былъ раненъ, и я засталъ его во время перевязки. Онъ очень благодарилъ за нее, но отказался лечь въ госпиталь и объявилъ, что пойдетъ курить опій. Никогда еще не казалось мнѣ столь умѣстнымъ это употребленіе опія...

ХІІІ.-- Въ ожиданіи боя.

28-го іюля 1904 года. Кофенцизы.

Ложимся мы здѣсь спать довольно рано, не позже одиннадцати, а подь-утро спишь уже сквознымъ сномъ: съ одной стороны, бока разболтаются отъ жесткаго ложа, съ другой -- невольно прислушиваешься къ жизни лагеря, не начинается ли, молъ, что, и присматриваешься къ небу; съ третьей -- начинаютъ одолѣвать мухи. Это настоящія мухи-назои, которыя называются здѣсь нѣкоторыми египетскою казнью. Обиліе ихъ, дѣйствительно, неимовѣрное, и, глядя на нихъ, я себѣ ясно представляю, какъ могутъ японцы намъ досаждать уже одною своею численностью. Мухи покрываютъ собою все съѣстное, такъ что все приходится защищать колпаками, для чего пользуются обычными китайскими соломенными шляпами конической формы; чуть на столѣ появится кусокъ сахара, онъ тотчасъ дѣлается чернымъ отъ насѣвшихъ на него мухъ; потолки черны и отъ мухъ, и отъ ихъ слѣдовъ; пока стоитъ рюмка вина или ты пьешь чай, тебѣ неоднократно приходится вылавливать оттуда утопленницъ; иной разъ вздохнешь неосторожно, и тебѣ въ горло попадаетъ муха; чтобы спастись отъ нихъ, тебѣ нужно и окна, и двери затянуть кисеей, первые никогда не открывать, вторые держать на блокъ, чтобы они были открыты только когда пропускаютъ человѣка; гдѣ этого нѣтъ -- облегчаешь свое существованіе вѣеромъ, который заводятъ здѣсь почти всѣ въ борьбѣ со страшной жарой. Китайцы всѣ ходятъ съ вѣерами, даже самые бѣдные (намъ продають вѣера по пятнадцати копѣекъ), а отъ мухъ у нихъ особыя опашала изъ конскихъ волосъ. Я тоже ложусь спать съ вѣеромъ (окна у васъ въ фанзѣ, конечно, никогда не запираются) и подь утро обмахиваюсь имъ, иногда даже во снѣ.

Боя все нѣтъ, и я продолжаю писать.

Слѣдовало бы брать примѣръ съ солдатиковъ. Спрашиваю одного раненаго въ Евангелическомъ госпиталѣ, котораго засталъ за письмомъ.

-- Что, другъ, домой пишешь?

Обыкновенно лицо солдатика при этомъ засіяетъ.

-- Домой, -- говорить.

-- Что же, описываешь, какъ тебя ранили (онъ былъ раненъ легко) и какъ ты молодцомъ дрался?

-- Никакъ нѣтъ, пишу, что живъ и здоровъ, а то бы старики страховаться стали.

Вотъ оно -- величіе и деликатность простой русской души!

Въ томъ же Евангелическомъ госпиталѣ была слѣдующая трогательная сцена. Куропаткинъ обходилъ раненыхъ и раздавалъ георгіевскіе кресты. Получилъ и одинъ фельдфебель или унтеръ-офицеръ 34-го сѣвскаго полка. Разспросивъ, по обыкновению, раненаго о дѣлѣ и похваливъ за него: "хорошо работали", Куропаткинъ своимъ громкимъ, покойнымъ голосомъ, передавая ему знакъ военнаго отличія, говорить:

-- Именемъ Государя Императора поздравляю тебя кавалеромъ.

-- Покорнѣйше благодарю, ваше высокопревосходительство!-- молодецки выкликаеть раненый.

-- Теперь тебѣ всюду и всегда почетъ будетъ за этотъ крестъ. Постарайся его еще разъ заслужить, -- продолжаетъ Куропаткинъ и отходить.

-- Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!-- громко раздается ему вслѣдъ.

Такъ обошелъ онъ весь баракъ и вышелъ. Я задержался за какими-то разспросами, когда меня остановилъ новый кавалеръ 34-го сѣвскаго полка и въ волненіи заговорилъ:

-- Ваше высокородіе, я еще долженъ доложить, я непременно долженъ доложить его высокопревосходительству...

-- Что, другъ?

-- Меня командиръ полка отъ плѣна японскаго спасъ; когда я былъ раненъ, онъ мнѣ отдалъ свою лошадь и велѣлъ скорѣе везти. Я непременно долженъ это доложить, -- повторялъ со слезами на глазахъ благодарный солдатикъ.

-- Хорошо, я передамъ.

На первомъ же обѣдѣ у Куропаткина я рассказалъ ему это.

-- За такимъ командиромъ -- сказалъ онъ, -- конечно, весь полкъ, какъ одинъ человекъ, пойдетъ.

Черезъ нѣсколько времени въ Кудзяцзы мнѣ пришлось обѣдать у Куропаткина какъ-разъ рядомъ съ этимъ командиромъ. Это оказался высокій, полный, съ большой бѣлокурой бородой и добродушнымъ лицомъ человекъ. Я рассказалъ ему все, что написалъ тебѣ, и онъ былъ, видимо, доволенъ.

-- Повидимому, солдатикъ увѣренъ, что вы сами рисковали плѣномъ японскимъ, когда отдали ему свою лошадь. Вѣрно ли это?

-- Нѣтъ, конечно, этого риска не было, но онъ все вѣрно рассказалъ.

Послѣ этого обѣда Куропаткинъ собралъ у себя въ палаткѣ всѣхъ полковыхъ командировъ и другихъ начальниковъ частей и сказалъ имъ, какъ мнѣ потомъ передавали слышавшіе, блестящую импровизированную рѣчь. Онъ очертилъ имъ весь ходъ истекшей кампаніи, описалъ дальнѣйшіе планы, указалъ на назначеніе 10-го корпуса и коснулся нѣкоторыхъ, замѣченныхъ имъ, недостатковъ.

-- Мы не привыкли, -- говорилъ онъ, -- къ горной войнѣ, и думаемъ ужъ, что трудности ея непреодолимы. Такое представленіе передается отъ офицеровъ и нижнимъ чинамъ. Между тѣмъ, къ ней можно приучиться, -- нужно только упражняться.

На другой же день солдатъ стали заставлять брать приступомъ сопки или, какъ ихъ здѣсь нѣжно называютъ, "сопочки". Пошли на одну изъ нихъ и генералы осматривать позиціи, но одинъ, бѣдняга, отсталъ на первой трети и сталъ взывать о помощи: онъ не могъ ужъ сойти -- такъ у него кружилась голова. Красный Крестъ и тутъ помогъ.

-- Ну, вотъ, -- говорилъ бѣдный генераль, спустившись, -- я, пѣхотный генераль, говорятъ, долженъ видѣть все расположеніе моихъ частей, -- ну, гдѣ мнѣ съ моимъ сердцемъ!

-- Да зачѣмъ вамъ самому, ваше превосходительство, у васъ есть замѣститель, -- утѣшаетъ его другой генераль.

-- Да онъ совсѣмъ не можетъ по горамъ ходить! -- съ отчаяніемъ воскликнулъ первый:-- отяжелѣли мы, засидѣлись!

XIV. -- Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ.

1-ое августа 1904 г. Сяолинцзы.

Удивительная энергія у этого талантливаго человека Н. Н. Исаченко, не могу на все налюбоваться! Если бъ ты видѣла, что онъ, вмѣстѣ съ уполномоченнымъ, графомъ П. Н. Апраксинымъ, другими врачами и сестрами создалъ въ Евгеніевскомъ госпиталѣ?! Нанявъ нѣсколько жалкихъ фанзъ на склонѣ горы, онъ часть ея срылъ, образовалъ двѣ террасы, на одной расположилъ хирургическихъ больныхъ (ближе къ перевязочной), на другой -- терапевтическихъ, все въ шатрахъ, соединенныхъ между собою брезентами и вытянутыхъ въ линію, и свою палатку поставилъ такъ, что отъ нея виденъ весь госпиталь; по всему участку проложилъ дорожки и прорылъ канавки; установилъ правильную выносную систему человѣческихъ отбросовъ; устроилъ

церковь въ шатрѣ и образоваль хоръ изъ сотрудниковъ и выздоравливающихъ. Больныхъ ведетъ и относится къ нимъ идеально. Всѣ чрезвычайно милые люди, еженіевцы приобрѣли и массу личныхъ друзей, благодаря которымъ они для своего госпиталя, пользующагося во всемъ Восточномъ отрядѣ самой блестящей репутаціей и любовью, въ различныя трудныя минуты со всѣхъ сторонъ получаютъ необходимую помощь. Только отъ нихъ я и слышу о нашемъ движеніи впередъ, о наступленіи на японцевъ, какъ о чемъ-то реальномъ, что будетъ непременно, и я самъ начинаю вѣрить, что оно можетъ наступить, даже скоро.

Теперь ихъ все отзывали отсюда, въ виду нашего отступленія, приказывали сниматься, а я все отстаивалъ, и госпиталь удержался, продолжая приносить свою громадную пользу. Все, безъ чего можно обойтись, отослано въ Ляоянь, и все-таки всего еще достаточно.

Пришлось отослать и иконостасъ, и шатеръ, въ которомъ такъ мило была устроена церковь, но служба все-таки продолжается: по канавкѣ, которой былъ окруженъ церковный шатеръ, натыкали сосенокъ, сдѣлали изъ нихъ Царскія Врата, поставили одну сосенку за алтаремъ, другую -- впереди передъ аналоемъ, приготовленнымъ для молебна; на двѣ послѣднія сосенки повѣсили по образу -- и получилась церковь, которая казалась еще ближе всѣхъ другихъ въ Богу потому, что стоитъ непосредственно подъ Его небеснымъ покровомъ. Его присутствіе чувствовалось въ ней больше, чѣмъ въ какой-либо другой, и такъ вспоминались слова Христа: "Гдѣ двое или трое соберутся во Имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ". Эта всеобщая среди сосенъ въ полутьмѣ создавала такое чудное молитвенное настроеніе, что нельзя было не подтягивать хору и не уйти въ молитву, забывъ всѣ житейскія мелочи...

Это было въ субботу вечеромъ, въ тотъ самый вечеръ, когда на нашихъ горахъ, "сихъ проклятыхъ цопкахъ", какъ ихъ называютъ солдатики, впервые за эту кампанію раздалось наше радостное русское "ура". Я возвращался въ это время изъ штаба, расположеннаго въ сосѣдней деревнѣ въ Чинертунѣ, и какъ вы былъ далеку отъ ожидавшагося событія, сейчасъ же предположилъ, что родился Наслѣдникъ, ибо какое другое событіе могло насъ теперь порадовать?!

Какъ разъ въ Сяолинцзы расположенъ тотъ славный 12-ый полкъ, шефомъ котораго назначенъ Наслѣдникъ.

Вечеромъ третьяго дня раздавались музыка и пѣніе, и вчера съ утра тоже. Въ это время въ нашей сосновой церкви шла обѣдница; едва затихало церковное пѣніе -- къ намъ летѣли звуки бравурнаго марша, напоминая мнѣ церковную католическую процессію во время состязанія автомобилей, видѣнную нами съ тобой въ Полланцѣ. Тогда мы чувствовали въ этомъ совпаденіи борьбу церкви съ мірскимъ началомъ, -- теперь, наоборотъ, эти противоположные мотивы звучали въ унисонъ: такъ, казалось, въ счастливой душѣ сливаются пѣсня радости съ благодарной молитвой къ Богу.

Послѣ службы мы пошли на площадь, гдѣ были выстроены именованный 12-ый полкъ и другіе, въ ожиданіи начальства и молебна. Приѣхалъ начальникъ Восточнаго отряда Н. І. Ивановъ со штабомъ (изъ Чинертунѣ).

-- Здравствуй, славный 12-ый полкъ! -- раздалось на площади, "покоемъ" окруженной войсками. Грянулъ отвѣтъ; поздравленіе продолжалось, мы пошли туда. Въ это время вдали появился генералъ Бильдерлингъ, командующій всѣмъ восточнымъ флангомъ. Онъ со всѣми поздоровался, обошелъ войска и пригласилъ всѣхъ въ середину каррѣ къ молебну. Передъ аналоемъ стали знамена 11-го и 12-го полковъ. Я залюбовался знаменщиками, георгіевскими кавалерами, особенно однимъ изъ нихъ, высокимъ бѣлокурымъ молодцомъ съ двумя Георгіями. Съ какой счастливой гордостью держалъ онъ это воплощеніе идеи полка, идеи ихъ единства и вѣрности Царю и Отечеству, съ какой нѣжностью подносилъ, вѣрнѣе -- опускалъ его передъ священникомъ для окропленія святой водой! Совсѣмъ какъ любящая и гордая своимъ ребенкомъ мать подносить его къ причастію...

Передъ молебномъ священникъ 12-го полка, въ бою подъ сильнымъ огнемъ причащавшій умирающихъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе, сказалъ нѣсколько простыхъ и сердечныхъ словъ, на тему о томъ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Его громкій голосъ яснымъ эхо раздавался надъ ближайшей горой въ направленіи къ Ляояню, и казалось, что эти звуки

изъ нашего жуткаго далека такъ и будутъ скакать съ горы на гору къ нашимъ роднымъ и близкимъ, въ вашу бѣдную, дорогую отчизну пастыря для того, чтобы и вы всѣ, родные, услышали ихъ...

Послѣ молебна генераль Бильдерлингъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, и оркестры двухъ полковъ грянули "Боже, Царя храни!" Темпераменты обоихъ капельмейстеровъ оказались совершенно разными: одинъ вель торжественнымъ "andante", другой -- радостнымъ, ликующимъ "allegro". Послѣ первыхъ же звуковъ, вмѣсто чуднаго величественнаго гимна, послышалась трудно понятная какофонія. Такъ-то, -- подумаль я, -- и наши русскія сердца, даже одинаково преданныя своему Царю, бьются и звучатъ совершенно по разному, и что изъ этого получается?! А когда въ тотъ же хоръ влетаютъ еще души, настроенныя не на вашъ гимнъ, а на "Wacht am Rhein", или марсельезу, или камаринскую?!

Въ 12^{1/2} часовъ дня, въ 12-мъ полку былъ обѣдъ, на который и мы всѣ были приглашены. Знаменитый полковой командиръ, полковникъ Цыбульскій, необыкновеннаго, какъ говорятъ, хладнокровія въ бою, встрѣчалъ гостей. Большой шатеръ былъ убравъ зеленью, скамейки -- покрыты синей китайской матеріей; изъ солдатскихъ палатокъ -- сдѣланъ второй шатеръ, въ которомъ, за недостаткомъ скамеекъ, были вырыты канавки: въ нихъ гости ставили свои ноги, садясь на землю, покрытую зеленью, и имѣя другую сторону канавки столомъ. Тѣмъ не менѣе, обѣдъ былъ обильный и яствами, и питьемъ, и тостами, и прошелъ очень мило и оживленно. Очень кстати выпалъ и на нашу долю праздникъ, -- маленькій отдыхъ многимъ измученныхъ душамъ; какъ чувствовалось это въ различныхъ рѣчахъ и пр.!

Бильдерлингъ оставался долго и сказалъ офицерамъ-хозяевамъ очень милое слово: "Однажды Наполеонъ спрашивалъ своихъ приближенныхъ, кто имѣлъ какихъ знаменитыхъ предковъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ знатныхъ людей среди своихъ предковъ, но постарается, чтобы потомки его имѣли такого. Вотъ вы, господа, являетесь такими предками, которыми потомки ваши будутъ гордиться", и т. д.

Въ отвѣтъ на тостъ за мое здоровье, я просилъ слова и рассказалъ, какъ былъ пораженъ мужествомъ и терпѣніемъ, съ которыми раненыя подъ Тюренченомъ переносили свои страданія, въ глубокомъ убѣжденіи, что они дѣлаютъ свое великое дѣло за Царя и Отечество. "Они умѣли биться, умѣли и страдать", -- сказалъ я и предложилъ выпить за здоровье тѣхъ изъ тюренченскихъ раненыхъ, которые еще не поправились. Тостъ былъ встрѣченъ очень сочувственно; генераль Ивановъ поцѣловалъ меня и предложилъ всѣмъ офицерамъ 12-го полка сдѣлать то же, что было очень мило исполнено, и я съ удовольствіемъ расцѣловалъ этихъ скромныхъ, но истинныхъ героевъ въ сѣрыхъ изношенныхъ рубашкахъ.

Пили и за здоровье иностранныхъ представителей, изъ которыхъ двое, въ томъ числѣ и германскій, отвѣчали на русскомъ языкѣ. Послѣдній подчеркнулъ, что германская армія, особенно прусская, была всегда союзницей русской.

Однимъ изъ распорядителей обѣда былъ очень милый офицеръ полка, сынъ полкового командира. Что чувствуютъ оба, отецъ и сынъ, когда вмѣстѣ идутъ въ бой?! Жутко мнѣ поставить себя на ихъ мѣсто...

...Въ Ляншангуани я познакомился съ однимъ офицеромъ; сперва онъ былъ помощникомъ коменданта. Когда полкъ его, 24-ый, пошелъ въ походъ, онъ, молодой мужъ и отецъ малолѣтняго мальчика, отказался отъ своего сравнительно безопаснаго и выгоднаго мѣста и попросился въ полкъ. Тамъ его тотчасъ же назначили на какую-то нестроевую должность, -- онъ отказался, чтобы быть въ строю. Покойный Келлеръ хотѣлъ взять его къ себѣ въ штабъ, но онъ попросилъ командира полка, славнаго полковника Лечицкаго, удержать его въ полку -- и получилъ роту.

Въ первомъ же бою на его глазахъ были убиты два его лучшихъ друга, изъ которыхъ одинъ былъ ему специально порученъ старикомъ-отцомъ. До тѣхъ поръ онъ все желалъ войны, но тутъ съ нимъ произошелъ переворотъ: онъ слышномъ наглядно увидаль всю жестокость и мерзость ея. Когда онъ, послѣ боя, представлялъ Келлеру остатокъ своей роты, человѣкъ въ двадцать-пять, и графъ спросилъ его, гдѣ его рота, ему сдавило горло, и онъ едва могъ проговорить, что она -- вся тутъ!

XV.-- Врачи на войнѣ.

...При дальнобойности современныхъ ружей и орудій, всѣмъ врачамъ приходится работать подъ огнемъ, и, къ чести ихъ сказать, они всѣ безъ исключенія, какъ военные, такъ и наши, краснокрестные, повсюду ведутъ себя просто доблестно. Даже офицеры говорятъ, что въ мирное время привыкли относиться къ врачамъ, какъ къ невоеннымъ, а теперь убѣдились, что они такіе же военные, какъ они сами, и столько же рискуютъ собой. Забираются наши врачи и на батареи, и одинъ изъ врачей Евгеніевскаго отряда, докторъ С., временно бывшій главнымъ врачомъ одного изъ летучихъ отрядовъ, даже такъ увлекся, что вмѣстѣ съ офицерами высматривалъ японцевъ и просилъ въ нихъ стрѣлять. Онъ остался въ восторгѣ отъ дѣйствія артиллеріи, работа которой, дѣйствительно, всѣми признается безупречной.

Каждый изъ нашихъ летучихъ отрядовъ заработалъ себѣ въ частяхъ, при которыхъ дѣйствовалъ, самое лестное имя и самую сердечную благодарность; всѣ свидѣлствуютъ о ихъ самоотверженности. Радостно и трогательно мнѣ было вчера видѣть, какъ сердечно и горячо относились въ 12-мъ полку къ уполномоченному Курляндскаго летучаго отряда, барону фонъ-Хану.

Балтійскіе нѣмцы, которыхъ на войнѣ здѣсь оказалось довольно много, вообще повсюду работаютъ прекрасно: и курляндцы, и Евангелической госпиталь, выдѣлившій свой летучій отрядъ, и профессоръ Мантейфель со своими учениками, и врачи отряда П. В. Родзянко, тоже изъ балтійскихъ провинцій, наконецъ, русско-голландскаго отряда, -- всѣ внушаютъ къ себѣ самое искреннее уваженіе и тѣмъ, конечно, что они пріѣхали, и тѣмъ, какъ они себя держатъ и какъ работаютъ. Здѣсь совсѣмъ не проявляется у нихъ то, что меня обыкновенно такъ обижаетъ съ ихъ стороны, -- это неуваженіе къ русскому человѣку, неуваженіе, которое и было, по-моему, причиной враждованія съ ними. Здѣсь, какъ они сами заявляютъ, научаешься уважать русскаго мужика, а раньше многіе изъ нихъ его, пожалуй, и въ глаза не видали.

Не помню ужъ, писалъ ли я тебѣ, что, памятуя свои обязанности завѣдующаго медицинской частью Краснаго Креста, я, во время боя подъ Вафангоу, не хотѣлъ упорствовать въ томъ, чтобы сидѣть за фельдшера. Когда пришелъ военный фельдшеръ съ другого перевязочнаго пункта, я спросилъ его, не можетъ ли онъ за меня остаться, -- онъ сказалъ, что долженъ спросить своего врача. Разумѣется, я послалъ его въ врачу, но онъ больше не возвращался.

Прибѣжалъ потомъ, запыхавшись, на гору ко мнѣ профессоръ Цеге-Мантейфель съ двумя санитарями и носилками.

-- Говорятъ, у васъ много раненыхъ? -- спрашиваетъ онъ.

-- Нѣтъ, -- говорю, -- и вы, пожалуйста, уходите.

Глядя на его огромную фигуру въ большомъ бѣломъ шлемѣ, я думалъ, что по немъ тотчасъ же откроютъ только-что затихшій огонь.

-- А вы что же здѣсь дѣлаете?-- спрашиваетъ онъ.

-- Я сижу за фельдшера, который раненъ.

-- Такъ я вамъ пришлю своего.

-- Отлично, -- говорю, -- присылайте.

-- Ахъ, нѣтъ, -- вспомнилъ Мантейфель, -- вѣдь онъ у меня совсѣмъ въ другомъ отрядѣ. Ну, я останусь за васъ.

-- Ну, нѣтъ, этого я не могу позволить; это я, терапевтъ, могу остаться за фельдшера, а вы, профессоръ хирургіи, нужны на перевязочномъ пунктѣ подальше. Дайте мнѣ только, пожалуйста, папиросъ, потому что мои -- на исходѣ, а сами уходите.

Такъ и проводилъ его. Никогда не забуду я ему этихъ папиросъ...

У насъ здѣсь пока затишье продолжается, объясняемое разными слухами, но, можетъ быть, поддерживаемое дождями, которые опять зарядили, особенно сегодня. Быть застигнутымъ ими здѣсь -- мнѣ одно удовольствіе, но мнѣ уже становится стыдно, что я здѣсь такъ долго отдыхаю. Неясно тоже вижу, почему меня оставляютъ здѣсь въ покоѣ.

P.S.-- 3-е августа 1904 года. Ночью получилъ телеграмму отъ Александровскаго изъ Ляояна: "Жду тебя съ нетерпѣніемъ". Завтра выѣзжаю.

5-ое августа 1904 года. Ляоянь

На дняхъ, кажется, опять поѣду въ Харбинъ разбирать одно дѣло. Много у меня такихъ "дипломатическихъ" порученій, -- надо бы какъ-нибудь и о нихъ рассказать. Удрученъ я ужасно свѣдѣніями о нашемъ флотѣ. Если онъ погибъ, погибъ и Артуръ, быть можетъ, -- погибла и кампанія, особенно, если въ Петербургѣ пойдетъ внутренняя передряга.

13-ое августа 1904 года.

Вотъ я опять ѣду въ Харбинъ. Туда пріѣхалъ второй Георгіевскій отрядъ, пріѣхали бактериологическіе отряды "имени С. П. Боткина", снаряженные комитетомъ великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, пріѣзжаетъ лазаретъ для сестеръ, посланный Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Ѣду туда съ удовольствіемъ, рассчитывая, что ничего не пропущу на югѣ, и радуясь встрѣчѣ съ М. Необыкновенно пріятно здѣсь, на чужбинѣ, знать, что увидишь искренно, сердечно расположеннаго къ тебѣ человѣка, такъ исключительно расположеннаго, какъ милый М.

Долженъ, впрочемъ, сказать, что на этотъ разъ я попалъ и въ Ляоянь, дѣйствительно, какъ домой: не въ примѣръ предыдущимъ разамъ меня ждала хорошая комната, которую я раздѣляю съ другомъ своимъ, уполномоченнымъ Г.

Въ Георгіевскомъ госпиталѣ нашель рядъ больныхъ изъ персонала: докторъ Ш. боленъ брюшнымъ тифомъ; сначала онъ былъ легкій, но вторая волна посильнѣе; переноситъ онъ его очень удовлетворительно; сестра Л. преодолеваетъ совсѣмъ серьезный тифъ, но къ моему отѣзду температура стала спадать; студентъ О. тоже въ тифѣ, теперь ему лучше; наконецъ, дѣлопроизводитель Ж.-- тоже, но и у него дѣло идетъ на улучшение.

XVI.-- Бомбардировка Ляояня.

3-ье сентября 1904 года. Мукденъ.

Ѣхалъ я въ Ляоянь, какъ писалъ тебѣ съ дороги, съ большимъ волненіемъ. Уже въ Мукденѣ слышалась пальба, на станціи Шахэ ясно видны были и дымки орудій и снарядовъ.

Мы добрались до Ляояня въ среду, 18-го августа. Много фizioномій перемѣнилъ онъ на моихъ глазахъ: засталъ я его скромной и довольно безлюдной резиденціей "папаша" Линевича, какъ называютъ офицеры своего любимаго старика-генерала; присутствовалъ при встрѣчѣ командующаго арміей Куропаткина и при послѣдовавшемъ затѣмъ оживленіи этого городка, приковавшаго къ себѣ вниманіе всего міра; видѣлъ его, наконецъ, совсѣмъ опустѣвшимъ большимъ этапомъ, когда командующій перенесъ свою квартиру на югъ, и Ляоянь сталъ только отголоскомъ былого и мѣстомъ отдохновенія замученныхъ и изнервничавшихся офицеровъ.

18-го августа, я нашель его въ совершенно новомъ, боевомъ нарядѣ. Долженъ признаться, что этотъ нарядъ уже тогда произвелъ на меня впечатлѣніе дорожнаго костюма: какъ будто воинъ облачился, чтобы выступать. Несмотря на отсутствіе командующаго, который уже былъ на востокѣ, оживленіе на станціи было чрезвычайное, но съ характеромъ желѣзнодорожной лихорадки, въ смыслѣ нѣмецкаго "Reisefieber". Нашъ санитарный поѣздъ ожидался съ нетерпѣніемъ, самъ Ѳ. Ѳ. Треповъ встрѣчалъ его и тотчасъ же приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ съ комендантомъ и главнымъ врачомъ поѣзда. На платформѣ ходила масса военного народа со спѣшными движеніями и дѣловыми серьезными лицами. На станціи, около станціи, въ городѣ, на нашей окраинѣ (около Георгіевскаго госпиталя) развѣвались новые флаги съ краснымъ крестомъ, виднѣлись новыя колоніи палатокъ. Громкій многоголосый говоръ станціонной толпы казался виртуозными варіаціями правой руки подъ односложный аккомпаниментъ лѣвой, въ видѣ гула орудій, заставлявшаго всѣхъ невольно повышать голосъ. Разыгрывалась сложная боевая симфонія...

Со мной пріѣхали сестры и врачи, и я поспѣшилъ въ наше Управление, чтобы узнать положеніе дѣлъ и получить распоряженія. Тамъ я засталъ только инвалидовъ: генерала Р. и нашего уполномоченнаго, П. П. В., тоже свалившагося съ лошади и повредившаго себѣ колѣно; остальные были на позиціяхъ. Я попросилъ свою лошадь, -- оказалось, что на ней уѣхалъ мой казакъ; другой

не осталось, да и куда было ъхать, -- я не зналъ, на какихъ позиціяхъ идетъ бой; къ тому же пріѣхалъ санитаръ, объявившій, что сейчасъ возвращается Александровскій. Тѣмъ временемъ канонада достигла своего апогея, громъ орудій сталъ непрерывнымъ: мы отбивали отчаянную атаку японцевъ съ высокой горы впереди Ляояна. Мы удерживали ее второй день и были довольны ходомъ дѣла.

Стали спускаться сумерки, стрѣльба порѣдѣла, пріѣхалъ Александровскій, усталый, серьезный, и велѣлъ тотчасъ же собрать санитаровъ, желающихъ ъхать выбрать изъ траншей раненыхъ.

Канонада совсѣмъ смолкла, наступила темнота, и съ нею пришло извѣстіе, что раненыхъ нужно убрать до 9 часовъ вечера, такъ какъ мы... отступаемъ: мы отдавали гору и переходили на форты, которыми давно окруженъ Ляоянь.

Мы съ М. пошли въ Георгіевскій госпиталь искать еще врачей, которые съ перевязочнымъ матеріаломъ и санитарями поѣхали бы за ранеными въ деревню Маэтунь. Разумѣется, Александровскій и я ѣхали тоже. Въ Георгіевскомъ госпиталѣ застали транспортъ въ двѣсти съ лишкомъ раненыхъ, въ новомъ перевязочномъ пунктѣ еще шли перевязки прежде доставленныхъ. Тѣмъ временемъ разразилась гроза со страшнымъ ливнемъ, промочившимъ меня насквозь и въ нѣсколько минутъ обратившимъ дороги въ едва пролазную скользкую грязь, по которой я двигался лишь съ трудомъ, опираясь на руку М., но и то, наконецъ, поскользнулся, упалъ и чуть не свалилъ своего спутника. Когда мы добрались до нашего Управленія, Сергей Васильевичъ уже измѣнилъ планъ, послалъ за ранеными только уполномоченнаго В. В. Ширкова съ санитарями, такъ какъ въ такой грязи и темнотѣ немислимо было дѣлать перевязки, -- а мы съ нимъ пошли на платформу нашего госпиталя принимать раненыхъ съ поѣзда, который долженъ былъ сейчасъ придти съ южныхъ позицій. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ необходимо было распросить Александровскаго про все, что было сдѣлано безъ меня, дабы войти въ курсъ дѣла.

Оказалось, что, кромѣ ранѣ намѣченныхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Георгіевскомъ госпиталѣ и на этапѣ, -- въ городѣ развернулся Евгеніевскій госпиталь, снова отлично оборудованшій полученный домъ, опустѣвшій за выѣздомъ какого-то Правленія; около станціи -- земскіе отряды, которые предполагалось поставить въ ближайшей деревнѣ, оказавшейся, однако, подъ сильнымъ разстрѣломъ; наконецъ, на разѣздѣ, въ разстояніи полуверсты отъ сѣвернаго семафора, были поставлены два подвижныхъ лазарета, куда отсылались изъ нашихъ городскихъ госпиталей всѣ легко раненые. Разѣздъ этотъ уже сталъ называться Ляояномъ No 2; изъ него шла усиленная эвакуація раненыхъ, помощью всегда стоявшихъ тамъ теплушекъ.

Мы приняли привезенныхъ раненыхъ, спѣша поскорѣе освободить желѣзнодорожный путь для подвоза снарядовъ. "Если я буду имѣть возможность, -- сказалъ, будто, командующій, -- я вывезу всѣхъ раненыхъ; если же мнѣ нужны будутъ снаряды, а сперва ихъ подвезу, а потомъ буду вывозить раненыхъ", -- и это, разумѣется, совершенно правильно, такъ какъ эти снаряды защищаютъ и этихъ самыхъ раненыхъ. Сергій Васильевичъ поѣхалъ къ Трепову, а я пошелъ въ госпиталь Мантейфеля и Галле, куда вновь прибывшіе раненые были направлены. Два большихъ керосиновыхъ факела освѣщали подходившія носилки и двуколки, въ перевязочныхъ шла нервная работа надъ несчастными окровавленными солдатиками, большая палата барака была заполнена страдальцами. Да, ужъ это не Тюренчень!

Вотъ они, ничѣмъ нескрашенные ужасы войны!.. Въ воздухѣ стояла ужасная, подавляющая масса стоновъ. Налѣво стонетъ безъ сознанія раненый въ голову; рядомъ другой -- въ полномъ сознаніи -- громко жалуется на боль; впереди кличетъ тебя несчастный, прося глотокъ воды; направо -- раненый въ животъ жестоко страдаетъ оттого, что не можетъ выпустить жидкость, его распирающую... Кого напоивъ, къ кому направивъ сестру или врача, я, совершенно удрученный, подавленный, пошелъ домой.

Каюсь, видъ раненаго японца въ своемъ кэпи среди всѣхъ этихъ мукъ мнѣ былъ непріятенъ, и я заставилъ себя подойти съ нему. Это, конечно, глупо: чѣмъ онъ-то виноватъ въ страданіяхъ нашихъ солдатиковъ, съ которыми онъ ихъ раздѣляетъ! -- но ужъ слишкомъ душа переворачивается за своего, родного...

Сергій Васильевичъ привезъ извѣстія, подтверждавшія наше отступление съ доминирующей горы, -- опять, казалось, ничѣмъ не вызванное и непонятное.

Поспавъ часа четыре -- пять, мы, проснувшись, были удивлены затишьемъ. Какъ будто и войны нѣтъ. Яркое солнце озаряло нашъ милый садикъ, гдѣ не было видно крови и не слышно было стоновъ, кругомъ царили тишина и, казалось, полный миръ. Сергѣй Васильевичъ рѣшилъ, что мнѣ непременно нужно поѣхать отыскивать новыя мѣста для перевязочныхъ пунктовъ сѣвернѣе Ляояна, сталъ отчаянно торопить меня, а когда я уѣхалъ (верхомъ, конечно), послалъ за мной еще Михайлова съ цѣлымъ штабомъ: уполномоченнаго, студентовъ и санитаровъ съ флагами Краснаго Креста.

Какъ прогулка, поѣздка была очень пріятной. Въ ближайшей деревнѣ я нашель прелестную усадьбу богатаго китайца, окруженную каменной стѣной, съ хорошими фанзами, чистыми дворами, садиками и огородами. Мы всѣ съѣхались къ ней и на ней сошлись: ее выбралъ бы и каждый изъ насъ въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что другой такой и не было въ деревнѣ. Отпустивъ домой весь лишній персоналъ, Михайловъ поѣхалъ со мной на 101-ый разъѣздъ, -- конечная цѣль нашего путешествія, верстахъ въ двѣнадцать отъ Ляояна. Занявъ и тамъ нѣсколько смежныхъ фанзъ, мы зашли къ будущимъ сосѣдямъ, врачамъ дивизіоннаго лазарета, гдѣ нашли старыхъ знакомыхъ и выпили чайку. Казалось, миръ продолжался, несмотря даже на орудійные выстрѣлы, которые стали изрѣдка долетать до насъ со стороны Ляояна. Вотъ прошелъ мимо насъ товарный поѣздъ. Съ ранеными? Нѣтъ, почти пустой, съ чѣмъ-то скарбомъ. Значить, раненые не прибываютъ, -- слава Богу! Еще поѣздъ, -- опять безъ раненыхъ. Должно быть, пассажирскій, потому что съ классными вагонами, тоже почти пустой. Въ одномъ изъ товарныхъ вагоновъ замѣчаемъ нашего правителя канцелярія, который уже дня два назадъ сложилъ ее и дневалъ и ночевалъ на ней въ товарномъ вагонѣ. Весело раскланялись и ѣдемъ еще искать помѣщеній, -- такъ какъ Сергѣй Васильевичъ просилъ занять всѣ свободныя фанзы. Поражаемся, однако, что подходятъ все еще и еще поѣзда, устанавливаясь цѣпью одинъ за другимъ на пути, за невозможностью проѣхать.

-- Да вѣдь это отступленіе, -- догадывается Михайловъ. -- Ляоянъ очищается!

На поѣздѣ, остановившемся на разъѣздѣ, замѣчаю врача одного изъ земскихъ отрядовъ и подѣзжаю къ нему.

-- Что дѣлается въ Ляоянѣ?-- спрашиваю.

-- О, станція обстрѣливается, одной сестрѣ Харьковскаго отряда ноги оторвало, врача ранило. Все вывозится.

Этого и слѣдовало ожидать. Отступая на переднюю линію нашихъ фортовъ (а ихъ было, если не ошибаюсь, три вокругъ Ляояна), мы еще далеко не отдавали города, но, очистивъ доминирующую гору, мы передали ее японцамъ и тѣмъ поставили себя подъ разстрѣль. Говорятъ, будто на этой горѣ утромъ появился японецъ съ бѣлымъ флагомъ. Пока у насъ разсуждали, стрѣляютъ въ него или нѣтъ, онъ скрылся, а вслѣдъ за этимъ непріятель поднялъ на гору свою артиллерію и началъ насъ громить.

Взволнованные извѣстіями, мы съ Михайловымъ поскакали въ Ляоянъ и, помнится, всю дорогу мы съ нимъ были единственные, ѣхавшіе въ этомъ направленіи. Когда встрѣтившійся намъ врачъ узналъ, куда мы ѣдемъ, онъ удивился.

-- Тамъ страшно, -- сказалъ онъ.

И все шло намъ навстрѣчу: арбы, двуколки, верховые, солдаты, китайцы, -- все это тянулось нескончаемой смѣшанной унылой чередой, будто шествіе умершихъ на тотъ свѣтъ.

Канонада становилась все громче и злѣе.

На станціи Ляоянъ No 2 мы нашли аккуратно сложенное имущество Евгеніевскаго госпиталя, убранный изъ города уже подъ огнемъ, когда снарядомъ была попорчена крыша ихъ дома. Впослѣдствіи Александровскій рассказывалъ, что когда онъ пріѣхалъ къ евгеніевцамъ въ эти опасныя часы и предложилъ вынести самое для нихъ дорогое, черезъ нѣсколько минутъ появились врачи, неся на рукахъ гробъ съ тѣломъ умершаго у нихъ офицера (раненые были всѣ уже эвакуированы).

Когда мы подѣхали къ Георгіевскому госпиталю, онъ собирался выносить своихъ раненыхъ на платформу.

-- А госпиталь ты сворачиваешь? -- спрашиваю Давыдова.

-- Приказаній никакихъ не было.

Я попросилъ, чтобы, вынеся всѣхъ раненыхъ и больныхъ, онъ свернулъ госпиталь, согласно распоряженію Ө. Ө. Трепова, и пригласилъ бы сестеръ укладывать свои вещи. А онъ ходили по госпиталю, будто онъ заколдованъ отъ снарядовъ, и продолжали свое святое дѣло, не замѣчая, казалось, что опасность все къ нимъ приближалась.

Насталъ темный южный вечеръ. Раненые и больные заняли вплотную нашу платформу и подходъ къ ней и ждали поѣзда.

Я пришелъ въ опустѣвшій госпиталь поторопить сестеръ и пошелъ по палатамъ. Онѣ были еще всѣмъ оборудованы: стояли кровати съ помятымъ бѣльемъ и одѣялами, тутъ и тамъ -- подкладныя судна, на столахъ кружки, -- было, словомъ, все, кромѣ образовъ. Госпиталь производилъ впечатлѣніе только-что умершаго человѣка: онъ еще весь тутъ, и теплый и мягкій, но жизни въ немъ нѣтъ. Я аукался съ темнотой, боясь, не затерялся ли кто изъ тѣхъ восьмисот или девятисотъ человѣкъ, которые помѣшались въ этой огромной усадьбѣ, -- и молчаніе было гробовое... Грустный, могильный обходъ! Давыдовъ предложилъ пойти въ церковь, пустой покинутый шатерь, и мы съ нимъ въ послѣдній разъ помолились въ Ляоянѣ; это было что-то вродѣ литіи надъ трупомъ много поработавшаго госпиталя.

Тѣмъ временемъ выяснилось, что поѣзда намъ уже не могутъ подать къ платформѣ и нужно вести больныхъ и раненыхъ къ Ляояну No 2. Несмотря на темноту, обстрѣливаніе продолжалось и снаряды ложились все ближе. Они долетали уже до деревни, въ которой было наше Управление, падали въ общежитія пріѣхавшихъ и резервныхъ врачей и сестеръ, въ такъ называемомъ "красномъ домѣ", и, вотъ-вотъ, должны были ударить въ госпиталь или на платформу. Больные чувствовали это и волновались, -- каждый боялся быть оставленнымъ.

-- Меня, меня, ваше высочородіе, возьмите, -- я не могу ходить...

Кто только могъ, тотъ уползаль пѣшкомъ; приходилось ловить тѣхъ, кому это было вредно.

-- Всѣхъ, всѣхъ унесемъ, родной... Баць!-- разорвалось неподалеку.

-- потушите огни, фонари потушите! -- раздается громкій голосъ капитана К.

Продолжаемъ переноску въ полномъ мракѣ, почтя ощупью, затѣмъ съ фонарикомъ, свѣтящимся только съ одной стороны. Сестры Е. Н. Игнатъева и только-что овдовѣвшія Хвастунова и Тучкова все время тутъ же, на платформѣ, помогаютъ, успокаиваютъ нетерпѣливыхъ и рѣшительно отказываются уходить, пока всѣ не унесены.

Сама по себѣ канонада на такомъ разстояніи послѣ батареи не производила на меня никакого впечатлѣнія, но я ужасно боялся, чтобы какой-нибудь подлый осколокъ не задѣлъ нечаянно сестры или кого-нибудь изъ раненыхъ или больныхъ. Существуетъ рассказъ, будто такъ и случилось, и одинъ изъ нашихъ раненыхъ былъ вторично раненъ у насъ на платформѣ, но я отношусь къ этому скептически, такъ какъ все время толкся на ней и не видаль этого, а видѣлъ, какъ одинъ военный врачъ перевязываль на ней только-что раненаго, дѣйствительно, кажется совсѣмъ близко отъ платформы.

Слава Богу, наконецъ всѣхъ унесли! Бѣгу опять въ госпиталь. Тамъ все еще сидятъ сестры, докторъ С. угощаетъ ихъ консервами изъ грушъ. Я поручаю ему провести ихъ на Ляоянъ No 2, и послѣ настойчивыхъ понуканій онъ уходитъ; остается одинъ Давыдовъ.

Я подсаживаюсь къ нему на камешекъ, и мы раскуриваемъ меланхолическую папироску. Пришли солдатики выносить вещи; я снова забѣгаю въ Мантейфелю и Галле, чтобы посмотреть, не везутъ ли еще раненыхъ, и, въ случаѣ чего, направить ихъ прямо на Ляоянъ No 2. Наконецъ, добираюсь и я туда, ожидая найти больныхъ уже загруженными или уже уѣхавшими. Оказывается, они всѣ здѣсь, разставлены въ палаткахъ двухъ нашихъ подвижныхъ лазаретовъ военныхъ госпиталей, и прямо на воздухѣ между шатрами, разочарованные, что они такъ мало подвинулись.

-- Когда же нашъ поѣздъ придетъ? Да придетъ ли онъ?.. Живьемъ попадемся "ему"...

-- Да нѣтъ, что ты! Увеземъ всѣхъ васъ, а не то съ вами останемся, да и не идетъ "онъ" сюда вовсе, -- стараешься "ихъ" успокоить.

-- Да "онъ"-то не придетъ, а снаряды-то "его" долетятъ, -- говорятъ несчастные, измученные страдальцы...

Настала эта мучительная ночь ожиданія поѣзда.

"Что, -- думаешь, -- встанетъ солнце, освѣтитъ непріятелю эти шатры, да какъ начнетъ онъ по нимъ и по желѣзнодорожному пути, вдоль котораго вытянуты эти ряды носилокъ, -- что будетъ тогда?!"

На разбросанныхъ ящикахъ и чемоданахъ, въ самыхъ разнообразныхъ и неудобныхъ положеніяхъ, спать и дремлютъ, усталые и озябшіе отъ утренней свѣжести сестры и врачи. Мы съ сестрой Л. усѣлись на какой-то ящикъ очень удобно, но къ намъ подсѣлъ кто-то чужой.

-- Пересядемъ, -- говорю я ей, -- на бурку, которая тамъ такъ заманчиво брошена на ящикѣ.

-- Пересядемъ, -- говоритъ Л. И мы переходимъ. Едва, однако, она хотѣла присѣсть на нашъ соблазнительный диванъ, какъ изъ-подъ него поднялась красивая, грустная голова нашего священника, о. Николая Курлова, который захворалъ тифомъ и, тоже ожидая поѣзда, съ головой закутавшись въ бурку, пристроился на грудѣ чемодановъ. Было и смѣшно, и страшно неловко, и жаль мнѣ стало ужасно такого одинокаго и безпомощнаго человѣка въ своей тяжелой болѣзни.

Представь себѣ, сегодня (8-го сентября) я узналъ, что онъ, бѣдный, не перенесъ ея и отъ прободнаго воспаления брюшины скончался. Это былъ хороший, увлекающійся человѣкъ, заботливо и сердечно относившійся къ раненымъ и все записывавшій ихъ откровенные и безхитростные рассказы. Мнѣ больно подумать, что этотъ семейный человѣкъ (у него жена и трое маленькихъ дѣтей, которыя безъ него хворали дифтеритомъ, а онъ въ Ляоянѣ ужасно этимъ волновался) умеръ совершенно одинъ, гдѣ-то въ Куанчанцахъ.

Когда я въ ту ночь тревожнаго ожиданія въ Ляоянѣ Но 2 сидѣлъ и бесѣдовалъ съ однимъ изъ врачей и студентомъ Ф., къ намъ подошелъ интендантскій чиновникъ и разсказалъ, что днемъ, около продовольственнаго пункта въ Лаоянѣ, трое изъ ихъ служителей были ранены, и онъ просилъ насъ ихъ убрать. Очень характерно, что самъ онъ, уходя оттуда, не позаботился объ этомъ, а теперь ночью, насъ, находящихся за три -- четыре версты и при своемъ дѣлѣ, объ этомъ просить. Конечно, я бы охотно сейчасъ же за ними отправился, но я не могъ отлучиться, ожидая съ минуты на минуту, въ худшемъ случаѣ съ часу на часъ, прихода поѣзда, въ который я долженъ былъ грузить раненыхъ. Великодушный интендантъ отошелъ, очень неудовлетворенный, казалось -- даже негодующій на равнодушіе или малодушіе Краснаго Креста. Мы сдѣлали, однако, попытку воспользоваться носильщиками и носилками дивизионнаго лазарета, такъ какъ мои собесѣдники собрались идти за ранеными, но дѣло не выгорѣло, и всѣ остались.

Когда стало чуть-чуть разсвѣтать, пришли изъ нашего Управленія Александровскій, Кононовичъ и другіе. Пришелъ и генералъ Треповъ, -- стали ждать всѣ вмѣстѣ. Больные поуспокоились и большею частью спали, а я боялся и подходить къ нимъ еще разъ, когда поѣздъ упорно не шель и каждую минуту могло начаться обстрѣливаніе.

Наконецъ, пришелъ желанный и, по счастью, всѣхъ вмѣстилъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ поѣхали сестры и врачи Георгіевскаго госпиталя. Остался только весь персоналъ Евгеніевской общины со всѣми сестрами и все имущество ея за недостаткомъ мѣстъ и вагоновъ; имущество же Георгіевскаго госпиталя находилось частью на платформѣ, а частью еще въ госпиталѣ, -- ради него задержался и Давыдовъ.

XVII.-- Отступленіе отъ Ляояна.

Былъ ясный солнечный день, поѣздъ благополучно ушелъ, орудія громыхали не слишкомъ часто, да и прислушались мы къ нимъ настолько, что можно было относиться къ ихъ шуму такъ, будто это надоѣвшій, докучливый слишкомъ шумный разговоръ, -- и нашъ лагерь страданій вдругъ сталъ веселымъ, спокойнымъ, довольно опустѣвшимъ бивуакомъ.

На моей душѣ еще оставалось, однако, одно дѣло: госпиталь Мантейфеля не успѣлъ схоронить своихъ умершихъ, кромѣ того пропалъ куда-то мой Гакинаевъ, и я оказался безъ лошади, слѣдовательно -- въ зависимости отъ поѣзда. Слышу вдругъ, что на станціи Ляоянѣ осталось 5 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Я собрался ѣхать за ними на вагонеткѣ и пошелъ себѣ ее выхлопывать, когда встрѣтилъ охотниковъ желѣзнодорожнаго баталіона, которые шли въ городъ за церковной утварью. Тогда я велѣлъ имъ осмотрѣть станцію (меня все беспокоили

интендантскіе служители, за которыми я не могъ поѣхать ночью), а самъ пошелъ въ наше покинутое "Управленіе", посмотрѣть, не ждетъ ли меня тамъ мой вѣрный Гакинаевъ, пока его не убьютъ. Грустное, тяжелое впечатлѣніе произвело на меня наше пепелище, гдѣ еще недавно жизнь была ключомъ, а теперь все было пусто, и двери всѣ раскрыты, -- будто сердце, которое только-что любило одного, вдругъ разлюбило -- и готово принять въ себя другого. Только красоты нашего уголка оставались неизмѣнными, и милый садикъ попрежнему пестрѣлъ гранатами, уже въ видѣ плодовъ, розами и фуксіями...

Досталъ солдатъ для погребенія покойниковъ, уже наканунѣ, какъ я справился, отпѣтыхъ, я попросилъ состоящаго при главноуполномоченномъ В. В. Ширкова. Онъ быстро устроилъ это; видя, однако, что обстрѣливаніе этого мѣста все усиливается, поѣхалъ предложить солдатикамъ отложить процедуру до болѣе покойной минуты, но тѣ отказались, говоря, что "братское дѣло" исполнять сейчасъ же. Слава Богу, все произошло благополучно.

Мы мирно сидѣли около палатки, прячась въ тѣни ея крыши и пользуясь гостепріимствомъ, совершенно исключительнымъ, Евгеніевскаго отряда, когда къ намъ подъѣхалъ А. А. Леманъ. Онъ привезъ съ собой въ двуколкахъ раненыхъ и просилъ приготовиться къ пріему большого ихъ количества: енисейскій полкъ вышелъ между двухъ Ляоянскихъ фортовъ, кинулся въ атаку, уже взялъ одну деревню, но потери большія. Воспользовавшись оставленной, какъ оказалось, Александровскимъ лошадей, я поѣхалъ на перевязочный пунктъ за Леманомъ. Хотя онъ уѣхалъ, не дождавшись меня, и казакъ, меня сопровождавшій, дороги точно не зналъ, -- найти ее было нетрудно, -- на насъ шла волна раненыхъ. Подвигаясь имъ навстрѣчу по гаоляновой дорогѣ, мы довольно скоро добрались и до перевязочнаго пункта. У самой дороги, въ тѣни гаоляна, ложились и садились раненые, и тутъ же ихъ перевязывали. Волна ихъ все увеличивалась. Я засучилъ рукава и тоже принялся за перевязку, безъ воды, безъ мытья рукъ, безъ записи, -- лишь бы скорѣе закрыть раны. А раненые все прибывали; одни приходили, другихъ приносили.

-- А Жирковъ убить!-- почти весело, такъ дѣловито, быстро, оповѣщаетъ, проходя мимо насъ, одинъ изъ носильщиковъ раненаго, котораго мы перевязывали.

Говоръ, стоны, толпа -- сгущаются: за ранеными, молча, бредутъ и здоровые. Отступаютъ! Во второй деревнѣ наткнулись на сильный огонь японцевъ и съ большими, удручающими потерями должны были отступить. Непріятель преслѣдовалъ шрапнелями. По мѣрѣ приближенія къ намъ отступающихъ, приближались и шрапнели; наконецъ, стали рваться совсѣмъ неподалеку: очевидно, японцамъ видна была дорога, и они пристрѣлялись къ ней. Пришлось отойти назадъ и всему "перевязочному пункту". Мы добрались до болѣе отдаленнаго мѣста, скрытаго и безопаснаго. Здѣсь столпились всѣ: и раненый командиръ полка, и унылые, какъ бы сконфуженные, офицеры, его окружавшіе, не досчитывавшіеся столькихъ своихъ товарищей, которые еще полчаса тому назадъ были такъ же молоды и здоровы, какъ они, -- и измученные, съ серьезными лицами солдаты...

Рядомъ лежала груда ружей, подобранныхъ за убитыми...

Я радъ былъ, что былъ не нуженъ и можно было съ Леманомъ уѣхать. Подавленный, вернулся я къ желѣзнодорожному пути, и засталъ палатки, уже окруженные ранеными. Какъ сильный южный ливень изъ улицъ въ полчаса дѣлаетъ рѣки воды, а изъ площадей озера, -- такъ здѣсь полчаса, часъ лютаго боя -- изъ дороги и равнины сдѣлали рѣку и площадь крови.

Пока я ѣздилъ, по моей просьбѣ былъ развернуть одинъ краснокрестный перевязочный пунктъ и тоже уже былъ окруженъ ранеными, да еще какими, -- Боже, какими! Сейчасъ же врачи, сестры, студентъ Евгеніевской общины пошли на помощь нашему и военнымъ перевязочнымъ пунктамъ, и работа продолжалась до глубокой темноты.

Раненыхъ послѣ перевязки прямо сажали въ теплушечный поѣздъ, который, къ счастью, уже стоялъ здѣсь.

Ты, знаешь ли, что значитъ теплушка? Это простой товарный вагонъ, въ которомъ зимой при перевозкѣ войскъ ставилась печь. Теперь, кстати сказать, всѣ эти печи, говорятъ, потеряны. Наступаютъ холода, и теплушки пора называть холодильниками. Если есть время и возможность, теплушки оборудуются: кладется сѣно или гаолянъ, на нихъ цыновки, въ вагоны раздаются кружки, фонари и пр. Здѣсь не было этого ничего, не было и свободнаго медицинскаго персонала.

Стоялъ длинный рядъ товарныхъ вагоновъ, набитыхъ ранеными. Иду мимо и слышу, какъ изъ темноты раздаются стоны на всѣ голоса. Нѣкоторые взываютъ изъ глубины мрака: "пить, пить!" Беру фонарь и влѣзаю въ вагонъ, гдѣ стоны и зовы особенно многочисленны. Ступаю съ осторожностью, чтобы не задѣть пробитые животы, ноги и головы: едва есть мѣсто, гдѣ поставить ногу.

-- Кто хочетъ пить?

-- Я, я, я!-- слышу изъ разныхъ угловъ.

-- Ваше высокородіе, около меня покойникъ.

Гляжу, и дѣйствительно, бокъ о бокъ съ живымъ, лежитъ уже успокоившійся страдалецъ. Иду разыскивать солдатъ, чтобы вытащить пассажира, который уже доѣхалъ до самой близкой станціи, -- потому что онъ раньше всѣхъ на нее прибылъ (вмѣстѣ съ тѣмъ -- до самой далекой, потому что между нимъ и нами легла уже вѣчность) -- и до самой важной.

Я вспомнилъ -- не тогда, конечно, а сейчасъ, когда пишу тебѣ -- переѣздъ зимой черезъ Альпы: ты только-что ѣхала среди снѣговъ и хмурой зимы и вдругъ, перешагнувъ совершенно для тебя незамѣтно черезъ какую-то неизмѣримую высоту, попадаешь въ Геную: тебя радостно поражаетъ безоблачное синее небо, яркое солнце льетъ съ него на тебя гостепріимные теплые лучи и среди веселой зелени тебя привѣтливо встрѣчаетъ ослѣпительно бѣлая статуя Колумба. Боже мой! Если такой переходъ изъ одной рамки въ другую заставляетъ наше сердце биться какой-то восторженной радостью, -- какое же блаженство должна испытывать человѣческая душа, переходя изъ своего темнаго, тѣснаго вагона къ Тебѣ, о, Господи, въ твою неизмѣримую, безоблачную, ослѣпительную высь!..

Но тогда я не думалъ объ этомъ, каюсь. Тогда я видѣлъ только этотъ ужасный вагонъ, набитый искалѣченными людьми, и безпомощный трупъ, который спускали изъ него по доскѣ...

Была темная, воробыная ночь. Небо было, какъ трауромъ, затянуто черными тучами; мракъ разрывался только рѣзкимъ протяжнымъ воемъ снарядовъ и грубымъ, дерзкимъ грохотомъ ихъ разрывовъ, а справа виднѣлся одинокій огонекъ тусклаго фонарика, едва освѣщавшаго нѣсколько черныхъ тѣней, и раздавалось заунывное, жидкое, погребальное пѣніе...

Тра-та-та, тра-та-та...-- присоединилась возобновившаяся ружейная пальба.

-- Ваше высокородіе, когда же мы поѣдемъ?-- стонуть несчастные изъ своихъ темныхъ коробокъ.

-- Господи, добъетъ "онъ" васъ здѣсь!

Да что ты, полно! -- бодро и самоувѣренно отвѣчаешь имъ:-- вѣдь это мы же въ нихъ стрѣляемъ.

Но то стрѣляли въ насъ.

Мучительно долго пыхтѣлъ паровозъ, пока, наконецъ не тронулся и не повезъ.

Въ Ляоянѣ No 2 раненыхъ больше не оставалось; всѣ перевязочные пункты немедленно снялись и переѣхали черезъ рѣку, такъ какъ на утро можно было ожидать, что мостъ будетъ разрушенъ изъ осадныхъ орудій. На другой день, однако, по немъ прошли еще всѣ ваши войска и затѣмъ подожгли его, а не взорвали, чтобы не разрушать остова, которымъ мы еще рассчитываемъ воспользоваться на обратномъ пути.

XVIII. -- Разъѣздъ No 101.

На ближайшемъ разъѣздѣ, No 101, я выскочилъ изъ поѣзда и побѣжалъ въ фанзы, наканунѣ взятыя нами съ Михайловымъ, чтобы посадить на поѣздъ сестеръ, такъ какъ намъ удалось захватить на него изъ военнаго госпиталя всего шесть санитаровъ и еще меньше, кажется, фонарей. Сестры мои опоздали, но другія, изъ развернутыхъ около пути лазаретовъ, успѣли обойти несчастныхъ и, сколько можно, напоить и накормить ихъ; также были прибавлены санитары, -- кажется, на каждый вагонъ во одному.

А въ лазаретныхъ палаткахъ не спали -- перевязки продолжались всю ночь. Врачей, впрочемъ, было достаточно, и я потомъ уснулъ; было уже пять часовъ утра. Когда я всталъ, я узналъ, что здѣсь, на 101-мъ разъѣздѣ, въ устроенномъ нами большомъ перевязочномъ пунктѣ при

конножелезнодорожной и железной дорогах, ожидается большое количество раненых, и тотчас же пошел туда.

Что такое было до тех пор какой-то 101-ый разъезд? Сколько раз приходилось стоять на нем и клясть медленность железнодорожного движения, не обращая на самый разъезд собственно никакого внимания. Еще когда я в последний раз хал в Ляоянь, мы на нем долго стояли, снимались, наблюдая за пальбой над Ляоянем, и все-таки 101-ый разъезд был для нас одним из многих. Теперь, 21-го августа, он стал крупным центром.

На огромной площади около места остановки вагонеток раскинулись четыре наших перевязочных и один продовольственный пункты. Эта кипучая полезная работа во всех углах, освещенная ярким солнцем, производила отрадное впечатление: как будто и раненые днем меньше страдают. Я сортировал больных, -- одних отправлял прямо на продовольственный пункт, других -- в тот или другой перевязочный, где поменьше народа, чтобы больше тяжелым раненым не приходилось долго ждать, третьих сажал в вагоны. Целый день проходил я по этой площади, оттоптал себе совершенно ноги и к вечеру узнал, что наше "Правление" все снялось и ушло. А мои вещи? Тоже ушли. А шашка? Тоже. Так и остался я в одной сфрой рубахе. В пятом часу утра, не чувствуя ни ног, ни головы, я пошел отыскивать палатку Голубева, чтобы вытянуться хоть на часок.

В это время шла усиленная эвакуация станции: горели костры из всего, что могло гореть, снимались палатки, нагружались арбы... Топография места так изменилась, что я не мог найти уже той площади, на которой проходил весь день, тем более, что последний, оставшийся несвернутым, как перевязочный пункт перенес свои действия в конце рельсов конножелезнодорожной дороги, поближе к главному пути. Я забрел куда-то далеко в сторону, когда утро нового дня показало мне, что я заблудился. Отыскав, наконец, нашу площадь, я убедился, что Голубевская палатка уже снята. Я вернулся тогда к вагонам-теплушкам и подсел к А. И. Гучкову. Было уже совсем светло, когда последние два поезда передвинули версты на четыре севернее разъезда, боясь, что неприятель близко. В это время на разъезде продолжались перевязки: доканчивали последний транспорт раненых, привезенных в вагонетках. Тут же, в нескольких десятках шагов, жгли наши ружья и патроны, которые щелкали и стреляли, будто батальон японцев.

Отсюда мы повезли раненых на двуколках по ужасной дороге к поездам, которые их ожидали, и на пути захватили еще целый арбяной транспорт с 73-мя ранеными.

Долго запикивал я их в первый поезд из двух последних, боясь, что в самом последнем не окажется места. Время от времени меня поторапливал один медицинский генерал, правда, очень древний. Наконец, и он, и я потеряли терпение.

-- Вд я с шести часов жду в этом поезде, -- сердился старик.

-- Ваше превосходительство, -- ответил я, обиженный нетерпением врача, который хал удобно во II класс, только благодаря раненым, а не то, чтобы он их вез в своем поезде:-- раненые тоже ждут с раннего утра, даже с ночи, с той только разницей, что мы с вами здесь мирно сидели (признаться, я, как ты знаешь, почти не присаживался), а они за нас дрались.

Отстал почтенный товарищ, но через некоторое время, видя, что несут еще одного раненого с разбитой головой, совсем разозлился: "Да это каприз какой-то!" -- Но я был рад, что усадил в этот поезд, сколько было возможно, так как в самом последнем едва хватило места для всех; и то приходилось класть несчастных мозаикой, чтобы выгадывать каждый вершок. В одном из вагонов поместился и я с ними.

Как ни плохо, ни примитивно в этих теплушках, когда несчастные все разместились и поезд стал покачивать их, раненые в моем вагоне все успокоились и мирно заснули. Заклевал и я носом. Больной солдатик, единственный не спавший, заметил это, хотел отдать мне свою шинель и предлагал улечься. Я выдерживаю, однако, до Янтая, где на станции встретили нас генерал Трепов и Александровский, который уговорил меня переселиться в другой вагон, со всеми нашими уполномоченными (товарный, конечно) и уехать в Шахэ, так как в Янтае был военный перевязочный пункт, и мне там нечего было делать. (Лошадь моя шла походным порядком). Я, действительно, очень изморился и ушел.

XIX. -- Эвакуация станции Шахэ.

На другой день в Шахи мы опять открыли два перевязочных пункта, где перевязывались раненые, приехавшие на двуколках и захваченные уже после нас на 101-м разьезде знаменитым поездом полковника Спиридонова; но работа уже далеко не была столь интенсивной, как на разьезде. Сюда же приехали днем и командующий после самой тревожной ночи, когда около Янтая наши обозы были в большой опасности. В 6 час. вечера приехали с севра наместники...

Из Шахэ мы выехали на следующий день, постояли у моста, когда доехали до разьезда, получив сведения, будто сзади нас идут еще раненые, вернулись к мосту и стали ждать.

Совсем мертвыми показались мне станция и ее окрестности: тишина, запустение, -- и никого кругом (впрочем, на станции на всякий случай оставался еще один из наших летучих отрядов).

Большую часть дороги я провел в вагон с здоровыми солдатиками на каких-то кулях и ящиках, которые они везли в Мукден. Вышло это так потому, что один из больных солдат в вагон, в котором я раньше сидел, внезапно проявил признаки острого умопомешательства и выскочил на ходу из поезда. Так как ход был очень тихий, да еще другой больной успел немного задержать прыжок сумасшедшего, он несколько не ушибся. Чтобы избавить его от прежних впечатлений, я нарочно посадил его в другой вагон и именно к здоровым солдатам, рассчитывая на их помощь, в случае если ему снова вздумалось прыгать. Действительно, он и хотел это сделать и сначала был очень возбужден. Из бессвязных речей его удалось понять, что он считает себя большим преступником и, повидимому, тем, что во время какого-то боя струхнул и куда-то ушел. Он считал, что из-за этого было потеряно все дело, и что он теперь должен умереть. Он стал прощаться с нами, попросил, чтобы я поцеловал его, затем поцеловал другого своего соседа. Я старался приласкать это и спрашивал про его семью, а он постепенно утихал и, будто отогранный, с успокоившейся наболтавшей душой, мирно заснул. После этого он спал всю дорогу, но я не рвался оставить его и в ночи сам заснул рядом, среди спящих тем и больших грязных сапог моих спутников. Это была премилая компания, всю дорогу окружавшая меня вниманием и любезностями. Они угостили меня очень вкусным супом, который сами сварили из выданных им порций и который я с большим аппетитом хлебал из одной чашки с одним из солдат. Затем, дали мне чаю и сухарей, причем один из них с милым вниманием посоветовал мне:

-- Может быть, ваше высокоблагородие, у вас зубов нет, так вы помочите сухари в чай, -- чем искренно насмелился меня.

В беседе с ними я забыл, что мы отступаем, что мы оставили Ляоянь, даже, что мы на войне, хотя мы все время о ней говорили. Один из солдат, видимо следящий за газетами, все время рассказывал о текущих делах и был полон энергии и готовности к наступлению. Он был убежден, что мы привлекаем японцев, чтобы лучше расколотить их. Он рассказывал, между прочим, и про то, будто один солдат уличен в продаже нашего скота японцам.

-- Жажда к наживе, -- лаконически вставил мрачный артиллерист, не принимавший участия в разговор, который казался ему, видимо, препустой болтовней. Мой собеседник продолжал свои повествования и рассказывал, как попался в плен японцу и держал себя очень храбро, но когда у него взяли лошадь, то он заплакал.

-- Хороший солдат, значить, -- опять пробасил молчаливый артиллерист.

Я согласился с ним, но так в беседе и не сумел вовлечь...

Мы приехали в Мукден в третьем часу утра, и мне вспомнился Берлин: такая же свежесть сырого воздуха, пропитанного запахом угольного дыма, какая встречается тебе, когда осенью рано утром приезжаешь на вокзал "Фридрихштрассе"...

Тяжелое впечатление произвела на меня на этот раз станция: давно ли, когда я был в последний раз в Мукдене, это была "резиденция", содержавшаяся в образцовом порядке, с строго определенными дорожками, по которым разрешалось ходить, и то непременно мимо

часового, который ночью безъ пропуска не позволялъ пройти, а теперъ на станці шумъ и гамъ, на самой платформѣ стоятъ какія-то повозки, ходятъ лошади, попирая все бывшее благоустройство... "Такъ -- представилось мнѣ -- безцеремонно попирають теперъ наши недруги и ихъ друзья нашу честь, нашу славу, которой еще такъ недавно должны были оказывать благоговѣйное и боязливое уваженіе". Я испытывалъ ощущеніе, будто эти колеса двуколокъ на станці всей тяжестью стали прямо на мою душу.

Мы шли съ д-ромъ А., который великолѣпно и самоотверженно, совершенно забывая себя, работалъ на всѣхъ эвакуируемыхъ станціяхъ, принося огромную помощь мнѣ и пользу больнымъ, и который сопровождалъ раненыхъ въ одномъ поѣздѣ со мной; за нами слѣдовалъ санитаръ съ тюками перевязочнаго матеріала. Сдавъ больныхъ и раненыхъ госпиталямъ, мы разыскивали палатки "Краснаго Креста", гдѣ намъ были приготовлены ночлегъ и закуска. Но намъ неправильно объяснили расположеніе ихъ, и мы долго тщетно бродили въ темнотѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Боясь потерять во мракѣ санитаря, А. время отъ времени окликалъ:

-- Санитаръ съ мѣшкомъ!

-- Здѣсь!

-- Санитаръ съ мѣшкомъ!

Наконецъ, я не могъ выдерживать больше этого мрачнаго напряженія и, расхохотался надъ этимъ методическимъ новымъ "санитаръ съ мѣшкомъ" и надъ вашимъ комическимъ плутаніемъ между "трехъ сосенъ". А. тоже расхохотался, но у меня то былъ не смѣхъ, а слезы. Онѣ переполнили мою душу и уже готовы были вырваться изъ глазъ, если бы я не удержалъ своего истерическаго смѣха. Какъ могли мы сдать Ляоянь, какъ могло это случиться, зачѣмъ это было нужно?! Я считалъ это невозможнымъ, и тяжело было это переживать...

Потерявъ надежду найти наши палатки и потерявъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ концовъ и санитаря, мы вернулись на станцію, чтобы немного закусить. Она была полна такого же несчастнаго, иззябшаго, удрученнаго, взволнованнаго народа, какими и мы съ А. явились. Къ намъ присоединился военный врачъ О., совершенно продрогшій и пришибленный, -- онъ, всегда пышавшій энергіей и бодростью физической и душевной. Тяжелая, мрачная ночь...

Было часовъ пять и совсѣмъ свѣтло, когда мы вышли съ А. со станціи и увидели наши палатки совсѣмъ рядомъ съ ней.

Затѣмъ потекли мирные мукденскіе дни, за которые душа совершенно расправилась, чтобы черезъ три недѣли быть раздавленной на смерть.

XX. -- Наступленіе на рѣкѣ Шахэ.

Мукденъ. 9-ое октября 1904 г.

Да, я усталъ, я невыразимо усталъ, но усталъ только душой. Она, кажется, вся изболѣла у меня. Капля по каплѣ, истекало сердце мое, и скоро у меня его не будетъ: я буду равнодушно проходить мимо искалѣченныхъ, израненныхъ, голодныхъ, иззябшихъ братьевъ моихъ, какъ мимо намозолившаго глаза гаоляна; буду считать привычнымъ и правильнымъ то, что еще вчера переворачивало всю душу мою. Чувствую, какъ она постепенно умираетъ во мнѣ. На-дняхъ я уже пережилъ дни какого-то полного безразличія ко всему, что совершается.-- Ахъ, бьютъ!-- ну, и пусть бьютъ! Бѣгутъ, -- пускай бѣгутъ! Страдаютъ, -- ну, и пусть страдаютъ! Позоръ пережить, страданія перенесены, -- не все ли теперъ безразлично?!..

Мы наступали...

29-го сентября, пока въ Тунснихе собирался транспортъ, который я взялся сопровождать на станцію Шахэ, масса раненыхъ уже успѣла уйти пѣшкомъ и пошла, куда глаза глядятъ. Такъ какъ они всѣ пришли изъ Мукдена, и съ той же стороны, изъ Санлинзы, шелъ намъ навстрѣчу 1-ый армейскій корпусъ, -- то, за исключеніемъ 30--40 человекъ, всѣ двинулись къ Гудядзы. Путеводитель, который былъ данъ намъ изъ дивизионнаго лазарета и который спорилъ со мной по вопросу о дорогѣ въ Шахи, утверждая, что онъ наканунѣ оттуда пріѣхалъ, завезъ транспортъ тоже на дорогу въ Гудядзы и внезапно скрылся. Пришлось продолжать длинный томительный путь,

хотя одна изъ сестеръ съ нѣсколькими ранеными и уѣхала впередъ правильной дорогой въ Шахэ; обѣ другія сестры, Тучкова и Черкасова, уступивъ свои мѣста въ двуколкѣ раненымъ, шли пѣшкомъ.

Убѣдившись, что мы неизбѣжно попадемъ на Фушунскую вѣтку, я поскакалъ впередъ, чтобы заказать въ нашемъ подвижномъ лазаретѣ обѣдъ на 200 человѣкъ и предупредить на станціи о раненыхъ. Большинство, какъ я потомъ убѣдился, разспрашивая въ вагонахъ, дѣйствительно и пообѣдали въ Красномъ Крестѣ, и остались очень довольны, но нѣкоторые все-таки, благодаря отсутствію провозатаго, несмотря на выставленнаго на дорогѣ санитаря и флаги съ краснымъ крестомъ, доплелись до Гудядзъ голодными. Вчера тамъ еще пункта питательнаго не было, такъ какъ земскій сталь совершенно въ сторонѣ въ ближайшей деревнѣ, но въ Гудядзахъ я встрѣтился съ кн. Долгоруковымъ, который обѣщалъ перенести пунктъ на самую станцію, гдѣ уже стоитъ готовый большой цинопочный сарай. Вчера, кого нужно было, покормили военные госпиталя.

Поручивъ сестрамъ Тучковой и Черкасовой со студентомъ Рѣдниковымъ сопровождать раненыхъ въ теплушечномъ поѣздѣ, я поѣхалъ дальше на дрезинѣ съ капитаномъ Полуэктовымъ, желая непременно все-таки добраться до Шахэ. Для этого отъ угольнаго развѣзда до Суетуня я прошелъ верстъ восемь пѣшкомъ, а здѣсь попалъ какъ разъ на паровозъ, повезшій отсюда двѣнадцать теплушекъ на станцію Шахэ.

Никогда не забуду я этого путешествія. Около моста, перекинутаго черезъ рѣку Шахэ, намъ представилась картина, напомнившая мнѣ Великій Четвергъ, когда народъ расходится послѣ чтенія Двѣнадцати Евангелій, со свѣчами въ рукахъ. Мы увидали въ глубокой темнотѣ толпу черныхъ людей; у многихъ изъ нихъ были огоньки (фонаря). Громкій крикъ радости раздался изъ этой толпы при приближеніи нашего поѣзда: это раненые, которые въ состояніи были ходить, добрались до моста (въ болѣе безопасное мѣсто) навстрѣчу желанному поѣзду и привѣтствовали его прибытіе. Но мы разочаровали ихъ, не подобравъ никого, такъ какъ мы знали, что въ Шахэ ожидаетъ насъ цѣлая тысяча и болѣе тяжелыхъ раненыхъ, находящихся еще въ опасности.

Къ 12 часамъ ночи назначено было очистить станцію: къ тому времени долженъ былъ пройти черезъ нее уже нашъ арріергардъ. Тамъ, дѣйствительно, мы нашли человѣкъ 800 раненыхъ и въ полной тьмѣ съ фонарями принялись усаживать ихъ. Набили одинъ поѣздъ, остальныхъ уложили въ другой, обошли съ фонарями всю станцію и площадку около платформы и, убѣдившись, что остались только здоровые, собрались ѣхать, такъ какъ было уже около часа ночи. Вдругъ приходитъ вѣсть, что къ станціи подходятъ и подѣзжаютъ еще 170 раненыхъ. Подполковникъ Гескетъ, распоряжающійся теперь (поѣздъ Спиридонова расформированъ) закрытіемъ оставляемыхъ станцій, хотя страшно опасался за поѣздъ, однако рѣшилъ дожидаться всѣхъ. Мы ушли благополучно, но у поста остановились, подобрали добравшихся туда раненыхъ и долго стояли, поджидая еще другихъ. Но ихъ было только нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, и во второй разъ схоронилъ я Шахэ...

1-го октября, отправивъ въ Мукденъ, по требованію генерала Трепова, нашъ Георгіевскій отрядъ, прекрасно начавшій работать въ Суятуни, въ качествѣ перевязочнаго пункта, мы съ уполномоченнымъ Григорьевымъ поѣхали вдоль нашихъ позицій съ праваго фланга къ центру, въ штабъ командующаго. По всей линіи шла отчаянная стрѣльба, почти исключительно наша и лишь относительно слабая со стороны непріятели. Стоялъ сплошной грохотъ, гуль и свистъ. Стрѣльба была такая частая, что свистъ одного снаряда сливался со свистомъ другого, и въ общемъ сочетаніи получался непрерывный гуль, на фонѣ котораго раздавались рѣзкіе удары нашихъ орудій. У меня просто голова разболѣлась, казалось, именно отъ этого ужаснаго шума, сотрясавшаго воздухъ въ такой мѣрѣ, что прутья срѣзаннаго гаоляна издавали свистъ и потревоженный лѣсъ недовольно ворчалъ всей своей листвою. Можетъ быть, однако, причиной головной боли или тяжести была и надвигавшаяся гроза. Тучи все гуще и плотнѣе заволакивали небо, пока оно не разразилось на насъ величественнымъ гнѣвомъ.

Это былъ Божій гнѣвъ, -- но гнѣвъ людской отъ этого не прекратился и, Господи! -- какая рѣзкая была между ними разница!..

Какъ ни похожъ грохотъ орудій на громъ грозы, онъ показался мелкимъ и ничтожнымъ передъ громовыми раскатами: одно казалось грубымъ, распущеннымъ человѣческимъ переругиваніемъ,

другое -- благороднымъ гнѣвомъ величайшей души. Какъ свободно и легко, будто совершенно самостоятельно вытекаетъ чудный голосъ изъ горла Баттистини, такъ изъ исполинской груди природы лился грозный рокоть оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. Какъ ясно представилось ничтожество только-что казавшейся безконечной линіи пушекъ -- передъ этими величественными раскатами, охватывавшими все небо... Злыми искрами разгоряченныхъ глазъ явились яркіе огни стрѣляющихъ орудій рядомъ съ ясной молніей, болью раздрающей Божественную душу.

-- Стойте, люди!-- казалось, говорилъ Божій гнѣвъ:-- очнитесь! Тому ли Я учу васъ, несчастные! Какъ дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные!

Но, оглушенные взаимной ненавистью, не слушали Его разъяренные люди и продолжали свое преступное, неумолимое взаимное уничтоженіе.

И небо заплакало... Полились съ него частыя, частыя крупныя слезы, въ одинъ мигъ затопившія землю, и многія изъ нихъ леденѣли отъ великаго ужаса передъ человѣческой озвѣрѣлостью, крупнымъ градомъ падая на наши разгоряченныя головы. Лошади не могли стоять подъ болѣзненными ударами льдинокъ, которыя больно били насъ по темени и лицу... Въ одно мгновеніе земля вся обратилась въ непролазную кашу, дороги полились бурными рѣками, а рѣки вздулись такъ, что въ нихъ тонули лошади и люди.

Мы не могли найти командующаго и поѣхали на его главную квартиру, только-что отѣхавшую верстъ на шесть назадъ (изъ Хуань-Шаня въ Санлинзы). По всему пути нашему плелись раненые, на ногахъ и на носилкахъ, не зная, куда идти, и съ трудомъ пробираясь между отступающими обозами и орудіями. Когда мы подъѣхали къ броду, котораго прежде даже не замѣчали, то нашли, вмѣсто него, широкій бурный потокъ; лошади должны были идти черезъ него вплавь, едва перетаскивая съ трудомъ удерживавшихся на нихъ всадниковъ. Было грязно, свѣжо и мокро. У брода начала собираться цѣлая группа людей, прикосновенныхъ къ главной квартирѣ, когда подъѣхалъ транспортъ раненыхъ. Что было дѣлать этимъ несчастнымъ и что съ ними было дѣлать?! Скажи, развѣ не можетъ охватить душу холодное отчаяніе при сознаніи беспомощности нашей сдѣлать что-нибудь для тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ мы пріѣхали?!

Мы поскакали искать проѣзда у верховьевъ ничтожной рѣчки, внезапно обратившейся въ бурный потокъ. Подъ сильнымъ дождемъ обогнули мы нѣсколько верстъ и дѣйствительно добрались до одной изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ одну ту, чрезъ которую раньше не могли перебраться. Первый истокъ мы переѣхали свободно; я уже хотѣлъ послать казака, чтобы онъ вель раненыхъ этой дорогой; но нужно было убѣдиться, что другіе истоки такъ же легкоходимы. Оно такъ и оказалось, я невольно вспомнилъ и о прутьяхъ, изъ которыхъ каждый такъ легко ломается, а связанные вмѣстѣ -- они являются неодолимыми. Какой наглядный примѣръ того, что въ единеніи -- сила, а люди все не хотятъ понимать этого и въ безумной гордынѣ своей думаютъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности все можетъ, а другіе ничего не стоятъ!

Мы пріѣхали въ Санлинзы уже въ совершенную темноту; за ранеными посылать было поздно, но на другой день я узналъ, что рѣка, къ счастью, скоро спала, и они въ тотъ же вечеръ переѣхали на другой берегъ.

Командующаго не было дома: эту ночь, чтобы быть ближе къ позиціямъ, онъ остался въ Хуань-Шанѣ.

XXI. -- Послѣ наступленія.

Чансаматунь. 27 октября 1904 г.

Кажется, я уже писалъ тебѣ, что едва я пріѣхалъ въ Харбинъ, какъ былъ отозванъ сюда замѣнять при главнокомандующемъ Александровскаго, который вскорѣ послѣ моего отѣзда былъ тоже вынужденъ выѣхать въ Харбинъ.

Послѣ Ляояна общее настроеніе было самое угнетенное; слухи объ отсутствіи у насъ снарядовъ окончательно отняли всякую надежду на успѣхъ, и многіе, казалось, готовы были безъ боя отходить въ Телину. Тяжелое это было время.

Помню объѣдню 29-го августа: на площади передъ поѣздомъ командующаго разбитъ шатеръ, и въ немъ устроена церковь; съ лѣвой стороны отъ молящихся тянется косою линіей рядъ сѣрыхъ кирпичныхъ домиковъ; передъ церковью стоятъ "покоемъ" солдаты въ сѣрыхъ грязныхъ, истрепанныхъ рубашкахъ съ сѣрыми исхудалыми, измученными и наголодавшимися лицами. Небо сѣрое и унылое. Только торжественная служба полная вѣры и молитвы, въ которой всегда есть надежда, -- вмѣсто картины отчаянія, придавала всему зрѣлищу видъ тихой, покорной грусти, -- такой же сѣрой, какъ все окружающее. Пришелъ командующій, котораго я увидѣлъ здѣсь въпервый разъ послѣ Ляояна. Онъ сильно похудѣлъ и страшно постарѣлъ, блѣдный и вдвое болѣе сѣдой, чѣмъ былъ... Но дни текли, солнце каждый день всходило и отогрѣвало слабыя человѣческія души, люди отдыхали и отъѣдались, ихъ обмундировывали и подбадривали, японцы не наступали, укоренилось убѣжденіе, что мы должны были отдать Ляоянь, -- и всѣ понемногу стали снова вѣрить и надѣяться.

Помню уже всеночную въ той же походной церкви-палаткѣ на той же площади: были сумерки, въ сѣрыхъ домикахъ засвѣтились огоньки, молящіеся представляли только общія пятна, подробности въ людяхъ не замѣчались, и было что-то оперное во всей картинѣ.

Помню, наконецъ, и молебень по случаю наступленія! Командующій -- снова бодрый, хотя и озабоченный, цвѣтъ лица его лучше; солдаты одѣты и сыты, выраженіе лицъ ихъ торжественное и рѣшительное, у всѣхъ чувство удовлетворенія; солнце озаряетъ все своимъ живительнымъ блескомъ и ярко горитъ на крестѣ, высоко поднятомъ въ рукахъ священника...

Вначалѣ наступленіе шло очень успѣшно, планъ Куропаткинымъ былъ задуманъ прекрасный, -- это всѣ признаютъ, но... Только взятіе Путиловской сопки вернуло намъ ключъ нашихъ позицій и временно закончило наше наступательное движеніе нѣкоторымъ успѣхомъ.

Дорого обошлось намъ это движеніе: 29.000 ранеными и около 10.000 убитыми! 10.000 могилъ! А сколько еще умерло потомъ отъ ранъ?!..

Умереть -- это еще самое легкое. Мнѣ кажется, что художники навязали міру совершенно невѣрное изображеніе смерти, въ видѣ страшнаго скелета. Мнѣ представляется смерть доброй, любящей женщиной въ бѣломъ, съ материнской нѣжностью и сверхъестественной силой поднимающей умирающаго на руки. Онъ чувствуетъ въ это время необычайную легкость, ему кажется, что онъ подымается на воздухъ и испытываетъ истинное блаженство... Такъ засыпаютъ маленькія дѣти на колѣняхъ нѣжной матери... Какое счастье это должно быть!..

Несомнѣнно, намъ очень вредитъ наша привычка и постоянная готовность отступать.

-- Ваше благородіе, а куда втекатъ будемъ?-- спросилъ солдатикъ, придя на позицію.

И это не трусость, а именно привычка.

-- Куда ѣдете? -- спрашиваемъ какъ-то встрѣчный обозъ (это было 2-го октября).

-- Отступа-аемъ, -- равнодушно отвѣчаетъ солдатъ, совершенно такъ же, какъ онъ бы сказалъ:-- вѣстимо, чай пьемъ.

Говорятъ, что и въ послѣднюю нашу кампанію (турецкую, конечно) бывали случаи бѣгства отдѣльныхъ полковъ и даже цѣлыхъ отрядовъ. Между тѣмъ, и сейчасъ стойкость нашихъ солдатъ превышаетъ теоретически допускаемую: выбываетъ 75 и 80%, а солдаты наши все бьются! Почему же они не тѣ, что были? Солдатъ очень двинулся за послѣднія двадцать-пять лѣтъ: онъ уже очень и очень разсуждаетъ; ему мало исполнять приказанія, ему нужно и понимать, для чего онъ долженъ дѣлать то или другое. Видимо, онъ задается даже вопросомъ, можно ли воевать вообще. Такъ, мнѣ пришлось услышать конецъ разговора, гдѣ одинъ солдатъ наставительно возражалъ другому или другимъ:

-- Никакого грѣха тутъ нѣтъ: такъ Богомъ положено, чтобы бывать войнамъ.

-- Когда мы дрались съ турками, мы проливали кровь за вѣру и за угнетаемыхъ единовѣрцевъ и братьевъ. А изъ-за чего деремся мы теперь?

-- Это господская война, -- говорятъ, будто, солдаты. Различные сектантскіе и политическіе агитаторы тоже посѣяли свое сѣмя. Наконецъ, и огромный процентъ запасныхъ въ войскахъ является большимъ зломъ. Все это люди, отставшіе отъ своего дѣла, часто уже пожилые и болѣзненные, окончательно осѣвшіе на землю или занимающіеся какимъ-нибудь промысломъ, привыкшіе къ покойной семейной жизни и постоянно, разумѣется, о ней мечтающіе. Какъ не

подумать, "куда втекать?". Немало, может быть, среди них и недовольных, и обиженных. Постоянные голодовки последних лет и объединение мужика не могли не отразиться и на силе, и на здоровье, и на выносливости солдата. Рядом с этим малая образованность делает его часто прямо вредным, -- например, в разведочном деле.

XXII. -- О пленных японцах.

Тавагауза. 12-ое ноября 1904 г.

Сегодня я заночевал в 20-ти верстах от главной квартиры в нашем 7-м подвижном лазарете, куда приехал верхом, посмотреть заболевшую сестру И. Я бы мог уехать сегодня же, но мне хочется еще посмотреть ее утром, чтобы решить вопрос, нужно ли ее увозить куда-нибудь, или можно, согласно ее настойчивому желанию, оставить ее в том лазарете, в котором она работает. Я выехал к ней в снежную метель; дорогой ветер стих, окрестность покрылась снегом, и воздух приобрел ту необычайную чистоту, которую вдыхаешь всегда с таким наслаждением после того, как небесная пыль прибьет к земле все скверные испарения человечества, слишком дерзко взвизывающие в высь. Я любовался закатом: сопки, с севера окаймляющие горизонт, снегом не покрылись и чудно выдвигались на белом фоне персиковым отливом в косых лучах усталого светила...

Тавагауза -- тихая деревня на Фушунской ветке железной дороги, и мне представляется, будто я приехал в гости к соседу-помещику...

Мы все стоим с японцами лоб в лоб на расстоянии нескольких сот шагов, будто играем в игру, когда два человека упорно смотрят друг другу в глаза, ожидая, кто первый отвернется; обе стороны укрѣпляются, -- японцы, конечно, усиленнее нас, -- и кто первый двинется, должен будет уложить несколько десятков тысяч жизней. На днях японцы попробовали сблать набег на Путиловскую сопку, убили у нас четырех, ранили четырнадцать, а своих уложили больше ста человек.

Кажется, "les vis-à-vis" скоро станут "des amis". По крайней мере, уже теперь, говорят, есть между обеими сторожевыми линиями колодезь, из которого черпаем воду и мы, и японцы. Если обе стороны встречаются у колодезя вооруженными, то стрѣляют; если же нет, то мирно делятся водой.

Я сам чувствую, как переменялся к японцам. Ехал я с самыми кровавыми чувствами. Первые раненые японцы мне были неприятны, и я должен был заставлять себя подходить к ним так же, как к нашим. Когда я видел одного японца с отнятой рукой в Восточном отряде после нашего отступления от Холангоу, мне казалось, что его большие черные глаза с надменным торжеством и злорадством осматривают окружающую его массу наших страдальцев, и самодовольная душа его радуется нашему позору и несчастью. Когда В. И. Немировичь-Данченко однажды спросил присутствующих: -- "А кто из вас чувствует неприязнь к японцам?" -- я первый заявил, что я. Я объяснял это тем, что каждый наш солдат мне слишком близок, слишком родной, чтобы не чувствовать неприязни к тем, которые ему причиняют боль. Так, если бы какой-нибудь другой мальчик, даже мне симпатичный, обидел моего сына, например, то даже раньше, чем я бы знал, кто из них виноват, он был бы мне неприятен.

С тех пор я много перевидал раненых японцев, видел раз и не-раненого. Мы ужинали на большом балконе дома наместника в Мукдене, когда на огонек пришел казак с вопросом, куда отвести ему пленного японца. Привели пленного. Это был небольшого роста, но плотно и хорошо сложенный юноша лет 16-ти, с едва пробивающимися усиками. Он держал в руке свое кепи, его непокрытая голова была немного опущена, и он исподлобья смотрел на нас с великим страхом. Сердце его часто билось, и весь он напоминал птенчика, выпавшего из гнезда и попавшего в большой человеческий кулак. Мне было жаль беднягу.

В Крестовоздвиженском госпитале видел я студента токийского университета, пошедшего на войну добровольцем; мы сблали с ним shake-hands, и он по-английски заявил мне про

главнаго врача госпиталя, д-ра Бутца, что онъ очень къ нему добръ. Другого я погладилъ по головѣ и нашель, что у него очень мягкіе волосы и разсказаль объ этомъ Р.

-- Какъ! -- воскликнулъ онъ: -- ты гладилъ голову японца?! Теперь я всегда буду здороваться съ тобой на лѣвую руку.

Теперь у меня совсѣмъ нѣтъ дурного чувства къ нимъ, и мнѣ жаль ихъ такъ же, какъ и нашихъ.

Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ въ Гудзядзахъ лежитъ раненый японецъ, страдающій вмѣстѣ съ тѣмъ "бери-бери". Когда онъ слышитъ это слово, онъ откликается, какъ на собственное имя, и, ослабившись, киваетъ головой.

-- Итай, итай, -- повторяетъ онъ во время перевязки, что значитъ:-- больно, больно.

Да, больно, очень больно! Пора кончать это взаимное истребленіе... Пора кончать и письмо; кругомъ меня всѣ спятъ, и ноги начинаютъ застывать.

Мукденъ. 19-го ноября 1904 г.

Сегодня цѣлый день стрѣляли, и вообще, повидимому, намъ на-дняхъ придется принять бой -- и раньше, пожалуй, чѣмъ мы ожидаемъ.

XXIII.-- Возвращеніе изъ отпуска, вызваннаго тяжелой болѣзнью сына.

Челябинскъ. 20-ое февраля 1905 г.

...Въ нашемъ поѣздѣ всего четверо военныхъ: два офицера, одинъ прапорщикъ запаса и одинъ генераль, и какъ они всѣ, бѣдные, унылы и угнетены! Какая страшная разница съ настроеніемъ генерала и офицеровъ, ѣхавшихъ со мною годъ назадъ! Тогда -- бодрость и энергія, теперь -- какая то отчаянная безнадежность!

Генераль все свободное отъ ѣды время спитъ и любитъ повторять, что это очень полезно -- урвать всякую минуту для сна, если она свободна. Когда я ему представился и спросилъ, куда онъ ѣдетъ, онъ заявилъ, что въ Мукденъ, и, несмотря на свой добродушный видъ, съ какимъ-то раздраженіемъ отчаянія прибавилъ:

-- Попадусь къ вамъ подъ ланцетъ, попадусь!-- какъ будто я подвелъ подъ него какія-то мины, и онъ, попавшись, имѣетъ только удовольствіе меня въ нихъ обличить.

Прапорщикъ запаса -- совершенно несчастный человѣкъ: служилъ, поддерживалъ старуху-мать и, кромѣ глубочайшаго отвращенія къ войнѣ, имѣетъ не менѣе глубокое убѣжденіе, что будетъ въ первомъ же бою убитъ. Онъ очень хорошо играетъ на роялѣ, но до того разстроены, что, поигравъ, выбѣгаетъ изъ вагона-ресторана, будучи не въ силахъ владѣть собой.

На какой-то станціи покупаю я открытки; ко мнѣ подходитъ офицеръ, едущій съ эшелономъ, нѣсколько навеселѣ, и спрашиваетъ:

-- На войну, докторъ, идете, или съ войны?

-- Я туда ѣду.

-- За нами, значитъ, -- мрачно протянулъ онъ, и я почувствовалъ въ его тонѣ тотъ же оттѣнокъ раздраженія и отчаянія, что и въ "ланцетѣ" генерала.

По счастью, солдаты идутъ совершенно въ другомъ настроеніи -- молодцами, бодрые, всѣмъ довольные, объ одномъ только просятъ: "нельзя ли газетъ?" -- и расхватываютъ ихъ съ голодной жадностью и искренней благодарностью. Святые, вѣрующіе люди! Какъ же намъ-то не вѣрить?!

Чита. 1-ое марта 1905 г.

Сейчасъ прочелъ всѣ послѣднія телеграммы о паденіи Мукдена и объ ужасномъ отступленіи нашемъ къ Телину. Не могу передать тебѣ своихъ ощущеній... Просто стонъ, громкій стонъ вырвался у меня изъ груди, и отчаяніе охватываетъ меня. Нѣтъ, рѣшительно чего-то намъ не

хватаетъ, чего-то у насъ недостааетъ: у японцевъ, оказывается, и планы лучше, и силы больше, и стойкость -- тоже. Отчаяніе и безнадежность охватываютъ душу... что-то будетъ теперь у насъ въ Россіи... Бѣдная, бѣдная родина!!

Харбинь. 8-ое марта.

Какъ не хочется, но трудно описать то, что я здѣсь засталъ, пріѣхавъ послѣ мукденскаго боя! Напишу тебѣ объ этомъ когда-нибудь потомъ, когда пройдетъ острая боль, всѣми этими событіями причиняемая. Видно, велики силы Россіи, что ей посылаются такія испытанія.

Не хочется писать всего, что слышишь, потому что все равно -- съ чужихъ словъ, и слишкомъ тяжело на этомъ останавливаться...

Гунчжулинъ. 16-ое марта.

Куропаткинъ снова командуетъ своей 1-ой арміей, ставъ въ подчиненіе тѣмъ, надъ кѣмъ прежде начальствовалъ.

Рѣдко можетъ рѣзче обрисоваться все ничтожество земныхъ благъ: данныя людьми, они такъ же условны и недолговѣчны, какъ и сами люди. А какъ увлекаются ими многіе, постоянно забывая эту аксіому, и какъ часто, добравшись, напимѣрь, до власти, начинаютъ мнить себя и безсмертными, и непогрѣшимыми! Другого безсмертія имъ не нужно, законы Бога они уже давно отклонили, какъ неудобные и несвоевременные, все благополучіе свое они строятъ на людяхъ, и какимъ прочнымъ кажется имъ ихъ зданіе, а вдругъ... Сегодня -- ты, а завтра -- я! Разумѣется, все это разсужденіе -- характера чисто академическаго.

XXIV.-- Послѣ Мукдена.

19 Марта 1905 г., Фандзятунъ (прогъдомъ).

Тяжелое наслѣдство досталось Линевичу. Отъ всѣхъ армій, какъ ходятъ слухи, осталось всего 180.000. Подсчетъ, конечно, еще очень приблизительный, такъ какъ до сихъ поръ еще понемногу отыскиваются все-какія части. Потери, -- тоже приблизительно, конечно, -- высчитываютъ до 107.000! Раненыхъ и больныхъ считаютъ до 65.000, убитыхъ -- тысячъ 20, остальные же оставлены или взяты въ плѣнъ. Цѣлаго полка (5-го сибирскаго) нѣтъ! Одной батарее не досчитываются вмѣстѣ со всѣми людьми, хотя всего орудій оставлено относительно немного -- тридцать-одно. Японскія потери считаются тысячъ въ 120. Одинъ плѣнный японскій полковникъ говорилъ, что уже числа 24-го они считали свои потери за 100.000, такъ что ихъ официальная цифра въ 50.000 или прямо фиктивна, или, какъ нѣкоторые объясняютъ, подразумѣваетъ только безвозвратно выбывшихъ изъ строя, т.-е. убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Ты представляешь себѣ, что это за погромъ, что за побоище! Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли времени тысячъ сто убитыхъ и изувѣченныхъ съ обѣихъ сторонъ; ты видишь эти сто тысячъ семей безъ кормильцевъ и лучшихъ надеждъ, эти сотни тысячъ сиротъ!.. И тѣмъ не менѣе войну нельзя не продолжать, ее *необходимо* продолжать!

Четырнадцать, а въ иныхъ мѣстахъ девятнадцать сутокъ дрались наши, какъ львы, отбивая одну атаку за другой. Не успѣвая ѣсть и спать, они переутомились до такой степени, что нѣкоторые засыпали съ ружьемъ въ рукѣ на позиціи. Подъ страшнымъ огнемъ лежали наши въ траншеяхъ и вслухъ читали "Вѣстникъ Манчжурской Арміи"! Забирали плѣнныхъ, отнимали орудія, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Знали объ обходѣ нашего праваго фланга, но считали его слабымъ и готовились разбить обходную колонну. Ту же участь готовили и колоннѣ, обходившей нашъ лѣвый флангъ. Но вдругъ обнаружилось, что силы, обходящія насъ, громадны, что онѣ собираются замкнуть кольцо и устроить намъ Седанъ. Былъ данъ приказъ къ отступленію... Онъ засталъ враговъ, сомкнувшихъ грудь съ грудью; наши солдаты не хотѣли слушаться, начальники думали, что съ ними шутятъ. Но это была правда, грустная, ужасная правда и всѣ наши три арміи должны

были вылиться из мѣшка, въ который попали, черезъ единственный проходъ еще не совсѣмъ закрывшагося кольца. Произошло то, что происходитъ въ любомъ театрѣ, когда вся собравшаяся толпа, вслѣдствіе дѣйствительной или ложной тревоги, должна выйти изъ зданія черезъ его узкіе проходы. Произошла давка, паника; люди, находившіеся въ крайнемъ нервномъ напряженіи, совершенно обезумѣли: забыли родство, чины, душу, Бога, и только спасали свой животъ. Реакція соотвѣтствовала героизму предшествовавшихъ дней...

Чѣмъ объяснить эти явленія, какъ не патологическимъ состояніемъ, когда рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что отъ цѣлыхъ полковъ оставалось по 100 и меньше человѣкъ, когда намъ говорятъ, что въ 24-мъ сибирскомъ стрѣлковомъ полку, состоявшемъ изъ 2.500 человѣкъ, за время кампаніи выбыло 2.400, что изъ всѣхъ офицеровъ, начавшихъ войну, въ немъ не осталось ни *одного*, кромѣ командира, дважды тяжело контуженнаго (полковникъ Лечицкій)!..

Разумѣется, не эти и имъ подобные люди причинили панику; они только, до послѣдней крайности измотанные душой, могли поддаться ей, не въ силахъ ей противостоятъ. Паника, какъ всегда, началась въ безчисленныхъ обозахъ, столпившихся на одной дорогѣ въ тридцать рядовъ и попавшихъ подъ перекрестный огонь непріятеля. Обозные люди -- не строевые и къ огню непривычные...

Снова, какъ всегда, поднимается вопросъ, нужно ли было отступать, или надо было продолжать бой до конца? Кто знаетъ, -- что было бы лучше? Одни говорятъ, что мы могли отлично и долго отбиваться, даже совершенно окруженные; другіе -- что мы и потомъ могли всегда пробиться; но большинство, сколько мнѣ замѣтно, все-таки считаетъ, что было бы совсѣмъ скверно, если бы мы не ушли, что отступать было необходимо, что слѣдовало даже отступить раньше.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ обхода, насъ погубило еще и то, что въ центрѣ наша, если не ошибаюсь, вторая армія была прорвана непріятелемъ. Страшная песчаная метель, бившая нашимъ въ лицо и закрывавшая все непроницаемой мглой до такой степени, что сосѣда своего нельзя было различить, помогла японскому батальону прорвать наши силы. Противъ него было послано четыре батальона, но кто-то ихъ, говорятъ, по дорогѣ перехватилъ.

Конечно, какъ всегда, наши самыя большія потери были при отступленіи. Жестоко треплются нервы съ этого самага мукденскаго боя. Когда я пріѣхалъ 5-го марта въ Харбинъ, то онъ былъ въ томъ нервномъ состояніи, въ которое и могъ придти именно тылъ, прожившій цѣлый годъ въ районѣ дѣйствующихъ армій при совершенно мирной обстановкѣ и вдругъ почувствовавшей, что онъ уже перестаетъ быть тыломъ. Всѣ стремились вонъ изъ Харбина, не чувствуя себя болѣе въ безопасности: старшій врачъ Л -- скаго госпиталя Краснаго Креста просилъ отпустить его со всѣмъ инвентаремъ и ранеными, такъ какъ не считалъ возможнымъ за нихъ отвѣчать.

-- Развѣ хорошо будетъ, если командиръ корпуса попадетъ у меня въ плѣнъ?!-- старался онъ запугать насъ.

Другіе госпитали просились въ самый глубокой тылъ. Собирались совѣщанія о томъ, какъ бы возможно скорѣе освободить Харбинъ отъ застрявшихъ въ немъ 22-хъ тысячъ раненыхъ и больныхъ. Со станцій, расположенныхъ къ востоку отъ Харбина, пріѣзжали врачи съ просьбой свернуть ихъ лазареты и разрѣшить имъ уйти, такъ какъ они находятся въ явной опасности и, вынужденные, въ случаѣ бѣды, эвакуироваться черезъ Харбинъ, не въ состояніи будутъ спасти свои лазареты. Генераль Хрещатицкій пришелъ на сборный пунктъ Креста около харбинскаго вокзала и подбодрилъ врачей слѣдующей краткой, но выразительной рѣчью:

-- Что вы здѣсь дѣлаете? Свертывайтесь поскорѣе и уходите!

Главнокомандующій приказалъ всѣмъ госпиталямъ Краснаго Креста, расположеннымъ къ югу отъ Харбина, перейти въ тылъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ распоряженіе это было исполнено, такъ какъ нужно было увеличить количество больничныхъ мѣстъ въ сѣверо-западномъ и отчасти въ сѣверо-восточномъ районахъ, съ которыми мы и подѣлились. Евангелисты и проф. Мантейфель выбрали себѣ прекрасное мѣстечко на Хинганѣ, станцію Джаллантунь, куда и перенесли свои госпитали, оставивъ въ Гунчжулинѣ только походное и безусловно необходимое для продолженія госпитальной работы оборудованіе; нѣкоторымъ и Харбинскимъ госпиталямъ были найдены мѣста въ сѣверо-западномъ районѣ, куда съ этой цѣлью была командирована цѣлая коммиссія.

Однако, оставлять югъ безъ нашихъ госпиталей намъ казалось немислимымъ, особенно въ виду возможности боя, и на засѣданіи подѣ предсѣдательствомъ генерала Трепова мы просили его ходатайствовать передъ главнокомандующимъ, чтобы онъ разрѣшилъ Кресту оставить на мѣстахъ госпитали отъ Харбина до Куаньчендая включительно. Э. Э. Треповъ, самъ этому сочувствовавшій, выхлопоталъ намъ это, а также удовлетвореніе другой просьбы -- оставить три госпиталя въ Гунчжулинѣ и открыть одинъ въ Годзяданѣ.

Тѣмъ временемъ эластическій русскій духъ нашъ, которому такъ дивятся иностранцы, сталъ, какъ Ванька-встанька, снова подыматься. Впечатлѣніе Мукдена стало отходить въ привычное прошлое; стали подходить тысячи людей, считавшихся пропавшими безъ вѣсти; все болѣе и болѣе выяснялось, что японцы не хотятъ или не могутъ на насъ наступать. Раненые усиленно эвакуировались, Харбинъ постепенно пустѣлъ, врачи перестали говорить объ отвѣтственности за безопасность своихъ больныхъ, а тѣ, которымъ, согласно ихъ же желанію и намѣченной на этомъ основаніи программѣ, было предложено переѣхать въ глубокой или близкой тылъ, вдругъ рѣшительно запротестовали.

Не считая подвижныхъ госпиталей и лазаретовъ, раскинутыхъ у насъ по всѣмъ тремъ арміямъ, намъ удалось по желѣзной дорогѣ продвинуться и южнѣе Годанданя, даже до самой крайней, бывшей въ нашемъ распоряженіи, станціи, т.-е. до Сыпингая (Богородицкій госпиталь), ибо японцы сидѣли смирно, а мы ждали все прибывавшихъ войскъ.

Настроеніе настолько измѣнилось, что при одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ посѣщеній нашихъ госпиталей въ Гунчжулинѣ главнокомандующій, замѣтивъ, что въ одномъ изъ нихъ нѣкоторая недостача кроватей, и узнавъ, что онѣ отосланы въ тылъ, сказалъ:

-- Зачѣмъ же?! Верните ихъ, непременно, сейчасъ же верните!

XXV. -- Въ Гунчжулинѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда я пріѣхалъ въ Гунчжулинъ, тотъ самый Гунчжулинъ, который еще такъ недавно -- осенью -- своими идиллическими картинами съ пасущимися гусями и маленькими дѣвочками, которыя, въ видѣ женщинокъ, съ платкомъ на плечахъ, бѣгали въ лавочку, при чисто деревенской тишинѣ, -- производилъ впечатлѣніе такого тыла, что не только забывался громъ орудій, но получалось впечатлѣніе, что ни одинъ воинственный звукъ никогда не нарушитъ здѣсь людского благополучія, -- этотъ самый Гунчжулинъ уже оказался совершенно зараженнымъ боевой эпидеміей и старался заgrimироваться Ляояномъ. Конечно, ему это трудно удавалось, такъ какъ новый главнокомандующій предпочелъ ему маленькую, никому неизвѣстную станцію, брошенную въ необитаемой пустынь, подѣ пригоркомъ, и называемой Годзяданемъ, или, какъ всѣ нѣмцы перекрестили ее: "Gott sei Dank". Но всѣ штабы и канцеляріи, расположенные нѣкогда въ Ляоянѣ, ютились теперь въ Гунчжулинѣ. Впослѣдствіи Гунчжулинъ образовался въ совсѣмъ милый городокъ.

Главную прелесть его составляетъ только-что отстроенная великолѣпная желѣзнодорожная больница, въ отдѣльныхъ зданіяхъ которой и размѣстились ваши госпиталя: Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Евангелической, теперь еще Голубевскій имени Принцессы Е. М. Ольденбургской. Къ моему пріѣзду въ этихъ же зданіяхъ, покинутыхъ финляндскимъ лазаретомъ, отчасти и двумя первыми, уже расположились и канцелярія, и общежитія наши.

Началось это тяжелое томленіе между жизнью и смертью, между миромъ и войной. Назначались дни боевъ, шли усиленные приготовления, и рядомъ съ этимъ уже печатались извѣстія о подготовительныхъ работахъ къ мирнымъ переговорамъ. Впрочемъ, объ этомъ стали писать только послѣ цусимскаго боя.

XXVI. -- Цусимскій бой.

О, этотъ бой, эта несчастная эскадра!

Было время, что о ней всѣ забыли и перестали ею совсѣмъ интересоваться. Идетъ ли она впередъ или назадъ, -- не все ли это было равно: отъ нея никто ничего не ждалъ. Но, вотъ, появилась она въ

японских водах и заставила о себѣ заговорить. Вдруг сразу все забылось: и слабосильность ея, и малочисленность, и вся безнадежность ея предприятия. Неожиданный успѣхъ первой ея задачи -- *прийти* -- вскружилъ головы и вызвалъ у насъ ничѣмъ въ сущности необоснованныя надежды, а у японцевъ -- страхъ. О, отчего мы тогда не заключили мира?!

...Послѣ обычныхъ ложныхъ слуховъ пришла вѣсть о состоявшейся боѣ, вѣсть, подтверждавшаяся и морскимъ штабомъ главнокомандующаго. Но моряки умѣли держать секретъ, никакихъ подробностей не передавали и намекали только на то, что потери наши оказались меньше, чѣмъ можно было ожидать.

Эскадра наша ожидалась во Владивостокѣ. Городъ украсился, приготовлена музыка, населеніе ликуетъ, Красный Крестъ пріѣхалъ встрѣчать раненыхъ. Наконецъ, приходитъ "Алмазъ"! Грянула музыка, летятъ цвѣты, раздается "Jubelgeschrei"...

Вдругъ -- тсс... на "Алмазъ" -- покойникъ... А гдѣ же другіе? Тихо, струйками начинается пробиваться шопотомъ зловѣщій слухъ... Но нѣтъ, вонь множество дымокъ, эскадра идетъ, вотъ она уже видна... но... японская! Зловѣщій слухъ, ужасный слухъ подтвердился. Рядъ дней и рядъ ночей приносили съ собой все новыя и новыя подробности, надъ которыми наши моряки не разгибали своихъ спинъ, дешифрируя слово за словомъ, букву за буквой, леденящія и разрывающія душу телеграммы, и заливая ихъ горячими слезами по роднымъ товарищамъ, по своему флоту, по тяжело раненой родинѣ... Я не былъ во Владивостокѣ и не дешифрировалъ телеграммъ, но знаю все, что пишу, по рассказамъ очевидцевъ, и, даже сидя въ Гунчжулинѣ, былъ совершенно убитъ. У меня спрашиваютъ попрежнему о томъ и о другомъ, я отдаю распоряженія, но съ такимъ чувствомъ, будто я хлопчу для покойника, которому больше ровно ничего не нужно... Надо одѣть его въ мундиръ? Ахъ, да! надо его одѣть, но не все ли равно -- во что, -- мундиръ, армякъ, сюртукъ, халатъ, -- не все ли это равно?! Его ужъ нѣтъ...

XXVII. -- Передъ миромъ.

Каталинза. 18-го августа 1905 г.

Мы пили дневной чай въ большомъ шатрѣ-столовой, въ пріятной тишинѣ счастливой домашней обстановки, когда къ самой палаткѣ нашей подъѣхалъ верхомъ К. и, не слѣзая съ коня, крикнулъ намъ голосомъ, въ которомъ слышалось, что все пропало и спасенія нѣтъ:

-- Миръ, миръ!

Совершенно убитый, войдя въ палатку, онъ бросилъ свою фуражку на землю.

-- Миръ!-- повторилъ онъ, опускаясь на скамейку.-- Сейчасъ я читалъ телеграмму начальнику штаба корпуса: японцы согласились на всѣ наши условія.

Всѣ приняли извѣстіе это молча, какъ будто оно касалось буровъ, но не насъ. Ясно было, что въ нашемъ обществѣ не нашлось полнаго единомышленника К., но настроеніе его было слишкомъ опредѣленное, чтобы кто-нибудь рѣшился выдать свое. Чувство удовлетворенія меня, однако, охватило настолько, что я сказалъ хозяйкѣ:

-- Слышите, японцы согласились на всѣ наши условія.

К. сдѣлалъ жестъ досады.

-- Ты слишкомъ гуманенъ, слишкомъ любишь и жалѣешь насъ, потому ты и радуешься, -- сказала онъ мнѣ.

-- Да, я очень жалѣю каждого изъ васъ, -- отвѣтилъ я. Но вѣстникъ мира не могъ больше держаться: схвативъ чужую фуражку, онъ убѣжалъ и разрыдался, какъ ребенокъ. Его реакція на миръ вполне соответствовала его постояннымъ о немъ сужденіямъ, и, слушая его, я даже въ самыя малодушныя минуты мѣнял свое мнѣніе и говорилъ себѣ: да, мы должны продолжать войну.

Этотъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждается здѣсь горячо съ самаго мукденскаго боя, становясь все острѣе и больнѣе, и за послѣдніе три мѣсяца измоталъ, казалось, и тѣ немногія душевныя силы, какія у кого изъ насъ остались.

Тяжелое это было время, если оно дѣйствительно кончилось, -- тягучее и болѣе даже, можетъ быть, мучительное въ душевномъ смыслѣ, чѣмъ періоды боевъ. Мучились и тѣ, кто были за войну,

и тѣ, кто были за миръ, мучились неизвѣстностью, неопредѣленностью и страхомъ за то, что вопросъ разрѣшится не такъ, какъ они считали это необходимымъ, -- кто въ интересахъ родины, кто -- чисто въ личныхъ.

Большинство, однако, изъ настроенныхъ воинственно, считаютъ, что мы сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и такъ увѣрены въ побѣдѣ, что не могутъ примириться съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій именно теперь.

Но, спрашиваемъ мы ихъ, какая гарантія, что мы дѣйствительно сильнѣе японцевъ или не надѣлаемъ въ предполагаемомъ бою тѣхъ же ошибокъ, которыя оказались для насъ столь гибельными? Гарантіи, однако, никто не даетъ; они вѣрятъ, они чувствуютъ, -- и я самъ вѣрю и чувствую, -- но развѣ не вѣрили мы и не чувствовали того же самага и передъ Ляояномъ, и передъ Мукденомъ?! Развѣ не желали страстно иные, чтобы японцы пошли на Ляоянь?! Мы получили, правда, массу новыхъ войскъ, которыя шли и идутъ теперь изъ Россіи непрерывной волной; правда, это идутъ уже не полубольные пожилые бородачи, а идетъ все молодежь, добровольцы, по жребію, -- даже не запасные, а состоящіе на дѣйствительной службѣ, -- но не попадаютъ ли именно они въ особенно большомъ количествѣ въ лазареты и госпиталы, откуда такъ неохотно выписываются? Не говорятъ ли, что среди этой добровольной молодежи не мало элементовъ, пришедшихъ съ опредѣленной цѣлью растлѣвать армію и возстановлять ее противъ продолженія войны? Кто можетъ утверждать, что война стала хоть сколько-нибудь въ войскахъ популярнѣе? Во время переговоровъ въ Портсмутѣ газеты и телеграммы раскупались солдатами съ особой любознательностью; газета называлась хорошей, если она давала шансы на миръ, и нехорошей, если болѣе похоже было на возможность разрыва. Быть можетъ, въ сравненіи съ общей массой войскъ это было настроеніе меньшинства, но объ этомъ слышно было съ разныхъ сторонъ, а рассказовъ противоположнаго направленія не было вовсе. Намъ говорятъ, что войска хотятъ драться, -- а развѣ не доходятъ до насъ сѣтованія, что бои хотятъ дать только для того, чтобы какимъ-нибудь лишнимъ миллиардомъ рублей меньше заплатить?

-- Что же, жизни-то ваши не стоятъ развѣ этого миллиарда?! логично задаютъ вопросъ иные.

Ты, разумѣется, не заподозришь меня въ сочувствіи всѣмъ малодушнымъ рѣчамъ истомленныхъ душой и тѣломъ людей, -- однако, при обсужденіи вопроса, желательно или нежелательно продолженіе войны, нельзя эти печальныя явленія не принимать въ соображеніе.

Но допустимъ даже, что мы дали бой и одержали блестящую побѣду, -- будемъ ли мы дальше добивать врага, до полного уничтоженія его арміи, какъ онъ уничтожилъ флотъ нашъ, или мы закончимъ на этомъ споръ, чтобы только послѣднее слово было за нами? Я не говорю, конечно, что Россіи нуженъ миръ во что бы то ни стало, что она должна принять условія, которыя вздумала бы ей предписывать Японія. Избави Богъ! Если бы она не уступила нашимъ требованіямъ, то пусть знала бы вся Россія, что непріятель добивается униженія нашей родины, и тогда, надо надѣяться, она подняла бы брошенную ей перчатку и вся приняла бы участіе въ самой отчаянной, остервенѣлой борьбѣ за свою честь. Если же Японія, въ страхѣ передъ новымъ боемъ и нашей силой, пошла на все, чего мы желали, -- почему каждому гражданину земли русской не радоваться?

Но К. думаетъ иначе. Онъ задается вопросомъ, какъ мы безъ побѣды вернемся домой, и уже представляеть себѣ, что всякій прохожій будетъ считать себя въ правѣ оскорблять насъ, корить и чуть ли не смѣяться надъ нами.

Я понимаю чувство, которое въ немъ говорить, и самъ все время повторялъ, что *чувство* требуетъ продолженія войны, тогда какъ *разумъ* желаетъ ея прекращенія. Я понимаю и уважаю чувство неудовлетворенія, которое можетъ и должно быть въ душѣ каждаго нашего офицера и солдата, вынужденнаго положить оружіе, ни разу не ощутивъ подъ его ударами сломленной силы непріятеля. Понимаю, что и блестящій миръ, который можетъ радовать его, какъ гражданина, долженъ огорчать его, какъ воина, еще не использовавшаго всю свою силу и сознающаго всю горечь пережитой войны, ничѣмъ не нейтрализованную и не сдобренную. Каюсь, мнѣ было бы симпатичнѣе, чтобы первая реакція въ душѣ нашего солдата на извѣстіе о заключеніи мира была не крикъ "ура" или крестное знаменіе съ облегченнымъ вздохомъ: "Слава Богу!" (какъ это я пока повсюду наблюдаю), -- даже безъ всякихъ справокъ объ условіяхъ, а по крайней мѣрѣ хоть

нѣкоторое состояніе досады и краткаго обалдѣнія, какъ у промахнушагося охотника, которому собака все-таки приноситъ дичь, но подстрѣленную сосѣдомъ. Пусть послѣ этой первой минуты непосредственной реакціи онъ быстро образумится, вспомнить, что теперь можетъ успокоиться его многострадальная неповинная родина, что жена и дѣти его снова получаютъ своего кормильца, а онъ увидитъ и обниметъ ихъ, ихъ которыхъ считалъ уже навѣки у него отнятыми, -- и порадуетъ; но это первое инстинктивное ощущеніе укола отъ словъ: "миръ заключень", означающихъ для него: "брось, ты все равно больше не можешь", -- о! я бы его уважалъ и оцѣнилъ, хотя и сознаю, что его отнюдь нельзя требовать. Думаю даже, что отсутствіе такой реакціи служить доказательствомъ того, что пора кончать. Въ глубинѣ души я всецѣло присоединяюсь къ заключительнымъ словамъ славнаго санитаря Бараева, который дорогой между Маймакаемъ и Бамьянченомъ спрашивалъ меня объ условіяхъ преждевременно возвѣщеннаго мира и котораго я спросилъ, доволенъ ли онъ: "Все-таки для Россіи позорець небольшой есть".

Я сомнѣвался, чтобы въ какой-нибудь русской душѣ не было хоть отбѣнка этого чувства. Недаромъ простыя наши бабы, которыя вообще, на мой взглядъ, послѣ искалѣченныхъ войной (убитыхъ не считаю, ибо, какъ всегда, склонень думать, что они -- наиболѣе счастливые), являются болѣе всего пострадавшимъ элементомъ въ нашемъ отечествѣ, говорили послѣ цусимскаго боя, что "развѣ можно съ имъ мириться, когда онъ нашъ флотъ уничтожилъ". Они больше теряли родныхъ въ бояхъ сухопутныхъ, но только морскимъ побоищемъ задѣлъ японецъ ихъ національное чувство. Оно, разумѣется, задѣто у каждаго, и только дѣйствительно тяжелое переутомленіе и перенапряженіе помогаютъ быть благоразумными, желать конца и утѣшаться блестящимъ успѣхомъ мирныхъ переговоровъ, благодаря которымъ истощенная Японія, повидимому, больше проиграла отъ своей побѣдоносной войны, чѣмъ выиграла.

Но кто помогъ этому успѣху? Рузвельтъ? Европа? Я не сомнѣваюсь, что этотъ "gentleman" и эта старая "lady" были хорошими помощниками при рожденіи непропорціональнаго ребенка, оказавшагося мальчикомъ и нареченнаго "Миромъ". Несомнѣнно, эти добрые спеціалисты имѣли тоже, вопреки наукѣ и обычаю, огромное вліяніе на полъ новорожденнаго, но силы, на которыя и они рассчитывали, силы, на которыя опирался и Витте, -- все-таки не аша славная, доблестная армія, явившая чудеса стойкости и самоотверженія, показавшая и непріятелю, и всему міру, *на что* она способна, и послѣ каждаго, сколько бы оно ни было несчастнымъ, дѣла, какъ гидра лернейская, становившаяся все болѣе и болѣе многоголовой и грозной.

Я помню и никогда не забуду, какъ, въ началѣ мая, ко мнѣ пріѣхалъ въ Гунчжулинъ старшій врачъ одного изъ летучихъ отрядовъ, Т., большой молодчина, отовсюду всегда уходившій послѣднимъ, неоднократно бывавшій въ самыхъ опасныхъ передрягахъ, но никогда объ этомъ не болтавшій направо и налево. Еще совсѣмъ молодой человекъ, онъ благодаря своей крупной фигурѣ и большой черной бородѣ, производилъ впечатлѣніе богатыря, и въ черной мягкой шляпѣ на густыхъ длинныхъ волосахъ мнѣ всегда представлялся похожимъ на Вильгельма Телля. И вдругъ этотъ Телль пріѣзжаетъ ко мнѣ и заявляетъ, что онъ больше не можетъ, что онъ долженъ уѣхать, потому что усталъ до послѣдней крайности. Если это говоритъ Т., то -- я понималъ -- оставалось только помочь ему скорѣе уѣхать, хотя бы изъ одной признательности за его необыкновенную самоотверженную работу. Поэтому я не сталъ отговаривать его, только спросилъ, не рѣшаясь настаивать, какъ это онъ хочетъ уѣхать почти наканунѣ боя, ожидавшагося числа седьмого.

-- Да никакого боя не будетъ, -- спокойно отвѣчалъ онъ.

-- Почему же вы такъ думаете, вѣдь всѣ ожидаютъ, -- возражаю я.

-- Но какъ же онъ можетъ быть?-- говоритъ Т.:-- вѣдь мы наступать еще не можемъ, а японцы не станутъ, потому что убѣдились, что они насъ побѣдить не могутъ.

Я чуть не вскочилъ съ кресла, чтобы обнять и поцѣловать этого молодца за его прекрасный объективный отвѣтъ русской души и на твердость и убѣжденность его тона.

Да, онъ совершенно правъ: несмотря на всѣ неудачи, на цѣлый рядъ ошибокъ отдѣльныхъ лицъ, на всѣ недочеты общей организаціи, на вопіющіе пробѣлы въ предшествовавшей войнѣ, -- наша армія все-таки доказала еще разъ свою непобѣдимость. Я горячо возражаю, поэтому, пессимистамъ, говорящимъ, что насъ били, насъ гнали, что имъ совѣстно будетъ вернуться въ

Росію и нельзя будетъ тамъ прямо смотрѣть людямъ въ глаза. Какъ это несправедливо и обидно за тысячи ихъ товарищей, легшихъ костью около нихъ, за десятки тысячъ самоотверженныхъ, темныхъ умомъ, но свѣтлыхъ душой, нашихъ солдатиковъ, беззавѣтно и безропотно отдавшихъ жизнь свою за доброе имя этой самой Росіи! Какъ можно допускать мысль, что она можетъ считать себя въ правѣ бросить камень въ свою армію?! Если насъ били, то мы каждый разъ били вдвое; если мы уходили, то не потому, что насъ откуда-нибудь выгоняли, а по тѣмъ или другимъ, можетъ быть, вѣрнымъ, а можетъ быть, и ошибочнымъ, теоретическимъ соображеніямъ.

Нѣтъ, съ высоко поднятой головой долженъ вернуться въ отчизну русскій воинъ, и *родина* должна склонить передъ нимъ голову, -- голову повинную, что покинула его на далекой чужбинѣ, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку накопившагося дома грязнаго бѣлья. Благодарнымъ сердцемъ и благоговѣйной душой должна она полетѣть ему навстрѣчу и поскорѣе постараться залечить и успокоить раны его тѣлесныя и духовныя, насъ ради и нашего ради спасенія принятыя имъ, и съ адскимъ огнемъ, и съ миртовой вѣтвью... Я благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ самому убѣдиться во всемъ, что я говорю, и говорить такъ, допустивъ пережить и прочувствовать все это.

Конечно, исторія не должна быть и не будетъ пристрастна; она выдѣлитъ ошибки и скажетъ, кто въ нихъ виноватъ, и тогда эти ошибки послужатъ намъ на пользу. Мнѣ представляется даже очень благопріятнымъ, что мы не кончили побѣдоноснымъ бравурнымъ аккордомъ: онъ покрылъ бы всѣ фальшивыя ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврахъ. Теперь же, сохранивъ въ душѣ всю боль и остроту отъ нашихъ ошибокъ, мы можемъ и должны исправиться, должны и будемъ совершенствоваться, -- именно потому, что мы сохранили ее. Надо намъ работать, много и сильно работать!

Санингоу. 26-ое августа.

Итакъ, у васъ миръ, а у насъ еще нѣтъ. Только сегодня полученъ здѣсь приказъ главнокомандующаго прочесть повсюду телеграмму Государя о томъ, что онъ принялъ предварительныя мирныя условія, но до сихъ поръ хотъ струйками, но все еще лилась у насъ кровь, и каждую ночь ходили на развѣдки.

Мы давно читали телеграмму Витте, со всѣхъ сторонъ слышимъ, что миръ заключенъ, что подписано перемиріе, но до сегодняшняго вечера въ нашей глухой деревнѣ Тунь-Кассія, резиденціи начальника отряда, князя Орбеліани, больше говорилось о войнѣ и ея продолженіи.

-- Что, будетъ миръ?-- спрашиваетъ князь одного изъ всадниковъ.

-- Нѣтъ, нѣ будить, -- отвѣчаетъ тотъ.

-- Значить, война будетъ?

-- Нѣтъ, и война нѣ будить.

-- Что же будетъ тогда?

-- Тѣлѣграммъ будить.

Онъ оказался глубоко правъ; телеграмма пришла, и мы-таки чувствуемъ себя на войнѣ и не видимъ мира, и вмѣстѣ тѣмъ видимъ, что война кончена, ибо подписанъ миръ. Продолжается эта мучительнѣйшая тягучка здѣсь, въ самыхъ передовыхъ частяхъ, особенно сильно и тяжело ощущаемая.

Понемногу выясняются и невеселыя подробности мирнаго договора: Сыпингайскія позиція, весьма сильныя и хорошо укрѣпленныя, тѣ самыя, про которыя Линевиъ говорилъ: "Сыпингай я не отдамъ", -- Витте отдалъ. Не знаю, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, почему уступилъ онъ эти послѣднія, какъ нѣкоторые утверждаютъ, позиціи передъ Харбиномъ, вмѣстѣ съ линіей желѣзной дороги до Куанченцзы, вмѣстѣ съ милымъ Гуячжуляномъ, -- словомъ, хорошій кусокъ пути, еще не пройденный и не заработанный японцами? Что получили мы въ обмѣнъ? Почему не говорилъ онъ, что отдалъ только ту часть дороги, которую японцы завоевали? Конечно, "la critique est aisée", но вѣдь, въ сущности, мы все-таки еще очень мало что знаемъ объ условіяхъ мира, и обрадовались ему только какъ люди съ едва-едва заживающими ранами, боявшіеся, что вотъ-вотъ получатъ по нимъ новые удары, и заручившіеся, наконецъ, послѣ долгой, мучительной душевной волокиты,

увѣренностью, что этого не будетъ; мы поступили, можетъ быть, такъ же неосновательно и преждевременно, какъ и японцы, негодовавшіе на тѣ же, неизвѣстныя имъ, условія мира. Теперь они, подсчитавъ свои выгоды, успокоились, а мы... притихли, и каждый чувствуетъ, какъ санитаръ Бараевъ: "позорець есть".

XXVIII.-- Красный Крестъ начинаетъ свертываться.

3 сентября. Гунчжулинъ.

...Изъ Каталинзы я переѣхалъ на 84-й разъѣздъ, откуда очень счастливо, по только-что установившейся конкѣ "Дееовилькѣ", переѣхалъ въ Маймакай. Я былъ въ симпатичномъ Вятскомъ отрядѣ, когда вдругъ приходитъ извѣстіе, что старшій врачъ 5-го С.-Петербургскаго летучаго отряда, П. П. А., отпустившій и второго врача, и обоихъ студентовъ, оставшійся, слѣдовательно, совершенно одинъ, -- заболѣлъ тифомъ. Надо тебѣ сказать, что мы только-что потеряли двухъ врачей и двухъ сестеръ отъ брюшного тифа и одного студента отъ тяжелаго воспаленія кишекъ, и во всѣхъ случаяхъ у меня осталось впечатлѣніе, что они не выдержали своей болѣзни, можетъ быть, оттого, что продолжали работать больными и переутомили себя. Что могъ, я сдѣлалъ и для нѣкоторыхъ изъ нихъ, но, къ сожалѣнію, каждый разъ узнавалъ о болѣзни слишкомъ поздно.

Ты легко представишь себѣ, поэтому, какъ взволновался я извѣстіемъ о болѣзни этого прелестнаго, скромнаго, добросовѣстнѣйшаго, симпатичнѣйшаго и доблестнаго нашего труженика. Я живо представилъ себѣ, какъ онъ; заброшенный въ самыя далекія передовыя позиціи, одинокій, больной, ходить, осматриваетъ больныхъ, -- самъ, можетъ быть, болѣе слабый, чѣмъ они... Забывъ свои немощи, я сѣлъ на коня и пустился въ только-что еще казавшійся такимъ труднымъ и далекимъ, шестидесятиверстный путь. Лошадь попалась мнѣ мягкая, пріятная, я съ удовольствіемъ снова втягивался въ этотъ пріятный способъ передвиженія, когда такъ наслаждаешься природой и такъ хорошо думается... Въ одиннадцатомъ часу я пріѣхалъ и Саншигоу къ А. и нашель его блѣднымъ, слабымъ и сильно исхудавшимъ...

Когда А. сталъ поправляться, я, сдавъ остающихся больныхъ и часть имущества (бѣлье, лекарства) военнымъ врачамъ, свернулъ отрядъ, положилъ на вьючныя носилки А. и одного изъ санитаровъ, тоже преодолѣвшаго тифъ и умолявшаго не отрывать его отъ своего старшаго врача, - и двинулся въ путь, благословляемый съ неба легкимъ дождичкомъ...

Такъ началъ Красный Крестъ свое возвращеніе на родину: послуживъ всѣмъ, чѣмъ онъ могъ, отдавъ святому дѣлу своему все, чѣмъ обладалъ, -- послѣднія силы и здоровье, -- онъ бѣдные остатки свои положилъ на щитъ и "со щитомъ" пошелъ домой.

Это было 28-го августа, въ тотъ день, когда у насъ объявили о прекращеніи военныхъ и враждебныхъ дѣйствій.

Дождь сопровождалъ насъ всю дорогу, такъ что стало сыро и свѣжо. На серединѣ пути мы въ полѣ остановились, чтобы покормить лошадей. Надо было покормить и А., а мнѣ хотѣлось еще дать ему возможность полежать въ сухомъ мѣстечкѣ.

Около самага мѣста нашей стоянки была какъ-то изолированная отъ всей близлежащей деревни аккуратная фанза, въ которую я смѣло пошелъ за пріютомъ. Во дворѣ красиво цвѣли бѣлыя съ яркими розовыми полосами "belles de jour", во внутреннемъ дворикѣ тоже были цвѣты, и все было аккуратно и чисто. Навстрѣчу мнѣ и санитару вышелъ хозяинъ съ бородкой клинышкомъ и интеллигентнымъ лицомъ. Я объяснилъ ему, что мнѣ нужно: "мало-мало сиди-сиди, и мало-мало кушь-кушь", и пошелъ въ его мужскую половину. Но онъ не согласился на это, перевелъ туда всѣхъ "мадамъ" и дѣтей, а намъ предоставилъ ихъ половину, чистую, прибранную, съ тюфяками, коврами и подушками на коняхъ. Когда онъ увидалъ у А. повязку съ краснымъ крестомъ, онъ показалъ рюмку и сказалъ:

-- "Моя тайфу", -- что означало, что онъ -- докторъ. Я объяснилъ тогда, что А. "мало-мало ломаило", т.-е. немного боленъ, и онъ сталъ очень за нимъ ухаживать и заварилъ намъ чуднаго цвѣточнаго чая. Съ своей стороны, мы налили ему вина, но онъ сказалъ, что "ханшинъ мэю" -- значить: онъ не пьетъ водки, -- отлилъ себѣ вина въ рюмку, остальное предложилъ выпить

молодому китайцу, который сказалъ, что это не ханшинъ, а "хау, хау", -- и очень похвалилъ. Тогда хозяинъ представилъ намъ свою жену, сказавъ: "моя мадамъ", которая протянула намъ руку. Я далъ ей и другимъ женщинамъ и дѣтямъ, которыя постепенно вернулись въ свою комнату, по куску хлѣба съ сардинкой, но онѣ всѣ куда-то унесли это угощеніе, и я не знаю, ѣли ли. Вѣроятно, имъ это такъ же подозрительно и неаппетитно, какъ намъ ихъ пища. Когда одинъ русскій сказалъ какъ-то китайцу, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что отъ нихъ нехорошо пахнетъ (съ ногъ сшибательный запахъ чеснока и бобоваго масла), онѣ, находясь въ дурномъ, но откровенномъ настроеніи, горячо ему отвѣтили:

-- А вы думаете, отъ васъ не пахнетъ? Да какъ еще! и очень непріятно.

Такъ, вѣроятно, и пища наша внушаетъ имъ такую же брезгливость и недовѣріе, какъ ихъ пища - намъ.

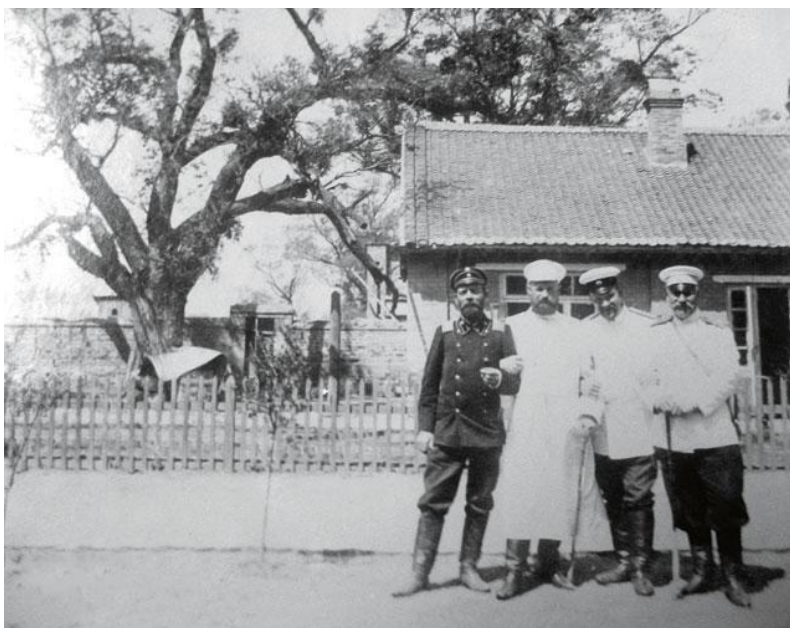
Мы растворили шоколадъ Gala-Peter и предложили вашему коллегѣ, но онѣ не рѣшился его попробовать. Когда, однако, женщины и молодежь его дома съ удовольствіемъ стали пить шоколадъ, онѣ взялъ свою чашку, поднесъ ее ко лбу, помолился, молча, надъ ней и сталъ пить. Напитокъ ему понравился, и онѣ допилъ его до конца. Зато, когда я угостилъ ихъ арбузомъ, -- колебаній не было, и они уплетали его всѣ наперерывъ.

Такимъ образомъ, и китайскій, и русскіе "тайфу" остались очень довольны другъ другомъ.

Благополучно и счастливо прошло также и все наше путешествіе съ милымъ А. до самага Маймака.

Здѣсь я оставилъ своихъ больныхъ въ Вятскомъ лазаретѣ, въ который стремился А., а самъ, простившись съ отрядами 2-ой арміи, пустился въ послѣдній объѣздъ нашихъ учрежденій арміи 1-ой и 3-ей, изъ которыхъ нѣкоторыя уже свернулись, другія -- свертываются, а третьи ожидаютъ своей очереди.

Это первые шаги мои, по направленію къ вамъ, домой...

Евг. Боткинъ.

"Вѣстникъ Европы", NoNo 1--3, 1908